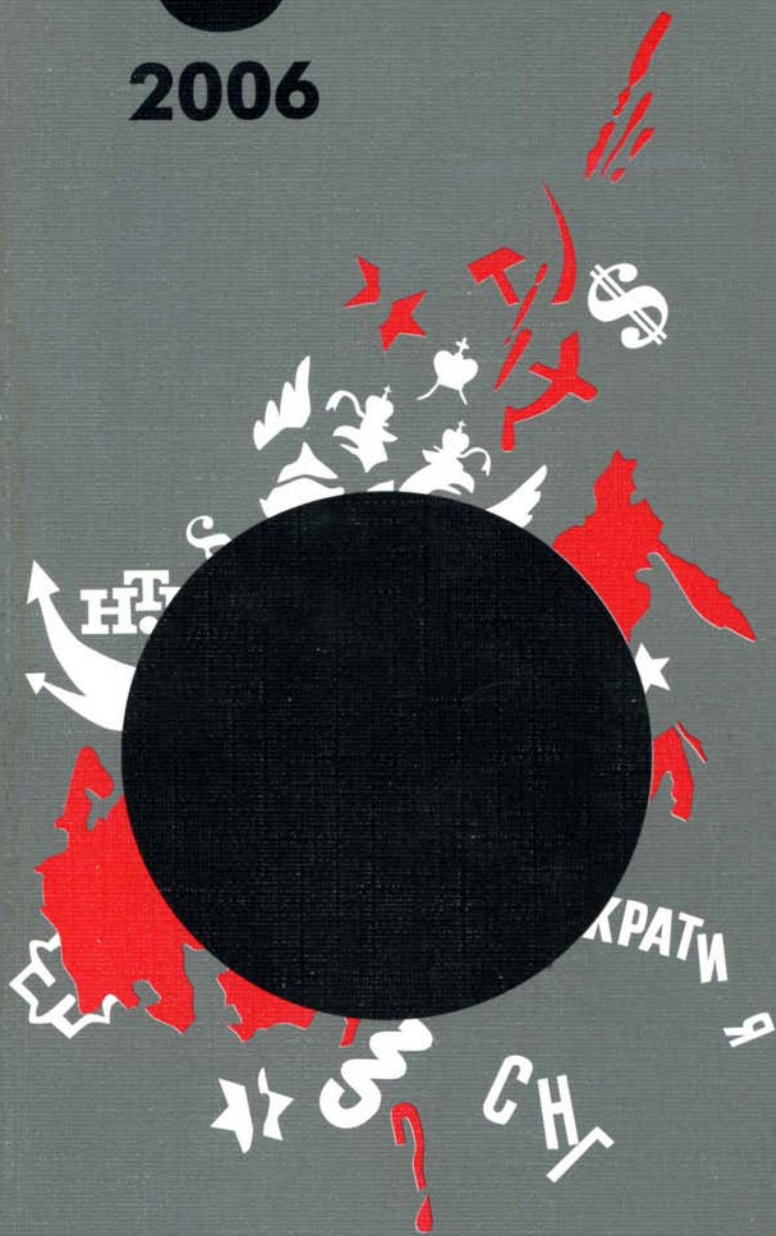

6

2006

РОССИЯ XXI

6. 2006 ноябрь-декабрь

Общественно - политический

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

Игра с огнем. Системная аналитика событий, произошедших в мире и стране с середины сентября 2006 года _____ **4**

Геоглобалистика

Леонид Фридман

Китай, Россия и США.
Разные расчеты – разные результаты _____ **66**

Россия в мире

Ксения Мяло

На круги своя: перед вызовом глобализации (продолжение) _____ **92**

Ярлыки и мифы

Вячеслав Найдый

Предмет философии мифологии
и ее становление в России ___ 106

Ольга Белова, Владимир Петрухин

«Исторический» портрет на фоне
«фольклорного» пейзажа ___ 122

Страницы истории

Исаак Розенталь

О царской охране
и «ведомственной» истории ___ 146

Редакционная почта

Илья Смирнов

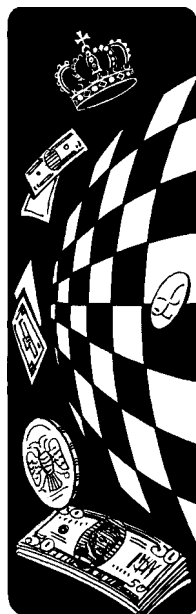
Цивилизационный провал ___ 182

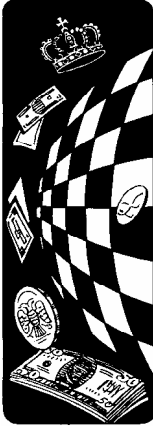
Contents in English look at the page 200

Если теперь всюду трубят о национальности в форме существительного, прилагательного и глагола, то нельзя не видеть здесь некоторого недоразумения. <...> Многие выдвигают теперь национальный принцип в качестве критерия для будущего переустройства карты Европы. В силу сказанного едва ли есть надобность доказывать невозможность и фантастичность этого проекта. Если даже допустить его, то спрашивается, что будет положено в основу национальности? Язык? Но тогда Бельгию придется разделить на части, Италию – также, а такие разноязычные государства, как Россия, распадутся на вотяцкое, черемисское, великорусское, татарское и т.д. государства-нации. Вся Европа

распылится на множество мелких государств. <...> Распылить снова эти соединения на множество частей по национальному принципу – значит поворачивать колесо истории назад, а не вперед. <...> Иными словами, борьба за национальность не есть самодовлеющий лозунг. Под его флагом можно проводить самые несправедливые стремления. Наши «националисты» – пример тому.

Питирим Сорокин

Сергей Кургинян

ИГРА С ОГНЕМ

СИСТЕМНАЯ АНАЛИТИКА СОБЫТИЙ,
ПРОИЗОШЕДШИХ
В МИРЕ И СТРАНЕ
С СЕРЕДИНЫ СЕНТЯБРЯ 2006 г.¹

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР

The author does not dwell upon the specific excesses, the Georgian excess in particular. Instead, he investigates the strategic aims of Russia. One of these aims is related with the Russian presence in certain territories, namely, those that in the past had been parts of the Czarist Russia and the USSR. The author considers various contingent scenarios. Two of these are expansive ones, the third scenario is conservative while the fourth scenario implies the diminutive strategy which is allegedly consistent with the genuine Russian interest. The role of «the Russian Party» is considered in this connection. The author points out that the Russian Party's activity actually accelerates dying-out of the Russian people. Programming of Russians who have suffered the most from the collapse of the USSR to xenophobic attitudes means their programming to diminution of their territory. The Russian Party's doctrine is not the nationalism but its exact opposite, the syndrome artificially and intentionally concocted for disintegration of Russia. The state structure of the USSR was logical and effective because it was crowned by the super-national and super-confessional idea to which all nations and confessions were «attached» and which provided the impetus to modernization. Attempts to create the nation state after the disintegration of the USSR failed because the social, economic and political regress was launched instead of the accelerated modernization. Russia where people who belong to hundreds various ethnic groups live is utterly unable to build the Russian mono-ethnic state because every molecule of the Russian history is encoded with multinational amalgam. If Russians split this amalgam they will encounter with collapse earlier than they will gather the desired mono-ethnic components. The only case in hand is building of the nation state which rejects the demand of

¹ Доклад на заседании клуба «Содержательное единство» 19 октября 2006 г.

the ethnic identification.

**Часть I.
Грузинский эксцесс
и его макрополитический
смысл**

Что я называю грузинским эксцессом? Множественные реакции на арест российских офицеров грузинскими правоохранительными органами. Эти множественные реакции оказались очевидным образом «асимметричны» по отношению к поведению,

который их породил. Почему я говорю об асимметричности? Зачем использую это сложное слово, если гораздо легче сказать о несоразмерности?

Но в том-то и дело, что в данном вопросе простота может быть хуже воровства. Если считать захват российских офицеров не рутинной, а особым событием, то этот захват является вызовом российскому государству. И государство имеет полное право ответить на вызов. Масштаб ответа определяется исходя из стратегической целесообразности. Ответ может быть формально несоразмерен вызову, но одновременно адекватен ему. Ибо направлен на решение той стратегической задачи, актуализацию которой породил вызов.

Соразмерен ли вызов, именуемый в истории «выстрелом в Сараево», мировой войне, унесшей десятки миллионов жизней? Конечно, несоразмерен. Но, в каком-то смысле, адекватен. Потому что выстрел в Сараево взорвал всю систему накопившихся на тот момент европейских и общемировых противоречий. Потому что этот выстрел породил цепную реакцию. Причем по строго определенному закону. Потому, наконец, что вцепившиеся друг другу в горло европейские державы не могли так вцепиться, если бы не было нанесено недопустимого, с их точки зрения, ущерба достижению их стратегических целей.

Каких стратегическим целям России нанесен ущерб арестом четырех российских офицеров? Если этот арест мешает нашим серьезным целям, то российская реакция может быть сколь угодно масштабной. Но в любом случае она должна предполагать нечто для того, чтобы называться симметричной и адекватной. Что же именно? На самом деле, только одно – устранение препятствий, поставленных данным вызовом на пути достижения наших целей. Препятствий, поставленных напрямую. Или же косвенно вытекающих из возникшего вызова.

Если этого нет, реакцию надо называть асимметричной. Именно асимметричной, а не несоразмерной. Тут есть нюанс. И этот нюанс весьма существен.

Но прежде, чем перейти к обсуждению нюансов, хотелось бы сказать пару слов о том контексте, в который эти нюансы вписаны.

Если говорить о мировой политике, творимой в пределах так называемого СНГ, то придется признать, что главное происходит сейчас вовсе не в Грузии. Что сегодняшняя ось глобального напряжения – это, как ни странно, Средняя Азия. А главный узел этого напряжения – Казахстан. При этом там все происходит тихо.

Что же именно происходит? Идет смертельная борьба за энергетический ресурс. В регионе разворачивается крупномасштабное китайское наступление. Я имею в виду укрепление китайских позиций во всем, что касается политического и экономического влияния. И в этом реальный смысл того, что именуется ШОС (Шанхайская организация сотрудничества).

Пойдут ли потоки энергосырья на Восток или на Запад? От этого зависит судьба глобальной власти. Если потоки пойдут на Восток, китайский рост станет реально неудержимым. Если на Запад – у Великого Дракона возникнут очень серьезные проблемы. Так что схватка идет смертельная. И, повторяю, тихая. Любая подлинно смертельная схватка любит эту особую тишину.

Эта тишина находится в резком контрасте с публичной скандальностью грузинского сюжета. На деле сюжеты прочно связаны. Потому что если совокупный энергоресурс развернется на Восток и Юго-Восток, то Грузия (да и весь Кавказ в целом) теряют роль ключевой карты в «великой энергетической войне».

Однако, во-первых, эта роль пока еще не потеряна. Хотя и сильно проблематизирована, о чем, в частности, говорят последние американские решения по Грузии, решения ООН и многое другое.

Во-вторых, «великая энергетическая война», конечно же, имеет огромное значение. Но этой войной никак не будут исчерпаны фундаментальные конфликты XXI века. Кроме того, все войны XXI века (энергетические в том числе) будут носить, так сказать, «атипичный» характер. В них может использоваться самое разное оружие. В том числе и такое, которое придаст кавказской теме совершенно новую (и очень жгучую для нас) «военную значимость».

И, в-третьих... мы, конечно, можем полностью погрузиться в глобальные игры, но... как бы это поделикатнее выразиться... Мы, увы, не СССР... И в этом смысле являемся не столько субъектом этих игр, сколько объектом. А точнее, даже полем, на котором эти игры разыгрываются.

Возможно, XXI век потребует от нас возвращения к глобальной субъектности. Но, будем откровенны, это далеко не бесплатное удовольствие. А для нынешней России – почти непосильный груз. Если Россия и возьмет его вновь на свои плечи, то это будет уже совсем другая Россия. Полностью ответственная, так сказать, за советское наследство.

Пока всего этого нет и в помине. А что есть? Есть пресловутые национальные интересы. И это, между прочим, совсем немало. С позиций же этих интересов грузинский эксцесс значит намного больше, чем некоторые глобальные маневры и судороги.

Часть II. Тактика и стратегия

Приструнить зарвавшихся грузинских русофобов – это благородная цель. Но, увы, сугубо тактическая.

Стратегическая цель может и должна быть связана с другим. С присутствием России на определенной территории. С масштабом этого

присутствия и его качеством.

Под этим углом зрения постараемся посмотреть на интересующие нас события в Грузии. А для этого, в свою очередь, необходимо правильно подойти к оценке события как такового. Любого события вообще.

Что такое «событие»? Это нечто самодостаточное? Или знак чего-то гораздо большего? Например, пресловутых происков «мировой закулись»? Мне кажется, что оба эти подхода уже себя полностью дискредитировали. Рассматривать, например, события в Грузии как исполнение господином Саакашвили задания, полученного от господина Буша, – значит существенно мистифицировать произошедшее. Но столь же нелепо рассматривать эти события как свидетельство прямолинейности неких тбилисских высоких администраторов, отреагировавших на «происки российских военных».

Что же тогда на самом деле произошло?

И что выявилось в результате произошедшего?

Начнем с последнего. Вхождение Грузии в НАТО, конечно, проблематично. У американцев есть сейчас чем еще заниматься. И они не могут не понимать, что их успешные действия повлекут за собой издержки, не сопоставимые с приобретениями. Не то чтобы Россия начнет войну с Грузией и поддержавшими ее силами НАТО. Не в этом дело. И не в том, что поддержка Грузии со стороны США каким-то кошмарным образом трансформирует российско-американские (в последнее время, как все мы понимаем, далеко не безоблачные) отношения.

Просто принятие Грузии в НАТО потребует от США практически невыполнимых вещей. Чего-то наподобие показательного перехода Грузии от нищеты к процветанию, от хаоса внутренних противоборств к реальной стабильности. Количество денег, которое нужно на это затратить, превышает реальные возможности перенапряженного американского бюджета.

А, помимо денег, понадобится еще и политическая воля, система прямых административных американских воздействий на амбициозную грузинскую элиту. Если этих воздействий (они же – массовые «посадки») не осуществлять, то грузинская элита, взятая как данность, спокойно, обаятельно и весело разворует не только скромные американские дары. Весь американский бюджет туда вложите – и все будет разворовано. А страна останется такой же нищей и нестабильной.

Значит, нужна другая грузинская элита. Ее еще попробуй сооруди... А с этой что прикажете делать? Да и вообще – не в американских правилах переутруждать свой бюджет, создавая очаги процветания на каких-то «банановых» территориях.

Если же принять Грузию в НАТО, войти в Грузию, а ее процветанием и стабильностью не заниматься самым серьезным образом, то результат будет сугубо отрицательным. Пришедшие на такую территорию войска будут поглощены расширяющейся воронкой грузинской нестабильности.

Недаром даже вопрос о НАТО на Украине и то является открытым. А после нового витка украинской нестабильности – не просто открытым, а уже почти закрытым. Хотя, конечно, американцы будут рваться на Украину гораздо больше, чем в Грузию, потому, что они не могут позволить немцам разместиться на Украине, так сказать, со всеми удобствами.

Что же, повторяю, произошло? И кто они, эти фигуранты, про которых можно сказать: «По делам их узнаете вы их»? И в чем дела-то? Мы что, приостановили вывод своих войск из Грузии? Мы, наоборот, ускорим вывод оставшихся скудных клочков нашей военной силы.

Представьте себе, что Грузию приняли бы в НАТО за считанные дни и через месяц туда были бы введены войска. Мы реально (не в галлюцинативных ультрапатриотических снах) никакой войны в этом случае не могли и не должны бы были затеять. Это, как говорится, ежу понятно.

Так что мы должны были бы сделать? Утереться? Ответить очередным поджатием хвоста на демарш ненавистной суперсилы?

Отнюдь. Со стратегической точки зрения, нам надо ответить себе на один-единственный вопрос: в какой мере мы хотим присутствовать на Кавказе и где именно? А этот вопрос есть часть другого вопроса – о нашем присутствии в мире. Хотим ли мы это присутствие повсеместно расширять? Хотим ли мы его уменьшать? Хотим ли мы его где-то уменьшать, а где-то увеличивать и тогда где именно?

Предлагаю рассмотреть все возможности. И начать с возможностей расширения российского присутствия. Как в мире, так и в каждом его отдельном регионе. Потому что российское присутствие в мире – это не

абстракция. Это сумма российских присутствий на сопредельных России территориях (пресловутое «ближнее зарубежье»). А также в других частях мира (дальнее зарубежье).

Присутствие на сопредельных территориях особо существенно. Потому что только через эти частные территории Россия может расширять свое общее присутствие и свою общую роль. Кроме того, эти территории входили в состав царской России и СССР. Они исторически воспринимаются как свои. Их потеря как ампутация частей российского единого целого. Без восполнения этих потерь российское государство все равно оказывается инвалидом, калекой. И ведет себя соответственно, и другими воспринимается в этом, так сказать, весьма печальном контексте.

Как расширить присутствие? Это обсуждалось неоднократно.

Сценарий №1 – возбудить центростремительную тягу к России у народов, находящихся на отсеченных территориях. И через это восстанавливать свое присутствие без деструкции самих территорий. То есть возвращать в российскую орбиту – культурную, экономическую, политическую – всю Грузию, а не Южную Осетию и Абхазию. Всю Украину, а не Новороссию и Крым. Всю Молдавию, а не Приднестровье. Весь Казахстан, а не его северную часть. И так далее.

Для того, чтобы решить такую расширительную задачу (назовем ее «расширительной задачей-максимум»), нужно особо мощно нарастить тяготение к России даже у «некомплиментарных» к ней народов ближнего зарубежья. Вряд ли это можно сделать с помощью угроз депортации представителей этих народов, отнесения их к категории так называемых «чурок» и через прочие аналогичные фокусы. Это очевидно даже последнему дегенерату.

Но есть влиятельная точка зрения, согласно которой возбудить центростремительную страсть у «некомплиментарных» к России народов уже нельзя, да и не нужно. Последнее продиктовано соображениями, так сказать, нерационального характера, укладываемыми в знаменитое новорусское «западло» (а также в его более классические, но по сути аналогичные словесные определения).

Можно ли этим руководствоваться в геополитике – вопрос отдельный. Легче всего сказать, что нельзя. И это будет совершенно правильно. Но недоучитывать роль эмоций, по сути, тоже неграмотно. Вам скажут, что если нельзя, но очень хочется, то можно. И что все время утираться – это тоже плохая геополитика. Но, главное, вам скажут, что «поезд ушел». Что повернуть общественное мнение на некомплиментарных сегментах потерянной территории невозможно. Что они «отрезанный ломоть».

В чем-то это, возможно, и так. Я не собираюсь категорически оппортировать этой точке зрения. Только скажу, что «никто не пробовал», никто по-настоящему, на уровне большой государственной политики не проводил ни глубокого исследования источников некомплиментарности, ни методов их трансформации во что-то другое. О чем это говорит? Отвечая: об отсутствии большой сосредоточенной политической воли, направленной на решение этой задачи.

В любом случае, кроме такого сценария, в рамках которого должна решаться расширительная задача-максимум (возможно, и не решаемая в полной мере), есть и другой сценарий. В рамках которого можно решать расширительную задачу-минимум. С одной стороны, минимум... Это кому-то не нравится. Но, с другой стороны, – тоже ведь расширительную!

Этот сценарий №2 общеизвестен. Принцип, на котором он основан, – присоединять не территории целиком, а те их части, где население однозначно комплиментарно к России. Не Грузию, а Абхазию и Южную Осетию. Не Молдавию, а Приднестровье. И так далее.

Издержки этого сценария тоже общеизвестны. Мы портим отношения с сопредельными государствами, на целостность которых, что греха таить, посягаем. А также создаем обоюдоострые прецеденты. А ну как не только Абхазию и Южную Осетию присоединим, но и что-нибудь из «своего» потеряем! Даже не хочется говорить, что именно.

Сторонники данного сценария имеют свой взгляд на рассматриваемые издержки. Так, например, по поводу Южной Осетии и Абхазии они говорят, что по-настоящему эти территории в состав независимой Грузии никогда не входили. Если, конечно, не упиваться историческими прецедентами эпохи царя Давида и царицы Тамар. Абхазия и Южная Осетия вошли в Россию вместе с Грузией. А затем в СССР вместе с Грузией.

Кто там как кроил административные границы – это отдельный вопрос. Но когда вместо административных границ встал вопрос о границах политических, то единственный «экзистенциально достойный» выход из сложившейся ситуации состоял в том, чтобы вернуть всем территориям право на самоопределение по отношению к России. Поскольку Россия собирала вокруг себя эти территории. И они именно с ней (а также с СССР, как с ее исторической ипостасью) строили свои специальные отношения. Жители этих территорий не крепостные, которых можно произвольным образом передавать от одного барина к другому. У них есть право на то, чтобы в новых условиях решать свою историческую судьбу, соотносясь со своими представлениями о собственном благе.

Если добавить к этому, что ни Абхазия, ни Приднестровье, ни другие субъекты, пережившие гражданские войны, назад в лоно тех «сущностей», которые вели с ними кровавые разборки, никогда не вернуться, то ситуация представляется достаточно однозначной.

Оставим в стороне плюсы и минусы, связанные с максимальной и минимальной расширительностью. Укажем только, что это расширительность. И что других сценариев расширительности нет.

Но есть сценарий №3 – охранительный. В рамках этого сценария мы применительно к РФ вспоминаем песню советской эпохи: «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим». Почему это мы не хотим этой земли (Кавказа, Крыма, Приднестровья) и с какого это бодуна она стала чужой – отдельный вопрос. Странники этого сценария скажут вам, что так вот получилось. Что Кавказ, Крым и Приднестровье – это теперь территории чужих государств. И с этим надо смириться. А вот Чечня, например, часть России по Конституции РФ. И потому этот «вершок» мы никому не отдадим.

Почему надо так сражаться за Чечню, если потеряны гораздо более «исторически манкие» для России Крым и Новороссия, объяснить трудно. Но этот сценарий хорош хотя бы тем, что не отдается ни вершка своей земли. Он хорош тем, что не является уменьшительным.

Итак, еще раз, какие возможны сценарии (рис.1).

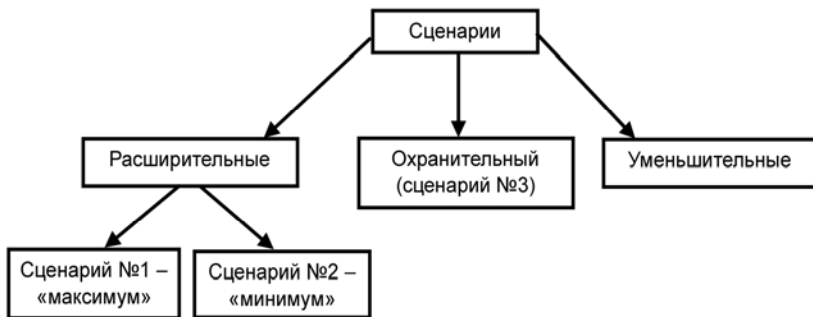

Рис.1

Назвав сценарии, сразу скажем, что наиболее негативными являются уменьшительные сценарии. Но даже в их рамках ТЕОРЕТИЧЕСКИ МОЖНО ДОПУСТИТЬ МОДИФИКАЦИИ, СОЧЕТАЕМЫЕ ХОТЬ С КАКОЙ-ТО ЖИЗНЬЮ РУССКОГО НАРОДА. И эти модификации, если они имеются, являются меньшим злом, нежели те, которые подво-

дят черту под историческим (а значит, и физическим) бытием этого народа.

Вот и все градации. А какие еще вы хотите предложить к обсуждению?

К сожалению, уменьшительные сценарии, совместимые с жизнью русского народа, не просматриваются. Теоретически их можно допустить. А на практике их нет. Пусть мне кто-то докажет, что это не так. Я самым внимательным образом отнесусь к любым аргументам в рамках такого оппонирования.

Но никто и не обсуждает эту тему открыто и внятно! Более того, последние несколько лет казалось, что эта тема снята с повестки дня. Что «путинская повестка дня» с этой темой несовместима. Что, может быть, мы и не вернем драгоценные «пяди», но своих «вершков» больше отдавать не будем. Как иначе понять жертвы, принесенные на алтарь чеченского замирения? Как иначе определить подлинный государственный смысл той политики, которая в 1999 году во мгновение ока превратила Владимира Путина из начинающего администратора в национального лидера?

Однако у меня возникают самые серьезные опасения, что новая ревизия российской государственной целостности начата. Что она, как всегда, инициирована отнюдь не с российской территории, но подхвачена с территории весьма серьезными российскими элитными группами. И что эти группы ориентируются не на заморские приказы, а на собственные интересы в их весьма специфическом понимании.

**Часть III.
Русская
уменьшительность –
субъекты,
цели,
возможности**

Я высказался по этому поводу до грузинских эксцессов. Сразу же по горячим следам событий в Кондопоге. Тогда же я выбрал формат высказывания. И не желаю его менять. Потому что без ответов на общие вопросы, которые я затронул тогда и считаю необходимым вновь поставить сейчас, обсуждать грузинский эксцесс так же бессмысленно, как и эксцесс карельский. А также будущие эксцессы, которые неминуемы.

Итак, давайте один раз обсудим «русскую уменьшительность» под стратегическим углом зрения. Может быть, тогда каждый очередной эксцесс, происходящий в рамках этой уменьшительной линии, не будет нам казаться столь необъяснимым и диким.

Так что же такое уменьшительная стратегия, все настойчивее утверждающая, что именно она выражает подлинный русский интерес, а все остальное – это «выдумки космополитов и инородцев»? Что такое она

сама по себе? И каков ее субъект – та социальная сущность, которая стремится ее воплотить в реальность?

В советскую эпоху много говорилось о коллективном разуме партии. Эти фразы набили такую оскомину, что даже теперь, через 15 лет после распада СССР, трудно обсуждать такие вполне научно-респектабельные вопросы, как надындивидуальные формы мышления и поведения. Между тем и для Маркса (который абсолютно не снят с мировой повестки дня), и для тех, кого наши либералы выбрали в качестве своих антимарксистских кумиров, такие надындивидуальные формы мышления и поведения – это социальная аксиома. Что такое рынок? Это надындивидуальный ум. Индивидуумы-дураки в совокупности ведут себя так, что их дурацкий индивидуализм превращается в коллективный разум рынка. Не партии и не класса, а рынка.

На самом деле, несводимость поведения больших социальных систем к воле каждого из слагаемых, входящих в эту систему, действительно, аксиома. И только у нас, где столь долго провозглашали, а потом растаптывали тезис о несводимости социально-классового к индивидуальному, так трудно говорить о классовом (социально-групповом) инстинкте, поведении, разуме, воле и т.д.

Между тем класс как большая социальная система – это не выдумка. В Советском Союзе действительно существовал политический класс. Я имею в виду не рабочий класс, который, увы, очень быстро омещанился и в СССР, и во всем мире. Я имею в виду то, что обычно называют номенклатурой. На самом деле, речь идет о бюрократии разного рода – партийной, спецслужбистской, хозяйственной.

По роду работы и деятельности (сознательно отделяю одно от другого) я тесно соприкасался со многими представителями данного класса. Это были очень разные люди. Чаще всего порядочные и неглупые. Не знаю, может быть, мне так везло, но для меня это несомненный бытовой факт. Я не могу также сказать, что представители этого класса были наделены сосредоточенной надклассовой волей. Что их разум имел классовую детерминанту. Обычные приличные люди.

Но ведь в том-то и дело, что классовая воля, классовое мышление, классовая нравственность существуют во многом отдельно от людей, слагающих данный класс. И когда я сейчас буду описывать характеристики некоего советского властного класса (кому-то будет удобнее название «большая властная социальная группа»), то я буду описывать именно характеристики целого.

Разные молекулы этого целого не захотят себя узнавать в данном обобщенном социальном портрете. И это их право. Однако наблюдения за происходящим позволяют мне нарисовать этот горький, но, как мне кажется, правдивый **СОВОКУПНЫЙ ВНЕ- И НАДЫНДИ-**

ВИДУАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ. И предложить некие оценки и прогнозы с опорой на данный портрет. В чем я вижу свой, так сказать, неблагодарный научный долг.

Итак, властный политический класс Советского Союза – это «субстанция», не лишенная многих важнейших политических добродетелей. А именно – цепкости. Жесткости. Властной страстности. Безупречности политических рефлексов. И многого другого. Единственное качество, которого эта субстанция была лишена, – интеллектуальность.

Специально не говорю «интеллигентность». Интеллектуальности не было! Напротив, она агрессивно отвергалась. Умники ходили в изгоях: «Подумаешь, еврей при губернаторе!» Политические лидеры, обращаясь к своему классу, говорили: «Подумаешь, программа, программа... Не я писал, ученые писали». Ученых терпели, но не более. Те, кто начинал с ними особо тесно взаимодействовать (Берия как куратор атомного проекта – лишь один из примеров), сразу попадали под подозрение.

Между тем незаметно подкралась эпоха, когда без этой интеллектуальности «хощь стой, хощь падай». Эпоха называлась постиндустриальной. В каком смысле это слово используется и правильно ли оно используется, – опять-таки, отдельный вопрос. Мне здесь не хочется его подробно обсуждать, потому что это уведет нас от сути дела.

СССР и мировая коммунистическая система могли взять постиндустриальный барьер быстрее, чем США и мировая капиталистическая система. Об этом много писали. И совсем не в газете «Правда». Об этом писал Бернхайм, говоря о революции менеджеров. Об этом писали все теоретики так называемой меритократии, шире – «посткапитализма».

Для новых посткапиталистических элит бременем капитализма было семейное наследование денег и собственности. А значит, и наследование власти. Новые, более гибкие общества вообще отрицали семью как канал вертикальной социальной мобильности. Поскольку гиря капитала не висела на шее у СССР и мировой коммунистической системы, «взлететь» в постиндустриализм нам было гораздо легче. И для этого совершенно не надо было отказываться от коммунизма. О чем я и написал в своей книге «Постперестройка» в 1990 году. После чего как раз и стал «врагом рынка и демократии».

Но дело не в отдельной книге и не в курьезах рыночных метаморфоз. Несвобода была тяжелым препятствием на пути советского постиндустриализма. Но, как ни странно, менее тяжелым, чем наследование капитала. И те, кто говорит, что несвобода не может сочетаться с постиндустриальным успехом, просто не хотят видеть щелей в том, что они выдают за монолитную бетонную стену. Есть, есть стена, есть проблема, и тяжелейшая. Но тяжелейшая, а не нерешаемая...

Так вот. Для того, чтобы взять барьер постиндустриализма, советскому политическому классу надо было просто уметь. Интеллектуализироваться. Избавляться от антиинтеллектуальной фанаберии. Выполнять завет вождя: «Учиться, учиться и учиться». Но класс агрессивно не хотел выполнять это условие. С чем это можно сравнить? Для наглядности приведу пример из моего раннего детства.

Я поздно научился говорить и рано научился читать. Но между моментом, когда я научился говорить, и моментом, когда я научился читать, прошло сколько-то месяцев. И эти месяцы стали адом для моей (горячо любимой и мною, и всей моей семьей) домработницы Полины Васильевны. Потому что каждую минуту я требовал от нее: «Почитай!» А она говорила матери или бабушке: «Давайте я еще раз пол помою! Давайте я в магазин сбегаю! Давайте я обед сготовлю! Все, что угодно, только не это!»

Советский политический класс – это коллективная «Полина Васильевна». Это качество унаследовал и усугубил постсоветский новорусский политический класс. Иногда кажется, что этому классу – лучше сразу под суд в Гаагу, чем «почитать». Что «почитать» (то есть самому брать свой собственный интеллектуальный барьер) – это и лень, и больно, и унизительно.

И что тогда делать? Вливать во власть новую кровь? Мобилизовать кадровый резерв? Это еще страшнее. Опять для наглядности приведу пример.

Однажды во влиятельном властном кругу (вдруг проявившем заинтересованность в своей интеллектуализации) шло следующее обсуждение по поводу очень близких мне интеллектуалов: «Ну, давай, дадим им это, это и это!» – «Нет, нельзя!» – «А почему?» – «А они намного умнее нас. И если мы им дадим хоть что-то, они возьмут все».

Это конкретное высказывание в точности описывает беспощадную классовую логику. Если хоть небольшую группу интеллектуалов реально ввести во власть, то эта группа «сделает» всех остальных.

Самим интеллектуализироваться нельзя («западло»). Делиться властью с интеллектуалами смертельно опасно. Без интеллектуализации постиндустриальный барьер не возьмешь. А без взятия этого барьера нельзя управлять СССР и мировой коммунистической системой. Что делать?

Советский политический класс ответил с поразительной адекватностью. Никакая сверх-ЭВМ не решила бы лучше задачу сохранения собственной власти при условии таких рамочных ограничений. Решение же было следующим: *«Если нельзя сохранить власть НАД ИМЕЮЩЕЙСЯ СИСТЕМОЙ без тех самоизменений, на которые мы не согласны, то есть нельзя ПОДНЯТЬ СЕБЯ ДО УРОВНЯ, КОТОРОГО ТРЕБУЕТ*

СИСТЕМА, то нужно... РЕДУЦИРОВАТЬ СИСТЕМУ ДО СВОЕГО УРОВНЯ. Нужно организовать сброс системы и за счет сброса сохранить власть».

То есть нужно уничтожить мировую коммунистическую систему, развалить СССР, сбросить свое общество с верхнего индустриального уровня на доиндустриальный этап, передать целеполагание (высшую власть!) американцам и кому угодно еще... **НО ОСТАТЬСЯ НАДСМОТРИЦКАМИ.** Властью над собственным деградирующим «стадом».

В каком смысле властью?

Прежде, чем к этому перейти, позволю себе еще одно конкретное отступление. Та самая книга «Постперестройка», которую я написал 15 лет назад (коллективность сочинения никоим образом не дезавуирую, но поскольку кое-кто уже отрекся, то предпочитаю говорить не «мы», а «я»), была «предложением к постиндустриальному танцу». То есть к вовлечению интеллектуализированных групп в существовавшую политическую элиту (политический класс).

Класс же агрессивно не хотел именно этого. И потому воспринимал мои попытки сохранить его потенциал как посягательство на властную самость.

А что он организовал для того, чтобы посягательств не было? Два идеологических потока – западнический (Сахаров) и почвеннический (Солженицын). Оба эти потока имели одну задачу – увести интеллектуальный ресурс нации с поля собственно властной конкуренции. Помешать этому ресурсу стать субъектом и добиваться места во власти.

Пусть лучше «интеллектуальный ресурс» бунтует против власти. Западники на один манер, почвенники на другой. Побунтуют, побунтуют и наденут себе ярмо на шею. Как это говорилось? «Своею собственной рукою»... Так даже еще изящнее.

Те, кто снова спросит меня: «Откуда же такие умники, кто конкретно мог такое придумать?» – должны еще раз перечитать вводную часть данных размышлений. Это не кто-то конкретно. Это класс. Это его разум, это его коллективная воля.

Чтобы не быть совсем абстрактным, приведу еще одно из множества имеющихся у меня доказательств. Причем такое, которое можно, как говорят, пощупать.

Сразу несколько журналистов обвиняли одного из главных кумиров диссидентского почвенничества в том, что он на раннем этапе своей биографии был завербован советскими органами. Обвинение не было грязно-абстрактным. Публиковалась (что, конечно, профессионально недопустимо) конкретная агентурная карточка. С фотографией. С агентурным псевдонимом.

Говорят, что речь идет о «делах давно минувших дней». То есть о сталинской эпохе. Но в таких делах не бывает «срока давности».

Лицо, которому выдвигались эти обвинения, в ответ молчит или высказывается крайне невнятно. Хотя в таких случаях внятное опровержение является нормой во всех так называемых «цивилизованных обществах». Таким образом, этот факт можно считать «принятым к рассмотрению».

Но для чего принятым? Для того, чтобы скомпрометировать данное лицо? Это пошло, мелко и абсолютно недопустимо. По крайней мере, у меня нет никакого желания заниматься чем-то подобным. Меня интересует совершенно другое.

Если говорить о войне с коммунизмом и распаде СССР, то данное лицо (и его книги, изданные в Советском Союзе и за границей) сыграло в этих процессах немалую, а в чем-то решающую роль. И если это лицо находилось под контролем Органов – то чем в таком случае занимались Органы? Они разваливали СССР и коммунизм. То есть ту систему, в рамках которой они властвовали.

Они что, создали что-то более могучее? Нет! Но они укрепили свою власть над тем, что сформировалось после развала системы. Сформировалось нечто убудочное. И уж конечно, никак не сопоставимое по масштабу. Но власть удалось удержать. И даже укрепить.

А вот теперь – о том, что такое власть.

Кто-то говорит: «Власть – это деньги». Категорически отрицаю что-либо подобное по отношению к объекту своего рассмотрения. Власть – это власть.

«Все мое», – сказало злато.

«Все мое», – сказал булат.

«Все куплю», – сказало злато.

«ВСЕ ВОЗЬМУ», – СКАЗАЛ БУЛАТ.

Власть – это именно «все возьму». Точнее, возьму все, что хочу.

Березовскому, Гусинскому и кое-кому еще снилось, что все будет обстоять следующим образом.

Капитал на свои деньги создаст СМИ. СМИ разагитируют население. Население выберет политиков. Политики будут подконтрольны капиталу через СМИ. Наверху деньги, под деньгами «киселевы и доренко», под ними политики, под политиками народ. Так это виделось в неких красивых снах. Реальность изначально была другой.

Ельцин «положил в снег» Гусинского за два года до выборов 1996 года. И за шесть лет до того, как Путин обеспечил Гусинскому уютные нары на недолгий срок. Березовский никогда не скрывал своего «околокоржаковского» генезиса. Весь хваленый «олигархиат» чем был по сути? Пробивными мальчиками, которые сидели во властных приемных,

добиваясь высоких подписей на бумагах, способных принести миллиардные прибыли. Высокие чиновники решали, получают они эти подписи или нет и сколько стоит конкретная подпись. Подчиненность положения «псевдоолигархов» была правилом игры. И это никто в реальной власти отменять не хотел.

Наверху – властный класс.

Ниже – «жирные свиньи» (они же «псевдоолигархиат»).

Еще ниже – обслуга.

Еще ниже – бедняки, нищие и прочие разные.

Вот какой социальный профиль был сочинен и реализован. В рамках этого профиля представители властного класса, отдыхая, обсуждают друг с другом: «Слушай, шашлычка хочется... Какую бы свинку-то зарезать? Может, эту? Смотри, как хвостиком дергает!..»

Так что власть – это не деньги. Это возможность получать деньги в качестве производного от власти. Однако именно в качестве производного.

Но что же такое в описанной социальной структуре есть власть?

В рамках все той же глубоко деструктивной классово (системно, а не личной) логики власть – это возможность сосать кровь «подвластного животного» и справлять ему нужду на голову. И то, и другое доставляет удовольствие, близкое к оргиастическому. В этом смысле деньги – это ничто, потому что удовольствия нет. Поэтому власть данный класс отдавать не намерен.

Аргумент по поводу того, что с момента, когда «подвластное животное» умрет, будет бессмысленно сосать его кровь и справлять на него нужду, отвергается. В ответ говорится: «На наш век хватит».

С позиций такого понимания происходящего я начинаю анализировать собственно государственные проблемы.

СССР был невероятно логичен и эффективен как государственное устройство. Почему? Потому что сверху была наднациональная и надконфессиональная идея. И к ней, как люстры к потолку, «крепилась» все народы и конфессии. В сущности, это и есть имперская модель. Но эта империя (в отличие от предыдущей православной), во-первых, уравнивала конфессии (а уже в рамках этого уравнивания можно было «разруливать» нужным образом конфессиональные приоритеты). И, во-вторых, эта модель давала импульс модернизации, потому что коммунистическая идеология «сакрализовала прогресс». Между тем конфессии никогда этого делать не будут.

На что же хотели сменить СССР? На национальное государство. Так говорили «демиурги» этих изменений, прятаясь за спинами разных там «выродков-западников». Ну, там, Гайдара какого-нибудь... Али чего и похуже. Говорилось следующее: «Сделаем русскую Францию. Прове-

дем супермодернизацию. Положим под себя отделившиеся окраины. Всех этих среднеазиатских, кавказских чурок и прочих разных. А Кургиян нам мешает. Ему чурок хочется назад в империю возвратить. И нам на шею посадить, как при Сталине».

Это типичные разговоры 1990 года. Понимая, что такие «западники» преступно хотят развала СССР, я стал «почвенным» публицистом и аналитиком. Но, став им, сразу столкнулся с категорическим нежеланием «почвенников» спасти СССР. Говорилось практически то же самое, что и «западниками»: *«А на фига нам это надо? Нам чурок себе опять на шею? Да пусть они бунтуют!»* А шепотом добавлялось: *«Да наши этих чурок и ведут... Они их организуют!»*

Можно было бы считать эти слова шизофреническим бредом. Но я никогда не забуду глаза первых секретарей ЦК союзных республик, с ужасом шепчущих: *«Националистов на нас поднимает московский КГБ»*. А также глаза самих националистов, спрашивающих меня, тонко улыбаясь: *«А кто Вам сказал, что Москва сама не хочет уйти из Закавказья?»*

Всего не расскажешь. Рассказанное потребует доказательств. Доказательства – источников. Поэтому сослаться приходится на общеизвестное. Например, на то, что почвенный русский писатель Валентин Распутин, являясь народным депутатом (и, если мне не изменяет память, членом Президентского Совета СССР), сказал во всеуслышанье: *«РСФСР должна выйти из состава СССР»*.

Почему это было особо опасно? Потому что, опираясь на русский актив (русскую часть политического класса), можно еще было подавить окраины. Но с момента, когда этот русский актив сам стал преступно откалываться от империи, делать уже было нечего. Оказалось, что враги СССР – и западники, и... и почвенники, так называемая «русская партия».

Почему я это называю преступным? Потому что при распаде СССР больше всего пострадал русский народ. Он ничего не получил и все потерял. Он умылся кровью. Им стали помыкать в отделившихся республиках. Русских начали изгонять из мест, где они жили веками.

Что сделала уменьшительная «русская партия» для своего народа? Что она ему дала, кроме унижения? Она погрузила его в кровь. Она ускорила его вымирание. Можно ли ее называть «русской партией»?

Можно – в том смысле, в котором я описал. Если властные намерения исчерпываются желанием сосать кровь и справлять нужду на голову «народному животному», то этим все объясняется. Эти оргиастические возможности сохранены и укреплены. «Животное» деградирует и гибнет? Оно уже не может стать инструментом не только глобального, но и макрорегионального господства? А зачем? *«На наш век хватит!»*

Масса лиц и эпизодов проходит перед моими глазами. Уже после распада СССР и расстрела Белого дома сохранялись международные возможности восстанавливать СССР, пусть и в немного усеченном масштабе. Кто воспротивился? «Русская партия» – в ее сугубо властном эквиваленте. Что было сказано? Опять-таки: *«На фиг нам чурки! Так долго от них освобождались, теперь опять их назад пускать?»*

Между тем это касалось не только Средней Азии и Кавказа. Сходная логика предьявлялась по отношению к Украине. И даже к Белоруссии. Властный политический класс обладает колоссальными общими накоплениями, как их ни называй – Стабфонд или как-то еще. Он что, говоря грубо (прошу прощения за эту грубость, но так просто яснее и нагляднее), не может «купить на корню» элиту славянских территорий? Да это же не так дорого стоит! И будет вроде бы все как надо. Но держаться в седле станет чуть-чуть труднее. И потому: *«На фиг нам эта головная боль! На наш век хватит! Все надо продать тем, кто дороже заплатит!»*

Многие факты, которыми я располагаю, выходят за рамки общедоступной информации. Однако оперировать я могу только общедоступной информацией. И потому долгое время я вообще не хотел поднимать данную тему. Поднимешь ее – спросят: «Где факты?» Но мне и всем нам на голову свалились два обстоятельства.

Начну с первого, хотя оно отнюдь не самое важное.

Некто (не знаю, как сказать, господин или товарищ) по фамилии Байгушев издал книгу под названием «Русский орден внутри КПСС». Байгушев представляется помощником Суслова, главного коммунистического идеолога и «серого кардинала», члена Политбюро ЦК. На самом деле это преувеличение Байгушева, который сразу сам начинает ссылаться на Воронцова (действительно являвшегося помощником Суслова).

Как именно Байгушев исповедуется в ненависти к коммунистам (конкретно – к «жидовско-коммунистической» власти) – это отдельная песня. Хотя лично я предпочел бы такую песню в исполнении человека, не представляющегося как «помощник главного коммунистического идеолога». Но не это главное.

Байгушев подробно рассказывает о подпольной работе «русской партии» и прямо говорит: *«Это мы развалили СССР! Это мы инспирировали расстрел Белого дома, когда поняли, что из него нельзя выкурить чурку Хасбулатова!»*

Ряд оппозиционных изданий уже дезавуировал и фигуру Байгушева, и все, что он написал. Я вовсе не хочу преувеличивать значение Байгушева и восхвалять точность его оценок и данных. Но, к счастью или к сожалению (а скорее и к счастью, и к сожалению одновременно), я на-

блюдал за рядом политических сюжетов с крайне близкого расстояния. И потому понимаю, что информация, извлекаемая Байгушевым из некоей «конспирации», – это смесь неадекватности, политической близорукости и... достоверности, как ни прискорбно констатировать последнее. Кроме того, это открытый материал. Это не факты, которыми располагаю только я. Это факты, которыми теперь, так сказать, благодаря Байгушеву располагает общественность.

Далеко не случайно Байгушев уже после этой своей книги про «русский орден» предлагает (в статье в газете «Завтра») вместо России строить Хазарию. Политическому классу, о котором я говорю, все равно, что строить. Ему нужно устойчиво удовлетворять два своих (мною уже неоднократно названных) оргиастических побуждения, к которым и сводится для него понятие «власть».

Любви к своему народу нет вообще. Нет о нем ни заботы, ни... ни всего того минимального и недостаточного, что связывается с понятием «пасти стадо». Это даже не пастухи. И не волкодавы. Это взбесившиеся овцы, натянувшие на себя волчьи шкуры. Близорукие, неумные – и одновременно поразительно цепкие. Есть волки в овечьей шкуре, а есть овцы в волчьей. Овцы мутировали... Что там произошло – неважно. Молния убила пастуха и собак, а часть овец – того... Ну, мутировала или еще как хотите. Словом, возникла такая вот странная «популяция». И она не рассасывается – она наращивает свою адскую концентрацию во власти.

Только пусть никто не думает, что я свожу это к фигуре господина (или товарища) Байгушева. Мне есть о ком и о чем поразмыслить, помимо Байгушева. Тем более, что подоспела Кондопога. И кто бы там во что бы ни играл, суть не в этих мелких, так сказать, «пацанских», псевдополитических играх.

Развалив СССР, этот политический класс вдобавок организовал регресс. Организовал он его под собственные шумные заявления о грядущей русской модернизации. Только под модернизацию, кстати, можно было хоть условно поддержать этот политический класс (он же – пресловутая «русская партия»). Почему? Потому что, кроме СССР, на данной территории может реализоваться только одна мало-мальски эффективная конструкция.

Это – национальное государство. Без всяких там «россиян»! Русское национальное государство. Русская нация могла сложиться на обломках СССР, причем именно как нация, только в условиях ускоренной модернизации. Со всеми компонентами этой модернизации – прогресс, научно-технический в первую очередь, высочайший приоритет права и равенство граждан перед законом, формирование идентичности на основе культуры и языка. Это – и многое другое.

ВСЕ ЭТО БЫЛО ПРОВАЛЕНО. Россию бросили в регресс. Это сделал все тот же политический класс. Он сделал это в интересах своего господства, понимаемого на свой «овце-волчий» манер. Он превратил «подвластное животное» в доходягу с тем, чтобы безнаказанно отправлять свои оргиастические потребности. Это он сделал! Он, а не те, на кого он переводил и переводит стрелки ответственности.

Кстати, об этих стрелках.

Еще в далекую советскую эпоху (да и в постсоветский период) я не раз обращался к вполне ответственным людям: *«Ребята, в стране есть вполне достойные еврейские интеллектуалы. Они любят СССР, они блестяще говорят, они поклоняются русской культуре, у них есть что сказать по экономике, социологии и прочему. В конце концов, они хорошо смотрятся в телевизоре – правильные лица, правильная речь, правильные мысли... Они известны обществу, у них высокие научные степени... Почему не они выступают по телевизору?»*

Мне на это отвечали: *«Нам не это нужно. Нам нужно... (далее описывались антропологические деформации нужных телеперсон) ...И чтоб они побольше дерьма лили на русских. На них все и спишем».* Говорившие считали себя гроссмейстерами политических игр.

А то, что под аккомпанемент того, что они называли «игрой», состоялся реальный регресс, реальная демодернизация, реальное одичание всего населения, реальная декультурация, фактическая деструкция социума... Это для них, оказывается, значения не имело.

В одном достаточно высоком собрании, которое я сумел довести своими высказываниями «до точки кипения», мне было сказано: *«Да что Вы несете! Какая модернизация! Предполагалась не модернизация страны, а модернизация элиты!»* Я спросил: *«За счет чего?»* Мне холодно и категорично ответили: *«За счет всего».*

Почему криминалитет (а именно он системно заменил собой значительную часть элиты) надо называть модернизированной элитой – я не знаю. А вот в чем мысль, которая мне была презрительно брошена, как перчатка, я и понимаю, и чувствую. И совершенно не намерен уклоняться от этого вызова на политическую и иную дуэль.

Потому что под модернизацию можно было еще что-то стерпеть. В этом было хоть какое-то (пусть очень уменьшительное) благо для русского народа. Он мог в этом сохраниться. Теоретически он еще как-то мог бы сохраниться (но уже совсем не модернизационно) и в православно-цивилизационной модели.

То, что это означало столкновение с исламом, понятно. То, что никакой диалог цивилизаций от этого не спасет, тоже понятно. То, что нелепая программа с православным «Законом Божиим» (никак не совместимая со свободой совести и отделением церкви от государства, а это азы

Модерна) вызовет только радикализацию ислама, это тоже понятно. Резкая реакция на это в Татарии – это еще цветочки. Ягодки впереди. И, ох, какие это будут ядовитые ягодки!

Но хотя бы теоретически это было возможно. Этакая «православная Саудовская Аравия», контрмодернизационная, но с жесткой властью, теократическая по сути... Нефть есть, оружие где-то купим... Это был, конечно, бред, но хоть насколько-то логичный.

Но то, что происходит в Кондопоге, не имеет никакого отношения ни к «русской Франции», ни к «православному ренессансу». Это межэтническая разборка. Не межнациональная, как у нас любят говорить (вы еще постройте эти самые нации!), а межэтническая.

Во Франции есть нация. И нет этноса. Что такое французский этнос? А национальное государство о-го-го какое! И может за себя постоять, как мы видим по действиям главы французского МВД Николя Саркози.

Но это и есть Модерн. Во Франции есть власть закона. Во Франции есть авторитет науки и культуры, выражающийся в том, какое место занимают профессиональные научные и культурные кадры в обществе, сколько они зарабатывают, как защищены, как социализованы. Во Франции... я даже продолжать не буду.

«Русская Франция» могла бы быть компенсацией за обрушение СССР. Слабой, но хоть какой-то компенсацией. Но для этого был нужен русский Модерн – ускоренный и безжалостный. Его место занял регресс, демодернизация. А тогда какая нация? Нация – это субъект модернизации, о чем я буду подробно говорить позже.

Если нет СССР, нет «русской Франции», нет «русской Саудовской Аравии», то что начинается в условиях регресса? Вторичный этногенез! Разборка между этносами и племенами – как между звериными стаями. Это и есть Кондопога. Кто там во что играл – отдельная песня. А по сути происходит именно это.

И не скулите по поводу «русского фашизма»! Что скулить-то! Вы кинули этих мальчишек в социальное невоспроизводство, по сути, в гетто, в социальный тупик! Вы, именно вы превратили их в маленьких зверьков, сражающихся за собственное выживание!

Русский народ, который не ответил массовыми погромами на Буденновск, никто не имеет права соотносить с понятием «фашизм». Устрой Басаев что-нибудь такое в Америке или Европе – чеченские погромы гремели бы по всей стране. Русские тогда сохранили фантастическую выдержку!

Но это была выдержка еще других русских. На подходе новое социально активное поколение – поколение регресса. Это хуже, чем «потерянное поколение». Это расчеловеченное поколение. Не хочу всех мазать одной краской. Среди новой молодежи есть много других. Но и

расчеловеченных – все больше. И они в значительной мере определяют суть происходящего.

Что такое межэтническая разборка? Собака пометила территорию и теперь не хочет пускать туда других собак. Не пустит – значит, ее территория. Так грызлись родовые стаи на ранних фазах развития человечества. Так грызлись племена, прежде чем стать нациями. Исторически этот поезд давно ушел. Практически для всех на Земле.

Но для русских – в первую очередь. Русские – один из самых модернизированных народов Северной Евразии. И самый крупный. Русские держали империю. А этнические самозащиты формируются при попытках поглощения малого крупным.

Если бы русские были поглощены китайцами, они могли бы постараться стать этносом. Или растворились бы. Но они не были поглощены китайцами. Они поглотили других. А этнос, поглощающий другие этносы... Ну, не могу я в одном коротком анализе восполнять интеллектуальные дефициты... Для кого? Для политического класса, которому это все «до лампочки»? Как это там в песне поется? «Давным-давно, давным-давно... до лам-поч-ки»...

Короче – вторичный этногенез не соберет русский этнос, а уничтожит его. Прежде всего, начнется разборка между своими. Самые крутые «русско-фашистские» имена – это псевдонимы. Что хорошо известно. Дальше все это поедет под откос. Этот самый Байгушев – он кто? Он «бай»? А почему он тут вертится рядом с нашими ивановыми? Потом возьмутся за ивановых и петровых... По дороге в распыл будет пущено все, что только можно.

Но раньше начнутся разборки региональных трайбов. Еще в 1990 году оборзевший народный депутат с трибуны цитировал поэта:

*Не упрекай сибиряка,
Что держит он в кармане нож.
Ведь он на русского похож,
Как барс похож на барсука.*

Эти «барсы» возьмутся за свое гораздо раньше, чем сформируется русский этнос. А китайцы им помогут. И еще много кто поможет.

И, наконец, представим себе, что русский этнос сформировался. Что он с кровью изблевал из себя все «чужое» в объеме этак миллионов в 50–60 человек. Предположим даже, что в ходе таких кровавых самоосвобождений (подобные самоосвобождения не могут не быть кровавыми) он стал энергичным. Что дальше?

Скажу страшную вещь: только русская апатия спасла нашу страну от «балканского сценария» в 1991 году. То, что начнется в России после оформления (еще раз: не пугаю, а просто констатирую – неизбежно

суперкровавого) вторичной этнической общности, будет «супербалканским».

И на это все (на такое «оформление» и на «супербалканы») будет спокойно взирать весь мир? А это все в России будет так «разбираться» между собой, сохраняя весь ядерный потенциал сверхдержавы?

МЫ ПОДОШЛИ К ЧЕРТЕ, ЗА КОТОРОЙ ИСЧЕЗНЕТ ЛЮБОЙ, ДАЖЕ САМЫЙ УМЕНЬШИТЕЛЬНЫЙ, РУССКИЙ СМЫСЛ. МЫ ПОДОШЛИ К ЧЕРТЕ, ЗА КОТОРОЙ ДЕЯНИЯ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ «РУССКОЙ ПАРТИИ» УЖЕ НИКАК НЕЛЬЗЯ БУДЕТ СОЕДИНИТЬ НИ С КАКИМ РУССКИМ БЛАГОМ.

За этой чертой «русскую партию» данного образца необходимо будет однозначно квалифицировать как «партию русской измены». И поступать с ней соответственно.

Этой партии многое прощалось. И в общем-то понятно почему. Русские – страдающее начало на данном этапе нашей истории. В Чечне без всякого на то права, с поощрения, так сказать, русской власти были согнаны с земли 300 тысяч русских. Схожий процесс набирает обороты в Ингушетии, и не только там. Единственные, кто не получил никаких компенсаций за этот сгон, – это русские.

Русские однажды и сокрушительно, вне всякой их гражданской, человеческой воли, оказались людьми второго сорта на всех просторах бывшего СССР, от Средней Азии до Прибалтики. Приезжающие на их территории банды («этнические преступные группировки») обращаются с русскими как с рабами. И русские восстания в этих условиях неизбежны. Омерзительно, что слово «фашизм» пущено в большой оборот только в варианте «русский фашизм».

Перечисление вызовов, брошенных русским, можно продолжить. Стойкость, с которой большинство народа, нагло именуемого «фашистским», сносит это, сохраняя всяческую солидарность и толерантность, не может не восхищать.

Отсюда – предельная деликатность ко всем движениям, которые в каких-то формах отстаивают идею русского блага. Пусть это видение блага не совпадает с нашим – не в этом дело. В латвийской фашиствующей стае в 1992 году, в пике русского унижения, я во всеуслышание сказал, что я русский националист. Тогда от этого отпрыгивали как ошпаренные.

Даже сомнительный лозунг «Россия – для русских» еще можно принять к рассмотрению. Но только вместе с объяснением, что такое «русские». Те самые, для которых Россия.

Ниже я это еще разберу. В том числе вопросы о том, чем нация отличается от этноса и племени.

Здесь же сразу скажу, что «племенная разборка» на тему русскости, в частности, резко сузит тот список великих имен, которыми гордится наша история. Мало останется тех, кого можно будет назвать не только в связи с Великой Отечественной войной, но и в связи с Битвой на Бородинском поле.

«У русского царя в чертогах есть палата»... И в этой палате тоже надо будет «перебирать людишек». И забелеют стены от снятых портретов... И усугубится мерзость, которую я когда-то назвал «клиоцид» (война на уничтожение против русской истории).

Итак, есть черта, за которой люди, поднимающие флаг уменьшительного русского блага, **ОДНОЗНАЧНО И КАТЕГОРИЧНО, ОБЪЕКТИВНО, А НЕ ПО НАШИМ ПРЕДВЗЯТЫМ ОЦЕНКАМ** становятся врагами своего народа.

Перейдена ли эта черта? Вот с чем теперь нам предстоит разобраться.

Часть IV. Уменьшительность на Кавказе?

Я назвал четыре возможных сценария политического поведения России – два расширительных, один охранительный и один уменьшительный.

Начнем с расширительных. Укладывается ли в них грузинский эксцесс?

Увы, когда мне говорят, что произошедшее в Грузии представляет собой «русское наступление на Кавказ», то я развожу руками. Ничего мне так не хочется, как русского наступления на Кавказ. Жесткого, умелого, эффективного. И не потому, что во мне кипят империалистические страсти. А потому, что вне этого наступления Россия будет терять те позиции, без которых нельзя удержать даже нынешнюю (крайне усеченную) российскую территорию.

НО ТАК НЕ НАСТУПАЮТ!

Наступать можно по-разному. Аннексируя лояльное и отбрасывая нелояльное (сценарий №2)... Добиваясь лояльности там, где это необходимо для достижения твоих целей (сценарий №1). По-разному можно наступать, повторяю. **НО ТОЛЬКО НЕ ТАК.**

А если это не наступление, то что тогда?

Охранительность? Ой ли! Если это не наступление, то отступление! Причем очередное кавказское отступление с далеко идущими последствиями.

И Кондопога, и грузинский эксцесс – это крупные акции в рамках нового этапа реализации стратегии «деструктивной уменьшительности», которую проводит все тот же преступный псевдорусский субъект. Нельзя рассматривать Кондопогу и грузинский эксцесс по отдельности.

При таком отдельном рассмотрении мы ничего не поймем и, простите, окончательно проморгаем Россию.

Прошу рассмотреть вышесказанное как независимую аналитическую гипотезу. И как ученый, и как гражданин, я просто обязан ее высказать. Высказать – и обосновать. В противном случае, это не научная гипотеза, а огульное обвинение.

Начну с вещей, вроде бы далеких от основной темы. А именно: с анализа политической лингвистики.

Скажите мне, пожалуйста, чем ксенофобия отличается от шовинизма? Конкретно – русская ксенофобия от русского шовинизма? Почему вдруг слово «шовинизм» заменилось словом «ксенофобия»? В чем политический смысл этого, я бы сказал, «нейролингвистического программирования»?

Шовинизм – это попытка всех поднять под себя. Это, так сказать, геополитическая прожорливость. С желудком все в порядке. И хочется все сожрать – и баранину, и свинину, и пироги. Конкретно – и Кавказ, и Украину, и Среднюю Азию.

Ксенофобия – это нечто прямо противоположное. Это несварение геополитического желудка. Это геополитическая рвота, так сказать. Никого не могу сожрать, все создают проблемы. Любая геополитическая пища отторгается.

Программируя русских на ксенофобию, их программируют на умаление своей территории. Это не русский национализм – это его фактическая антитеза. Это провокативно-уменьшительный русский племенной синдром. Синдром, отчасти вызванный объективными причинами. А отчасти искусственно созданный для окончательного распада России. В любом случае, синдром абсолютно губительный.

В принципе возможны два типа русского национализма – расширительный и уменьшительный. Я считаю, что расширительный русский национализм (который, по сути, и есть «русский шовинизм») обладает как негативными, так и позитивными чертами. И в каком-то смысле имеет связь с фундаментальными российскими интересами. Но в реальности-то расширительного русского национализма нет!

А уменьшительный русский национализм, проявления которого мы видим сегодня, – это программирование русского суицида.

Мы сталкиваемся с уменьшительным русским национализмом не в первый раз. Я уже говорил об этом, когда разбирал действия элитной «русской партии». Но это была, еще раз напомним, «игра в две руки». Ведь Советский Союз разваливали, так сказать, «по матрице НТС». Тем, кто забыл, напомним, что эта аббревиатура означает Народно-Трудовой Союз российских солидаристов.

Я не демонизирую НТС в целом. Я просто обращаю внимание на построение этой организации. На то, что она сознательно заложила в свою структуру два как бы несовместимых крыла – либеральное («Демократический союз» Валерии Новодворской) и консервативное (пресловутая «Память» Дмитрия Васильева).

По этой энтэсовской схеме творцы Перестройки и скроили «двукрылую» систему сепаратизма, разрушившую СССР. Деструкция предполагала одновременное задействование двух как бы полярных, но на деле взаимно согласованных сепаратизмов. Один из них, более очевидный, – сепаратизм национальных окраин, поддерживаемый в России либеральными партиями. Другой, менее очевидный, но гораздо более опасный, – сепаратизм «почвенный», собственно русский, призывавший Россию к выходу из состава СССР.

Надо помнить тот горький урок. Еще раз подчеркну, что окончательный распад государства всегда обусловлен отпадением от этого государства его опорного системообразующего начала. В случае России этим началом всегда являются русские. Что касается бунта окраин, то это лишь частный фактор. Пока ядро государства прочно и едино связано, эксцессы на периферии могут быть преодолены. А вот когда эксцессы начинаются в самом ядре, то это... Это уже агония.

Развалить русскую империю того или иного образца (красную – советскую, или белую – православную, или любую другую) можно только внушив русским, что это «не их государство». Что из этого государства надо выйти. Что из него надо бежать, как от чумы. Одновременно надо внушить ту же мысль и малым народам, входящим в империю.

ЧТО ЕСЛИ ЭТИ ДВЕ МЫСЛИ ВНУШАЛИСЬ И ВНУШАЮТСЯ НАШИМ ГРАЖДДАНАМ ИЗ ОДНОГО ШТАБА, ОБЛАДАЮЩЕГО ДВУМЯ КРЫЛЬЯМИ? ЧТО ЕСЛИ ЭТОТ ШТАБ НАХОДИТСЯ БЛИЖЕ К НАМ, ЧЕМ ПРЕСЛОВУТЫЙ «ВАШИНГТОНСКИЙ ОБКОМ»?

Что если у происходящего есть иные интересные, помимо приснопамятных господ Буша, Чейни, а также одной американской леди со столь пугающей наших националистов экзотической внешностью?

Что если Саакашвили – марионетка в руках этой самой уменьшенной псевдорусской партии, которой нужен повод для того, чтобы сначала разогреть антигрузинскую истерию, затем превратить ее в антикавказскую, а затем сосредоточиться на северокавказской теме? Не на чеченской, где страсти и так уже накалены! Это только часть замысленного деструктивного дела. Конечно, и там надо скомпрометировать все прорусское и показать, что любая лояльность русским возвращается в виде русских демаршей по части «чурок» и «черты оседлости».

Чечня – и без того наиболее некомплементарный к России сегмент Северного Кавказа. А Дагестан? А Адыгея? Там ведь пока нет той степени отторжения от России, которая возникла в ходе двух войн в Чечне! Народы Северного Кавказа, и прежде всего народы Дагестана, поддерживали Россию во время этих войн! Без поддержки этих народов война в Чечне превратилась бы в абсолютно неподъемное предприятие. Теперь и им должно быть наглядно показано, что русские способны на любую поддержку ответить только погромной неблагодарностью?

Меня спросят: «А как же происки ЦРУ? Где они в вашей схеме?»

Во-первых, эти происки так же не могут быть решающими сейчас, как и не были решающими в эпоху распада СССР.

Во-вторых, деструктивный сценарий на собственной территории РФ чреват тем, чего американцы боятся пуще огня, – китайской экспансией в Сибири и на Дальнем Востоке.

В-третьих... в-третьих, в данном случае происки американцев вовсе не исключены. Еще раз повторю то, что уже объяснял в начале доклада: грузинский эксцесс в том виде, в котором он состоялся, им невероятно выгоден. Ведь в результате этого эксцесса им удается лишить Россию позиций в Грузии самым дешевым из всех возможных способов. Им уже не нужно ни вводить свои войска на грузинскую территорию, ни обеспечивать дорогостоящий проект по стабилизации Грузии. Ни даже поддерживать происходящее.

Это очень по-американски! Никто не будет затрачивать огромных средств и полностью закладываться политически в неочевидный проект, если есть другие, гораздо более экономные средства решения той же проблемы.

Русский уменьшительный национализм выгоден любым силам, стремящимся к умалению российских позиций на территории СНГ и в мире. В этом смысле, такой национализм является инструментом анти-русской политики. Любой антирусской политики! Американской в том числе.

Я-то считаю, что такое сращивание интересов уменьшительного русского национализма и интересов иноземных врагов России оформлено организационно. Что есть штаб, есть каналы коммуникаций, есть логика согласования шагов... как это говорится, «сверки часов».

Но, помимо общей организационной структуры, есть и общий политический интерес. Грузинские русофобствующие националисты не могут длить свое политическое существование без разжигания антирусской истерии. Русские уменьшительные националисты не могут уйти с Кавказа (всего Кавказа, включая Северный) без разжигания антикавказской истерии.

Последние не могут не отдавать себе отчет в результатах своих действий. Они понимают, что эта истерия зажжет страну с двух сторон. Что она вызовет и реакцию русского ксенофобского отторжения кавказцев, и реакцию кавказского отложения от русских. Они понимают также, что все это не сконцентрируется на одном грузинском пятачке. А значит, возникнут (возможно, не сразу, а постепенно) новые предпосылки для окончательного «кавказского отступления».

Я не хочу сказать, что в ответ на грузинскую провокацию Россия должна была «умыться». Россия имела право действовать еще жестче, чем она действовала. Но по-другому.

Нанося точечные удары по очагам антирусской грузинской активности, пропагандистская машина не имела права переходить на антигрузинские «ковровые бомбардировки». Потому что такой переход, по сути, и означает уход с Кавказа. Потому что такой переход граничит со сломом всей существующей политической машины, обеспечивающей ту самую минимальную стабильность, которой мы так гордимся. Потому что такой переход обнажает отсутствие стратегических целей. Или же наличие целей, несовместимых с целостностью российского государства.

Если у России есть кавказская политика (грузинская в том числе), то антирусские грузинские лидеры и элиты являются, так сказать, «точками разнообразного политического давления». Это давление должно иметь своей окончательной целью устранение этих деятелей с грузинской политической сцены. Разумеется, это должно осуществляться «в рамках международного права и конституционной законности». Разве не так действовал в той же Грузии в интересах США Джордж Сорос?

Одновременно с таким давлением на антирусских грузинских лидеров прорусские грузинские лидеры должны всячески поощряться. А в Москве должны идти вечера грузино-российской дружбы. И чем чаще устраняются (еще раз подчеркну – без идиотских пародий на покушение) антироссийские грузинские лидеры, тем чаще должны проходить вечера грузино-российской дружбы. В результате (естественно и ненавязчиво) должны возникнуть новые возможности на интересующей нас территории. Включая размещение там наших войск. И так далее.

Если вы назовете такую политику «русскошовинистической», то я даже возражать вам не буду. Я просто скажу, что считаю эту политику жизненно важной и абсолютно необходимой.

Вместо этого наши войска ускоренно выводятся из Грузии. А на уровне «фрейдистского замещения» этот жест слабости восполняется пропагандистской истерией, которая объективно обеспечивает в Грузии интересы наших врагов. И неуклонно сокращает возможности нашего возвращения на Кавказ.

Развернутая ксенофобская пропаганда, соединяемая с реальным умалением русского присутствия, представляет собой ПАТОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗВРАЩЕНИЕ ТОГО, ЧТО Я НАЗЫВАЮ «ПОЗИТИВНЫМ, РАСШИРИТЕЛЬНЫМ РУССКИМ НАЦИОНАЛИЗМОМ». Хотите «шовинизмом» – пожалуйста. В этом смысле (повторю еще раз) ксенофобия – это антишовинизм, а не модификация шовинизма. Повторяю это потому, что данная незатейливая мысль с трудом входит в идеологизированное (и спрямленное этой идеологизацией) сознание нашего общества. Нашей интеллигенции. Нашего политического класса. Это осознается медленно и с трудом.

Между тем завтра будет поздно это осознавать. Потому что игра уже будет сделана. Как говорилось по совершенно другому поводу, «будет сделана и делается уже». Игра делается уже! То, как она делается, говорит о многом. Складывается отчетливое впечатление, что речь идет не о штучных игровых комбинациях, осуществляемых по ходу дела, а о вводимых в игру пакетах готовых игровых наработок.

К моему глубокому сожалению, этот поток наработок волочет в нужную деструкторам сторону очень многих из тех, кого я считаю незаменимыми для защиты российской государственной целостности. Полемизируя с этими людьми, я вовсе не намерен заявлять, что они находятся по другую сторону баррикад. Я просто предлагаю им свою логику понимания происходящего и надеюсь на то, что она будет учтена при последующих действиях.

Ничто другое меня не интересует. Мне нужно, чтобы процесс деструкции не приобрел необратимый характер. И я убежден, что это же нужно тем, кому я адресую свои оппонирующие вопросы.

Часть V.

Осторожно: этнополитика!

Жизнь взаимности стала нормой для российской постсоветской действительности. Говоря об этом «взаимности», я имею в виду не займы МВФ. Это ушло в далекое прошлое. Я имею в виду совсем другое «взаимности». Постсоветская Россия живет, хищнически

эксплуатируя тот основной капитал, который создали советские люди.

Прежде всего, речь идет об эксплуатации материального капитала. Самолетов и поездов, заводов и фабрик, дорог и мостов, всех видов созданного в Советском Союзе ядерного и неядерного оружия.

В отличие от Китая, постсоветская Россия не может продать миру полмиллиарда качественных работников по цене в 10% от западной. Нет этого полумиллиарда работников. Нет этой качественности. Да и те работники, которые есть, вполне привыкли к социальным благам, да-

ваемым современностью. Они не подперты, в отличие от Китая, еще одним миллиардом людей, считающих за благо продавать свою рабочую силу по цене не в 10%, а в 1% от западной.

Ранний советский принцип отсрочки вознаграждения, принцип переноса тяжести с материальной на идеальную мотивацию, тоже не проходит. Варварски растоптаны все источники идеального. И на призыв затянуть пояса ради счастливого завтра нынешние российские граждане ответят в большинстве своем чем-то вроде «подите вы». По крайней мере, если этот призыв будет исходить от лица нынешней власти, нынешнего опорного социального слоя. А скорее всего, и в любом другом случае.

Так откуда сумасшедшие накопления, позволяющие «новым русским» ельцинского и неельцинского разлива в неслыханных масштабах строить и закупать дворцы и виллы во всех уголках земного шара? Откуда эти яхты и самолеты? Откуда, наконец, безумное количество дорогих и сверхдорогих особняков вокруг Москвы и Санкт-Петербурга, Свердловска и Красноярска?

Если новый русский капитал не эксплуатирует товар под названием «рабочая сила» (то есть, конечно, эксплуатирует, но не в той степени, в какой это надо для сверхвысокого накопления)... Если этот капитал не удивляет мир инновациями, то откуда эта невероятная прибыль? Цены на энергосырье? Все это происходило и при низких ценах... Кроме того, цены для России и стран Персидского залива одни и те же. А себестоимость в России намного выше. Между тем уровень сверхприбыли и вытекающей из нее сверхроскоши поражает воображение нефтяных шейхов, владеющих сопоставимым с Россией сверхэффективным нефтяным «Клондайком». Откуда это?

Вихрь транзитных и нетранзитных наркотиков, протуберанцы отмываемых криминальных денег кое-что объясняют. Но именно кое-что. Основным объектом сверхэксплуатации, дающим сверхприбыль, является советское материально-техническое наследство. Этот самый основной капитал, который 20 лет назад практически лишили главного инвестиционного ресурса – амортизационных отчислений. Если учесть, что норма амортизации большинства основных фондов составляет 5–7% в год, их износ уже превышает 100%. Все это знают. Но время от времени начинают изумляться по поводу того, что у нас рушатся мосты, здания или самолеты. И вправду, с чего бы это?

Однако предметом данного анализа является не эта хищническая эксплуатация материальной среды. О ней я говорил неоднократно. И даже интегральные уравнения недовоспроизводства решал, рассматривая критические точки будущего коллапса материальной среды. Сейчас я хочу говорить о другом.

Когда новорусские хищники действуют по отношению к материальному потенциалу страны с позиций «жизнь взаимы», то это страшно. Но все же это – полбеда. Еще страшнее, когда наша интеллигенция и наша власть начинают использовать не материальное, а идеальное советское наследство по той же бесперспективной схеме.

Если завтра рухнет очередное здание, мост или даже электростанция, можно еще попытаться что-то поправить. Но если рухнет система идентификаций, согласно которой люди, проживающие на территории России, считают себя социально-культурной общностью, мы уже ничего не поправим. А эти люди, в отсутствие общей идентификации, начнут действовать так, что это породит еще и ускоренные множественные катастрофы в дышащей на ладан материальной среде.

Если «жизнь взаимы» во всем, что касается материальной сферы, порождена корыстью и варварски-расчетливым интересом тех, кто делает на этом миллиарды, что такое «жизнь взаимы» в том, что касается сферы идеального? Сферы идентификации в том числе? Ведь этой сферой занимается не та властная элита, о которой я говорил выше, а другая, по преимуществу интеллектуальная, элита.

«Жизнь взаимы» в этой сфере – это даже не порождение корысти. Это, прежде всего, порождение психологической подавленности и интеллектуальной усталости.

Оказавшись в новой исторической ситуации, русская интеллектуальная элита не сумела ни творчески развить существовавшую ранее (достаточно противоречивую, кстати сказать) систему идентификаций, ни создать новую. И то, и другое требовало существенного волевого и интеллектуального усилия. Ни на то, ни на другое у этой элиты не хватило пороха.

В результате – идентификационные «взаимы». Старые принципы идентификации извиваются в тисках новой реальности. Это было бы смешно, если бы не было так грустно. Безрефлексивность этих непослуживательных заимствований впечатляет больше всего. К сожалению, она задевает многое из того, что мне и близко, и симпатично.

Так, например, мне близок, симпатичен и по-человечески понятен публицистический пафос одного из самых умных российских журналистов, Виталия Третьякова. В данном конкретном случае говорю о пафосе его статьи «"Антигрузинская истерия", Анна Политковская и наши перспективы» («Московские новости», 13 октября 2006 года).

Но одно дело общий пафос, а другое – эти самые недоопределенные идентификационные матрицы. Виталий Третьяков пишет:

«Каждый день я слышу постоянно повторяемое и как бы само собой разумеющееся утверждение о необходимости срочно остановить "антигрузинскую истерию в России". Между тем я не вижу не только самой этой истерики, но даже и признаков ее. Тем более исходящих от центральной власти.

Напротив, как самые официозные наши телеканалы, так и наиболее державнически настроенные частные СМИ словно соревнуются в полткорректности в отношении Грузии, постоянно и даже навязчиво отделяя власти в Тбилиси от грузинского народа, в симпатиях к которому публично исповедовались, кажется, уже все российские политики и 99 процентов российских журналистов.

Зато хамские, причем час от часу все более хамские, слова и поступки официальных лиц Грузии – от президента этого государства до сотрудников грузинского посольства в Москве, – адресованные высшим должностным лицам России, нашей стране в целом, отдельным ее гражданам и в общем-то всем русским, давно уже достигшие предельного градуса параноидальной антироссийской и антирусской истерики, но тем не менее изоциренно подымающие каждый день этот градус все выше и выше, нам предлагается то ли не замечать вовсе, то ли отнести на счет кавказского темперамента "маленького, но гордого" народа».

В каком-то смысле Третьяков, безусловно, прав. А в каком-то абсолютно неправ. И именно соседство этих смыслов беспокоит меня больше, чем все остальное (рис.2).

Убежден, что источник путаницы – гибридная идентификация. А источник самой этой гибридности в том, что при идентификации, с одной стороны, используются коды, связанные с советской традицией, а с другой, – коды, взятые из непроартикулированной новой реальности. Очень специфической реальности! Такой специфической, что дальше некуда. Мы еще будем с этим подробнее разбираться. А пока постараемся понять, как все это работает в совокупности (рис.3).

Отсюда возникает спаренный фантом: «гражданин России грузинской национальности».

Мог быть гражданин СССР грузинской национальности. То есть гражданин империи, принадлежащий еще и к входящему в нее народу. Это было логично. А в национальном государстве – если это «инонациональное лицо» имеет паспорт гражданина России, говорит по-русски, самоопределяется в рамках русской культуры, русской истории и т.п. – оно является русским. И каждый, кто заденет вопрос его национальности (комплиментарно или конфронтационно, неважно), явным или неявным образом посягает на устои национального государства.

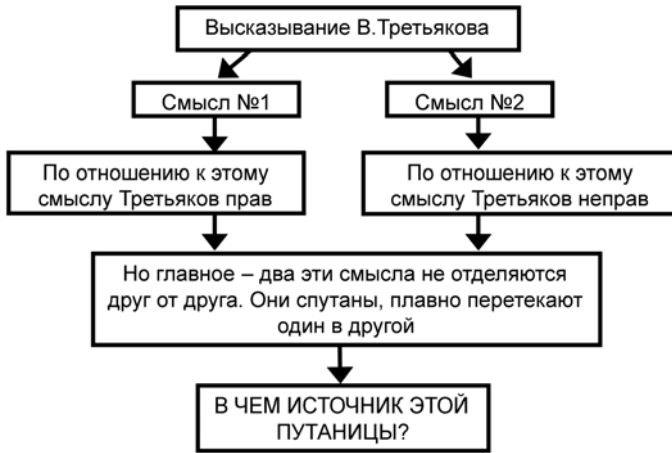

Рис.2

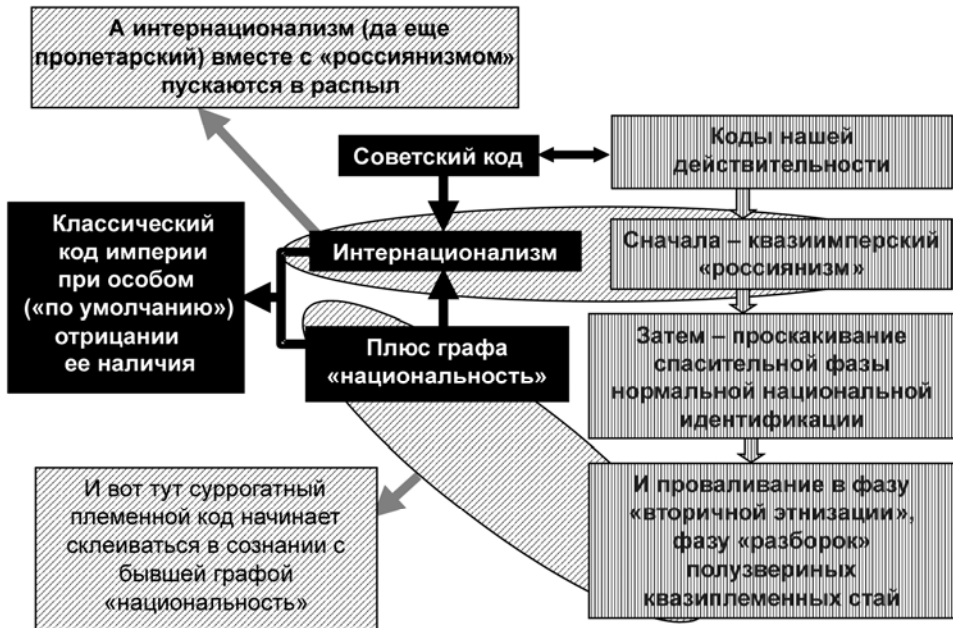

Рис.3

Виталий Третьяков излагает в целом верные мысли (в чем они не до конца верные – скажу ниже). Но он излагает их на языке советского элитного (то есть комсомольско-партийного) фрондирующего интеллигента, совмещенном с языком России эпохи Кондопоги. Из языка комсомольско-партийного фрондирующего интеллигента советской эпохи (лично я ничего плохого в этом языке не вижу) исчез интернационализм. А язык национальной государственности не освоен.

Сначала это было маргинально и ни к чему (и то ведь – национализм, фи, какая гадость). А потом подоспела Кондопога. Все испугались... И власть, и околовластная интеллектуальная среда.

Чего испугались? Что не уловят новых тенденций. И испугавшись, создали новую «фению». Ее формула:

[СОВЕТСКОЕ] минус [ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ] плюс [ЭТНИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ СОВЕТСКОГО «ПЯТОГО ПУНКТА»], ОТОРВАННОЕ ОТ ВСЕГО ПРЕЖНЕГО И ПРИПРАВЛЕННОЕ НОВЫМ ИСПУГОМ]

Копировали-копировали Запад – и докопировались. Семантический слух уже испорчен, вот что хуже всего.

Сказать «гражданин СССР грузинской национальности» можно. И то ведь: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь».

А сказать «гражданин РФ грузинской национальности» нельзя. Почему нельзя-то? А вот нельзя, и все тут!

Что такое «гражданин США итальянской национальности»? Или «гражданин Индии тамильской национальности»?

Гражданин Индии – это гражданин Индии. Премьер-министр Индии – сикх. Но он не является «гражданином Индии сикхской национальности». Начнете так говорить – вместо Индии будет Африка. И это все понимают.

Гражданин США – это гражданин США. Его итальянская предыстория, корни, принадлежность к определенным комьюнити и даже к какой-нибудь «Коза-Ностре» – это его личное дело. Государство ему это поминать не имеет права. Потому что для государства это опасно.

Отдельный госслужащий может у себя на кухне прошипеть «итальяшка». Но сейчас он уже и на кухне побоится это прошипеть. А между своими коллегами – тем более. Потому что кто-нибудь обязательно донесет. Из чувства государственной лояльности. И тогда этому коллеге – полная «хана». То есть такая полная, что даже описать трудно.

А почему? Из любви к «итальяшкам»? Отнюдь! Из государственного инстинкта самосохранения. Начнется это – и не будет великой державы.

Мне скажут, что США нам не указ. Понятно... И Индия нам не указ. И Китай. И Франция... Кто нам указ? Никто!

И так может быть. Но тогда указ нам – собственная история.

Россия до 1991 года никогда не выходила за рамки имперских принципов идентификации. Шла ли речь о православной империи или об империи коммунистической, суть оставалась той же. Народы (подчеркиваю – не нации, а народы!) соединялись в некий союз на идейных основаниях. Им предлагалось строить вместе либо православную симфонию, либо коммунистический рай на земле. В любом случае, их объединял мегапроект. А в ядре мегапроекта находилась та или иная утопия, тот или иной образ высшего блага, то или иное Идеальное.

Соответственно, для крепости державы нужно было, чтобы это Идеальное, этот Дух доминировали над всем остальным. В противном случае объединяемые народы (а то и племена) перегрызлись бы незамедлительно. И никакая армия, никакая тайная полиция никакой стабильности никогда бы не обеспечили. Стабильность ОБЕСПЕЧИВАЛ Принцип. А СОХРАНЯЛА эту стабильность Власть. Власть, опирающаяся на Принцип. А также на многое другое. На штыки, на социальную целесообразность, на политическую интригу, мало ли еще на что...

Как только Власть разрывала с Принципом – все рушилось. В конце 80-х годов XX века Власть (при одобрении многих нынешних державников) разорвала с Принципом, именовавшимся коммунизмом. Почему после этого многие ее представители разводили руками, не понимая, как развалилась империя, остается только гадать. Лучшие из тех, кто пытался защитить державу, отменив Принцип, не могли мне этого объяснить. А на Принцип «заточились» почти все наши влиятельные интеллигенты. В том числе журналисты, издатели газет и журналов, ученые, эксперты (прошу не путать с учеными)... О властных фигурах и не говорю.

Советский Союз рухнул. И перед его наследниками встал вопрос о принципах организации жизни на этих руинах. На них нельзя было пожевать. На них надо было организовывать новую жизнь.

Эту жизнь можно было организовывать следующими способами.

Первый способ. Дать победить коммунистам, помочь им победить. Вместе с их победой восстановить Принцип, а вместе с Принципом – империю (СССР). Это было возможно. Но этому воспротивилась все та же интеллигенция. Что было бы полбеда. Самое главное состояло в том, что ни о какой победе, и тем более ни о каком Принципе, уже не думали сами коммунисты. С этих позиций двусмысленность КПРФ и ее вождя Геннадия Зюганова не знает себе равных в истории.

Как бы то ни было, этот способ организации жизни был отброшен в 1993 и в 1996 годах. Справедливости ради скажу, что его принятие в предполагавшихся формах (в виде власти Верховного Совета или президентства Зюганова) вряд ли привело бы к организации жизни на основе реставрированного (или модифицированного) Принципа.

Второй способ. Восстанавливать предыдущую империю, опираясь на другой исторически заданный Принцип – православие. И на соответствующие институты (монархия, РПЦ). Об этом все еще говорят. Сейчас даже больше, чем раньше.

Но, как я уже сказал выше, время настоящих возможностей позади. То, что сейчас происходит, это рост формы при девальвации содержания. Такой процесс не создает жизнеспособных структур. А вот где-нибудь между 1992 и 1994 годом РПЦ могла все что угодно. Потому что тогда институциональное могущество церкви подпиралось накаленными ожиданиями.

Эти ожидания были спущены на тормозах. В любом случае – этого не произошло.

Третий способ, о чем я, опять-таки, уже говорил в начале этой работы, был связан с созданием полноценного национального государства. Никакого не российского, не «россиянского», а именно русского. Но именно полноценного и именно национального.

Для прояснения этого понятия важно все-таки внятно определить, что такое нация и чем она отличается от народа, этноса и племени.

Вопрос этот невероятно запутан. Вплоть до того, что совершенно разные определения даются вроде бы солидными энциклопедиями. И это далеко не случайно.

Прежде всего, речь идет об очень сложной научной проблеме. Человеческие общности, которые попадают под данные противоречивые определения, не пребывают в статике. Это подвижные социальные «монады». Они всегда были подвижными. Но в особой степени они стали таковыми в Новое и Новейшее время. Именно тогда возникло нынешнее многообразие государственного, надгосударственного и внутригосударственного существования подобных «монад».

В пределах этого многообразия одна и та же «монада» легко может перескакивать с одной классификационной клетки на другую или же размещаться сразу в нескольких классификационных клетках.

Например, очень многие считают необходимым выделить фламандцев и валлонов в разные нации. Ведь серьезные различия есть и по языку, и по культуре. То же самое происходит с Квебеком в Канаде. Многие франкоязычные канадцы настаивают на том, что они не часть канадской нации, а отдельная нация.

И тут научная сложность начинает дополняться, я бы сказал, «объективным субъективизмом». Ведь все рассматриваемые нами «монады» не объекты, а субъекты. Они не камни и не растения. Они живые человеческие общности со своими взглядами и интересами.

Любой такой «монаде» не безразлично, как ее определяют. Помимо чужих определений, у нее есть свой взгляд на столь существенный для

нее вопрос. И этот взгляд не является «профессорским». Повторяю, здесь к научной сложности начинает приплюсовываться игра интересов. Как самой «монады», так и ее противников. Например, если «монада» считает себя нацией, то извольте не отказывать в «праве нации на самоопределение» и создании собственной отдельной государственности.

А дальше на это накладывается, так сказать, «реальность глобализации». Глобализация уже очень внятно поставила вопрос о необходимости все более активного разрушения «национальных» (точнее национально-государственных) границ, а также о необходимости действий (политических, экономических, социальных, культурных) поверх этих границ. И для идеологов глобализации весьма нужно, чтобы эти национальные границы стали в научном, экспертном, политическом, массовом сознании как можно более неопределенными и «пластичными».

Тем не менее, несмотря на все эти объективные и субъективные размытости и неопределенности понятийного аппарата, существуют серьезные и научно доказательные несомненности. Ведь проблема разрабатывалась не только идеологами и политиками, но и такими крупными учеными, как Питирим Сорокин, Эрнест Геллнер, Бенедикт Андерсон, Джон Бройи, Эдвард Хобсбаум и др.

Так вот, с наиболее убедительной научной точки зрения:

Этнос (от греческого *ethnos* – группа, племя, народ) – межпоколенная группа людей, объединенная как длительным совместным проживанием на определенной территории, так и общими языком, культурой и самосознанием. Нередко к этому перечню признаков добавляют общие расовые и родовые (генетические) корни.

При этом чаще всего разделяют стадийные типы этнических общностей – племена, народности и, в некоторых случаях, нации. И указывают, что этносы могут как разделяться сначала на субэтносы с различным местом проживания, а затем и на отдельные народы, так и сливаться в новые этносы и «суперэтнические общности».

Племя (трайб) – общность людей, объединяемых языком, религиозными представлениями и обычаями, а также верой в единое происхождение (от животного-тотема, героя или бога). Племенная организация жизни характерна для догосударственной стадии социальных объединений.

Народ (иногда как синоним употребляют понятие «народность») – наиболее размытая и неопределенная категория в системе этнополитических понятий. Чаще всего народ определяют как население страны, государства, территории, местности с конкретной культурной и языковой спецификой. В то же время, со стадийной точки зрения, народ (народность) обычно считают переходной формой социального объединения. До народа – племя. После него – нация.

Народ от племени отличается формами историко-культурной идентичности. И, как правило, существованием в тех или иных государственных формах. В каком-то смысле, у племени нет истории. Конечно, речь не идет об отсутствии исторической памяти. Но те формы, в которых эта память реализуется у племени, существенно отличаются от форм, в которых это реализуется у народа. У племени есть предание, но нет исторической судьбы. В этом смысле, народ – и дитя истории, и ее создатель.

А вот теперь – о **нации**.

Впервые понятие **нация** (от латинского *natio* – племя, народ) в его политическом значении появилось в ходе Великой Французской революции, когда возникла необходимость сформировать некую общность взамен утраченного «подданства французской короны».

Многие, возражая против этого, приводят в качестве контрпримера «Священную Римскую империю германской нации». Да, было такое название. На Кельнском рейхстаге 1512 года «Священная Римская империя» получила приставку-титлатуру «германской нации» (*Sacrum Imperium Romanum Nationis Teutonicae*). Следует указать, что, пока империя была, титулатуры не было. А когда титулатура возникла... к этому моменту реальная власть императора распространилась только на часть германских и австрийских княжеств, а удостоившийся титулатуры Максимилиан I уже не был коронован Папой. То есть, в строгом смысле слова, не был императором империи, чьим высшим Принципом был католицизм.

Через пять лет Лютер от квазиимперской «химической нации», которую попытались сочинить, дабы спасти империю от развала вследствие отложения Принципа, приступает к строительству «нации без дураков». Путь лежит через «Великую крестьянскую войну», поражение от Османов, войны императоров с протестантскими князьями, череду императоров, не имеющих никакого отношения к германцам, унизительную контрибуцию, выплачиваемую туркам, и через «тридцатилетнюю войну», добившую разваливающуюся империю. Вот куда привела империю несвойственная ей титулатура «германской нации», на которую пытаются сослаться.

Сама же титулатура не имела никакого отношения к нации в ее современном понимании. Речь шла о сумме княжеств, созданных на основе разных, преимущественно германских племен. Объединяющим субъектом права над этими княжествами был император. То есть речь шла о конгломерате подвластных народов, не более.

Есть авторитетное мнение, согласно которому термин «империя германской нации» на том этапе даже не слишком закрепился. А раскручивать бренд стали тогда, когда самой империи уже не было. Его,

так сказать, растиражировали немецкие романтики XIX века, грезя о великих временах прошлого, примеряя на себя новый французский опыт и размышляя о будущем.

Для Карла Великого и его последователей империя не была империей германской нации. Они ее так не мыслили, поскольку имели совсем другие возможности легитимировать опору собственной власти. А вот когда эти возможности покатались в некую корзину вместе с головами печально известных французских монархов – тогда и заговорили о нации.

Все серьезные исследователи сходятся в том, что нация – сознательно «сконструированное» образование, призванное решить три главные задачи:

- обеспечить заинтересованную лояльность населения государству после того, как прежняя, освященная религией лояльность монарху была обрушена буржуазными революциями;

- дать основания для идентификации населения с данным государством при противопоставлении своей идентичности другим государствам, включая соседей;

- открыть для населения возможности социальной, экономической, а далее политической и иной активности в рамках единой и универсальной (уравнивающей всех) государственной лояльности. То есть создать из населения граждан, а из государства – нацию-государство.

Разумеется, на формирование наций-государств оказывали серьезное влияние такие факторы, как общая этничность, религия, язык, обычаи и традиции. И до сих пор существуют и, так сказать, «путаются под ногами» те расово-этнические определения нации, которые давались первыми расистами XIX века (Чемберлен, Гобино и другие), а также нацистскими теоретиками. Прежде всего, Альфредом Розенбергом. Но эти определения не находятся в политическом мейнстриме, не влияют на реальное государственное строительство современной эпохи.

Скажут: «Теория, высоколобые выкладки».

Повторю еще и еще раз: если бы та же Индия, например, опиралась не на базовые понятия индийской нации, а на химеры Розенберга и Чемберлена (или Савитри Деви, которая это все пыталась индийцам «впарить»), то вместо великого государства Индия превратилась бы в бесконечную кровавую свару двух–трех сотен племен, каждое из которых именовало бы себя «нацией», а всех других – «изгоями» и «чужаками».

Это понимает Индийский Национальный Конгресс. Но и его оппоненты-националисты понимают это ничуть не хуже. В Индии все знают, что такое «война всех против всех». И не по Гоббсу, а по собственной страшной исторической памяти. По унижениям эпохи британского им-

периализма, «разделявшего, чтобы властвовать». По постколониальным трагедиям, ужаснувшим самих борцов с колониализмом.

То же самое и с Китаем. Память, например, о древних конфликтах хань и цин еще жива. Но любой, кто актуализирует эту «конфликтную память» за рамками культурных воспоминаний (а отчасти и в этих рамках), будет решительнейшим образом остановлен. Это касается даже крупнейших создателей нового китайского кино. Великий фильм «Император и убийца» находится в черном списке китайской компартии. И не случайно.

Китаю нужен Модерн, то есть единая нация. Индии нужен Модерн, то есть единая нация. НАМ ЧТО НУЖНО?

Любой ответственный исторический подход не может игнорировать тот факт, что нация-государство создавалось как антитеза преמודернистскому феодальному государству и для обеспечения глобальной конкурентоспособности в противостоянии (экономическом, политическом, военном, культурном) с другими государствами (в том числе другими нациями-государствами).

А главным средством решения этой задачи оказывалась максимальная интеграция всех этнических, социальных, языковых, религиозных и т.д. групп и сословий в поле общей национальной лояльности. И на этой основе – форсированная экономическая, социальная, культурная **МОДЕРНИЗАЦИЯ**. Еще раз повторю: главной задачей нации-государства было обеспечение своей глобальной конкурентоспособности на основе модернизации!

Помимо нации, этноса, племени и народа, существует еще размытое слово «национальность». Его я уже упоминал. Бессмысленная апелляция к этому слову наивна и контрпродуктивна. Поскольку стереотипы въедливы, то повторю еще раз: это слово по преимуществу использовалось в СССР, где империя, не определявшая себя как империю, должна была выработать некий инструмент «учетной отличительности» для обозначения входящих в ее конгломерат народов, этносов и даже племен. Повторяю, это слово вне компенсатора в виде «пролетарского интернационализма» бессмысленно. В любом случае, это слово подрывает Модерн, а значит, и концепцию национального государства. Автоматическое использование этого слова надо прекратить во избежание худшего.

Для нас сейчас важнее всего установить, что современная нация – это субъект модернизации. Она неразрывно связана с Проектом Модерн. Она не может реализоваться вне этого проекта. Она опирается на светский тип власти. Иногда эта власть является авторитарной, иногда демократической. Но, в любом случае, эта власть устанавливает безоговорочный приоритет права (ярчайший пример – Кодекс Наполеона).

Она отделяет церковь от государства. Она сохраняет для церкви весь набор культурных возможностей. Она придает светский характер самой культуре. Она создает модернизационные политические институты. И, наконец, она опирается на прогресс и гуманизм. Вне этих опор Модерн невозможен.

Наконец, на этой основе государство начинает техническую модернизацию, сопрягая ее с социальной. Конечно, при этом разрушается традиционное общество. Но его место занимает не социальный студень, не этноплеменная каша, а новый тип общества – общество граждан. Это общество сохраняет и вращивает моральный дух, дух патриотизма, своеобразную веру в идеальное, пусть и лишенную высшего духовного пафоса. А также многое другое.

Есть ли еще способы организовывать жизнь? Есть ли еще способы создавать жизнеспособные государства? В принципе, есть еще один способ.

Четвертый способ – не национальное, а этническое государство.

В этом смысле часто апеллируют к Израилю. Насколько верна эта апелляция? Обсуждение данного вопроса увело бы нас, опять-таки, далеко от существа дела. Поэтому согласимся с этой апелляцией просто для того, чтобы не отметить огульно четвертый способ. Кто-то приводит в пример Японию (еще более сложный вопрос). Кто-то ссылается на Армению.

В любом случае, речь идет о неких исключительностях. Вновь вынужден повторить: 99% процентов населения земного шара не живет в этнических государствах. Индия и Китай, Бразилия и Аргентина, Франция и Англия, Германия и Иран не являются этническими государствами. И их элиты восприняли бы призыв к вторичной этнизации как безумную подрывную провокацию.

Что касается государств, укладывающихся (с большими или меньшими натяжками) в понятие «этнические», то чаще всего эти государства небольшие, компактные. Очень часто их существование в этом качестве обусловлено теми или иными эксклюзивами. Глубокой территориальной обособленностью в случае Японии, тысячелетиями выживания в диаспоре в случае Израиля. Существенным для подобной модели является давление чего-то большого на маленький и самовыживающий этнос.

Так способна ли Россия построить не русское национальное (способ №3), а русское этническое государство (способ №4)? В начале этой работы я уже кратко обсуждал такой вариант. И здесь лишь приведу еще ряд доказательств того, что это практически невозможно.

Встав на путь империи, русские осуществили то, что осуществляет каждый имперский народ. Они превратились из этноса в гиперэтнос – держатель империи. Гиперэтнос оказался вовлечен в межэтнический

«микс». Он начал смешиваться со всеми остальными этносами в произвольных пропорциях. Стремясь ассимилировать других, он оказался подвержен глубокой обратной ассимиляции. Прodelать после этого обратный исторический путь нельзя. И каждый, кто это предлагает, для меня является сознательным или бессознательным провокатором.

Далее, помимо общей этнической имперской ассимиляции, затронувшей почти любую семью, возникла глубочайшая ассимиляция имперской элиты. В православной империи эта ассимиляция была ничуть не меньшей, чем в империи советской. А возможно, даже и большей. Немецкие цари – лишь одно из слагаемых. Завоеывая чужие племена и включая их в империю, русские втягивали в империю элиту этих племен.

Возник полиэтнический имперский сплав. Этот сплав кодифицирует каждую молекулу русской истории. Еще раз подчеркну, что изъять из русской истории иноэтнических русско-имперских героев просто невозможно. Не только история Великой Отечественной войны этого не выдержит. История войны 1812 года в этом случае должна быть подвергнута еще более фундаментальной ревизии.

То есть, пытаясь расщепить свой полиэтнический сплав, русские нарвутся на распад раньше, нежели соберут желанные моноэтнические слагаемые. Потому что этих моноэтнических слагаемых нет, а вот территориальные трайбы, вроде «сибиряков», «казаков», «поморов» и так далее, возрождаются. И, как я уже показал выше, обнаруживают вовсе не «центростремительные» политические тенденции.

И еще раз напомню, что мир ни в коем случае не оставит такую распадающуюся Россию, начиненную ядерно-ракетным оружием и современными опасными производствами, «разбираться внутри себя». Он – просто из оправданного чувства самосохранения – будет принимать меры. Любые меры, включая самые решительные и болезненные.

Мог бы привести дальнейшие аргументы. Но это нужно делать либо в другом, более солидном, формате, давая слово оппонентам и рассматривая все «за» и «против». Либо... либо сказанного и так уже более чем достаточно.

Для того, чтобы вся эта теоретизация не оказалась слишком оторвана от действительности, – несколько примеров.

После 1991 года прибалтийские республики (да и большая часть постсоветских суррогатных держав) начали политические сальто-мортале вокруг пресловутой проблемы «мигрантов». А также вокруг закона о языке. Все эти сальто-мортале были призваны грубо ущемить права русских. Тех самых русских, которых Россия бросила на отданных территориях. Свое возмущение этим политическим бесовством я выражал неоднократно. И не сейчас, а в те печальные годы. И вот те-

перь (вовсе не для того, чтобы что-то из этих фокусов оправдать) прошу взглянуть на указанные фокусы под другим углом зрения.

Эти безобразные сальто-мортале все же осуществлялись вокруг национальной идентификации. И только в скрытом виде они несли в себе, так сказать, «этническое послание». Прибалты не могли осмелиться напрямую говорить об этнических чистках. Они требовали знания языка. То есть говорили о том, что хотят построить мононациональное государство. Они не имели на это никакого морального и экзистенциального права. Но ни на что другое, кроме мононациональности, они открыто не претендовали.

А что такое мононациональное государство? Русское, например?

Распад СССР оправдывали перспективами создания «русской Франции». Так давайте посмотрим на Францию.

Там есть гражданин Франции. Лицо, обладающее политическим гражданством. Проще – французским паспортом и правом участвовать в голосовании наравне с другими. Для политической нации этого как бы достаточно – и во Франции, и в США.

Но нигде, включая США, нет политической нации в чистом виде. Гражданин должен не только обладать гражданством. Он должен, далее, говорить на национальном языке. А дальше начинается самое сложное. Языка и гражданства все равно недостаточно. Нужен какой-то «идентификационный довесок». Если не ошибаюсь, французы называют его «благоговением перед Францией». А американцы – просто патриотизмом.

Иначе говоря, гражданин как-то связывает себя с историей – французской, американской, русской – историей страны, гражданином которой он является. Она обладает для него высшей идеальной ценностью. И эта ценность, помимо языка, гражданства, общего проживания на территории, цементирует общность, именуемую нацией.

Есть ли в национальном государстве требование по части этнической идентификации (суррогатом коей является разобранная мною графа «национальность»)? Национальное государство такое требование категорически отвергает. Да оно и невыполнимо. Что такое французский этнос? Нет французского этноса – есть французская нация. Франции хватает головной боли по части определенных конфессий, укрепляющихся на ее территории. Ей что, может прийти в голову отделять этнос галлов от этноса франков и противопоставлять один другому?

Последний раз, если мне не изменяет память, это делал аббат Сийес лет этак 200 назад. Да и то только с целью политической спекуляции. Ему надо было обвинить правящий монархический дом в том, что он инородный, немецко-франкский. Как только монархию сбросили, никто ни разу не пикнул по поводу галльско-франкских противоречий. Потому что за это поволокли бы на гильотину немедленно. И только с помо-

щью подобных жестоких мер и было обеспечено единство французской нации, подрываемое повсюду – от Вандеи до Прованса и Окситании, от Аквитании до Лотарингии.

Гитлер решил очистить немцев от «еврейского засилья» и сделал это с немецкой же кровавой пунктуальностью. Оказались введены омерзительные Нюрнбергские законы. Все закончилось катастрофой, раздавившей Германию. Но разве Гитлер пробовал осуществить этническую чистку? Ничуть! Он очищал нацию, и именно нацию, от некоей «зловредной примеси». Его подлый, но по-немецки пунктуальный рассудок сразу определил, что чистить надо до определенных пределов. На одну восьмую еврей – еще надо чистить. А дальше чистку продолжать нельзя. Иначе окажется, что всех надо вычистить. Очищал ли Гитлер немецкую нацию от французской или славянской примесей? В его сумасшедшую, но в чем-то рациональную голову это не могло прийти по целому ряду причин.

Во-первых, он понимал, что при такой чистке все перебьют всех.

Во-вторых, он столь же отчетливо понимал, что нарвется на крупные неприятности. В той же прусской военной среде, и не только. Что такое фон Бюловы (von Bulow)? И они сами, и весь мир знает, что это «Беловы». То есть германизированные славяне. А германизированные поляки и французы? А австрияки, к которым относился сам Гитлер?

В-третьих, он отдавал себе отчет в том, что глубокая этническая чистка сразу же столкнется с региональными проблемами. Баварско-прусской, в первую очередь, и не только. А Гитлер хотел присоединять Лотарингию, а не чистить там французскую примесь, разрушая общенемецкое единство.

Итак: либо – либо – либо.

Либо имперская идентификация. Либо национальная в строгом смысле этого слова. Либо этническая.

Теперь, когда создана минимальная теоретическая база для анализа неких смысловых спутанностей, я могу перейти к практическим вопросам.

Часть шестая. Так что же произошло?

Виталий Третьяков говорит о том, что антигрузинской истерии не было. И в чем-то он прав.

Проведя подробнейший контент-анализ нашей прессы и телевидения, высказываний официальных лиц и всего остального, я могу утверждать, вслед за Виталием Товиевичем, что прямого разжигания антигрузинской истерии не было.

Но – именно прямого!

Тот же, кто начинает играть в этнополитическую игру, должен соблюдать два правила.

Во-первых, он не имеет права перешагнуть в этой игре определенную грань. Он не имеет права переходить от темы этнической преступности (вполне уважаемая тема) и нелегальной миграции (тоже уважаемая тема) к темам, посягающим на скрепы своего национального государства.

Сказать, что таких посягательств не было вообще, я не могу. Сказать, что они превалировали, я тоже не могу. Чтобы не быть голословным, приведу примеры.

Вот фотография на первой странице уважаемой и вполне официальной газеты «Известия». Я имею в виду №185/27226. Это сводный номер за 6–8 октября 2006 года. Повторяю: не где-нибудь, а на первой странице, на самом видном месте напечатано это:

Борьба за чистоту рядов на рынке. Власть наконец-то услышала то, о чем давно говорил народ.

Даже абсолютно непрофессиональным людям (а Виталий Товиевич никак к таковым не относится) ясно, что данный рисунок – это незавуалированная цитата из пресловутого телеролика Дмитрия Рогозина, который власть так яростно осудила.

Такая цитата означает многое. И то, что власть (ведь читатель до сих пор считает «Известия» официозом и вряд ли станет отделять владею-

щий газетой холдинг «Газпром-медиа» от нынешней власти), по крайней мере отчасти, заимствует роль у отброшенного ею Дмитрия Рогозина. И то, что власть, заимствуя эту роль, наклеивает на себя все те негативные ярлыки, которые ею же были адресованы Рогозину.

То есть апологетическая фотография вполне двусмысленна. Но она налицо. И нельзя не отнестись к ней, а весь огонь сосредоточить только на Саакашвили (который, по моему мнению, и не такого огня заслуживает). Однако к указанной фотографии все не сводится.

Не ахти какая фигура – Виктор Милитарев. Но ведь держит нос по ветру. Уже 28 сентября, на следующий день после ареста российских офицеров (а ведь власть РФ еще никаких санкций в отношении Грузии не вводила!), он на Интернет-сайте АПН пишет: *«Наконец, нельзя недооценивать работу с грузинской диаспорой. Хорошо бы объяснить господину Церетели, что если он хочет оставаться президентом Академии художеств и выдающимся скульптором-монументалистом, то он должен понять, что необходимым условием этого высокого статуса является публичное высказывание всей правды о Саакашвили. Вообще лидеры грузинской диаспоры должны понять: двойной лояльности Россия не потерпит».*

Господин Церетели – гражданин России. Если бы Россия объявила войну Грузии, а он был лицом призывного возраста, то он должен был бы воевать в нашей армии против Грузии. Но ставить публично в зависимость от осуждения им Саакашвили его пост президента Академии художеств (не начальника ведь Генерального штаба!), его положение «выдающегося скульптора-фундаменталиста»...

Не люблю творчество Церетели! Но это... Это что за стиль? Это из какой эпохи? Это в какой лингвистике? Это в пределах каких нравственных и политических норм?

Это не гражданская лексика! Это не лексика ультрапатриота. Не хочется жестких слов, но это криминальная «феня» в устах хама и холуя. Милитарев умный парень. Умевший в определенных ситуациях сохранять чувство собственного достоинства. Что происходит с обществом и его отдельными представителями? Меня это очень беспокоит. Потому что это угрожает устойчивости даже нынешнего суррогатного государства.

А Виталий Товиевич? Неужели его беспокоит только господин Саакашвили? И не беспокоит стремительное «оносороживание» коллег по экспертному сообществу? «Оносороживание», невозможное даже в СССР эпохи Брежнева. Откуда берется эта лингвистическая норма? И этот подход, отдающий только криминальной зоной и самыми разухабистыми нормами раннего гитлеризма штурмовиков?..

30 сентября в «Комсомольской правде» телеведущий В.Соловьев говорит: *«Великая страна, а как себя ведем? Один раз закрыть границу, выслать к чертовой матери всех обладателей грузинских паспортов...»*

8 октября тот же Соловьев заявляет: *«Мне позвонила мама моего друга (она преподает в школе) и сказала, что спасла сегодня девочку. В школу пришло распоряжение сообщить о детях с грузинскими фамилиями. Делать этого она не стала. Президент Путин сравнил Саакашвили с Берией. К сожалению, в нашей стране немало его последователей. Генетическая память палачей услужливо подсказывает простые решения. Движение против нелегальной миграции, поддерживаемое некоторыми партиями, призывает доносить о грузинах. И никто не возбуждает уголовного дела против руководителя ДПНИ за разжигание межнациональной розни. Абсолютно правомерные действия президента РФ по защите российских граждан в Грузии не должны приводить к этническим чисткам в России. Надеюсь, что страна, потерявшая так много своих граждан в годы кровавого сталинского режима, сумеет найти в себе силы остановиться и не поддаться националистической провокации».*

30 сентября – один Соловьев, 8 октября – другой. 30 сентября Соловьев сказал «А», 8 октября он ужасается тому, что другие говорят «Б». Хорошо, что ужасается. Но откуда такая метаморфоза?..

Кстати, по поводу сравнения Саакашвили с Берией.

1 октября президент России Владимир Путин на совещании с постоянными членами Совета Безопасности РФ охарактеризовал арест российских офицеров в Грузии как акт государственного терроризма. Политику Саакашвили он назвал правопреемством «политики Лаврентия Павловича Берии как внутри страны, так и на международной арене».

Полностью соглашаясь с президентом РФ во всем, что касается возмутительного грузинского хулиганства, я тем не менее не разделяю проведенной параллели между Саакашвили и Берией. На мой взгляд, Саакашвили хуже Берии. Например, для многих советских атомщиков Берия – неоднозначный, но очень крупный и, безусловно, абсолютно адекватный администратор и до сих пор непререкаемый авторитет. В любом случае, фигуры Берии и Саакашвили несопоставимы. Хотелось бы, чтобы советский пантеон, реабилитированный самим Путиным еще в начале его правления, был избавлен от соседства с господами типа Саакашвили.

И что еще печальнее – апелляция к Берии как эталонному негативу реанимировала неугасающие элитные страсти. Атака на грузинский криминалитет приобрела в этом контексте неявно политический характер. Потому что за этим криминалитетом стоят определенные российские группы.

А другие группы? Они что, не используют криминальных инструментов в своей элитной игре? Конечно, используют! Просто это русско-этнические, славянские криминальные инструменты. Глубоко разделяемое мною желание расчистить рынки России для бабушек с капустой и морковкой, выброшенных с этих рынков этнокриминальными сообществами, считаю в принципе невыполнимым. Рынки перейдут не в руки бабушек, а в руки других этнокриминальных сообществ. Ничуть не менее жестоких по отношению к бабушкам. Это азбука сегодняшней жизни.

Но такой рыночный передел не может не запустить весь механизм элитно-клановых противостояний. На рынках, увы, торгуют не только овощами. Рынки – это низовые микрозвенья в наркотических и иных играх. Опять же, никто, к сожалению, не собирается всерьез подавлять эти игры. Речь лишь о переделе наркотрафиков. Что никоим образом не совместимо с элитным консенсусом и гармонизацией клановых свар. А эти свары делают власть гораздо менее устойчивой.

И вот тут я перехожу к главному.

Высылка людей с грузинскими паспортами, о которой говорит Соловьев 30 сентября, не угрожает основам существования российского национального государства. Как не угрожает этому и призыв к борьбе с нелегальными мигрантами. С нелегальной миграцией по определению надо бороться. Как не угрожает этому борьба с грузинскими «ворами в законе», грузинскими преступниками вообще и так далее.

Вопрос не в том, что сами эти действия чему-то угрожают. Вопрос в том, чем эти действия являются? (рис.5)

Так вот, о рамке. С 3 октября начинается «борьба с грузинским криминалом». Но семантика этой «антикриминальной борьбы» тут же замещается семантикой иного рода. АПН сообщает, что замдиректора ФМС Михаил Тюркин, отчитываясь о выдворении нелегальных иммигрантов, говорит буквально следующее: *«Граждане Грузии находятся в зоне особого риска»*.

Граждане Грузии не могут находиться в зоне особого риска. Все граждане всех стран, находящиеся на территории России, должны находиться в одной зоне одного-единственного риска, известного по советской песне: «Если кто-то кое-где у нас порой честно жить не хочет». Теперь это уже не только не декларируется, но и опровергается официальными лицами. И это становится очевидно всем. Нет не только ограничителей! Нет и точности в игре на заданном этнополитическом поле.

Тот же Третьяков улавливает это. 4 октября по «Маяку» он говорит следующее: *«Странно, что наша правоохранительная система используется в данном случае только во время политического кризиса. Неудурно, чтобы она вообще всегда этими людьми занималась – не только*

грузинами, но и любыми другими. Кто контролирует нелегальный бизнес или нелегально контролирует легальный».

Рис.5

Третьяков прекрасно понимает, что так быть не может. И вряд ли он не понимает, что правоохранные органы нынешней России в целом заняты не борьбой с криминалом, а криминальным переделом в пользу тех групп, которые с этими органами связаны. То есть элитной игрой.

Госдума принимает заявление «Об антироссийской и антидемократической политике грузинских властей». А также... о выводе российских войск из Грузии. Вся ситуация сразу же приобретает другой обертон. Если мы наступаем – то какие-то «перегибы» могут быть оправданы. Но если мы отступаем – то что такое перегибы? Пиар-кампания? Компенсаторная реакция? Это очень опасно! Жириновский проводит в Думе вопрос о выводе из Грузии российских войск под девизом «Прощай, Грузия!» Грузия? Или «прощай, Кавказ»?

6 октября «Маяк» сообщает, что 5 октября несколько московских школ получили телефонограммы из районных отделений МВД с требованием предоставить списки грузинских учеников. Лента.ру сообщает, что инициатива со школьниками-грузинами исходит из МВД. Что бы ни объясняло МВД, ситуация становится очевидно «за-рамочной». Особенно на фоне посещения Саакашвили 9 октября русской школы в Тбилиси.

Что говорит об этом Третьяков в анализируемой мною статье от 13 октября?

«Несмотря на все глупости (но какие-то странные глупости, я бы сказал – продуманные кем-то, явно провокационные глупости) милицейского начальства Москвы (за каковые его надо наказать) [...] грузинам, живущим легальной и честной жизнью в России, не угрожает ничего».

Виталий Товиевич прекрасно знает нашу политическую действительность. Он понимает, что милицейское начальство Москвы сейчас чихнуть не может без отмашки «немосковского» верха. Что если это милицейское начальство идет на какие-то провокации, да еще кем-то продуманные, то этот «кто-то» должен сидеть не в районном и не в городском отделении, а где-то выше. Что никакая самостоятельность тут в принципе невозможна, а провокационная тем более. Не те, простите, времена, когда можно было что-то списывать на «зловещую инициативу московского мэра».

Одновременно Третьяков в той же статье пишет: *«Кому реально служат и чьи приказы в реальности исполняют многочисленные правоохранительные и силовые, то есть вооруженные, структуры в России? Кремля? Государства? Закона? Министров, возглавляющих эти структуры? Или кого-то другого?»*

Так кого же, спросим и мы? Ведь не Березовского же с Невзлиным? И не ЦРУ? В противном случае не было бы сегодняшней власти. Так ведь?

Значит, дирижера надо искать поближе? Где же именно?

Оставляя пока этот вопрос открытым, я все же завершу с темой об антигрузинской истерии. Как таковой ее, конечно, все-таки не было. Не было массовых призывов к депортации грузин, к пролитию грузинской крови, к ущемлению прав представителей грузинского народа на территории РФ. Справедливости ради скажем, что и повод для этого был слишком уж ничтожным.

Но не это главное. Главное – что-то мутное закопошилось в массовом сознании. Бог с ними, с дирижерами. Об этом позже. Не будет успеха у дирижеров, если нет базы для этого успеха в сознании. В применяемых способах идентификации, в используемых словах.

Третьяков пишет: *«Наконец, нелишне добавить, что Россия и сегодня берегает (надо думать, до лучших времен) треть грузинского народа и большую часть грузинской интеллигенции и специалистов на своей территории [...]. Ибо русские знают: нет у грузин другой, кроме России, страны, где они могут жить как у себя на родине».*

Это хорошие, благородные, красивые слова. Но это снова все та же «гибридная семантика». Что значит – «берегает треть грузинского народа»? В каком смысле?

Если указанный представитель грузинского народа приехал сюда нелегально, то его надо отсюда выдворить. Равно как и представителя любого другого народа.

Если он въехал легально, то его никто не «берегает». Он проживает в Москве так же, как мог бы проживать в Париже или Шанхае. Он платит налоги, выполняет законы страны, на территории которой оказался. И при этом является грузинским гражданином. Грузинским гражданином, которому удобнее жить в Москве, чем в Париже или Шанхае. Советское прошлое, русский язык, традиционные связи... И многое другое.

В этом случае у данного гражданина не может быть обсуждаемой Третьяковым «болезненной проблемы двойной лояльности». У него есть лояльность по месту гражданства. То есть грузинская лояльность. А уж как он ее понимает – как лояльность по отношению к господину Саакашвили или как-то иначе, – это отдельный вопрос.

Если же этот грузин не только живет в России, говорит по-русски, имеет российский паспорт, московскую (или иную) прописку, но и идентифицирует себя соответственно в культурном и ином плане, то почему ему надо поминать грехи Саакашвили и грузинские демарши в отношении России?

С точки зрения имперской или национальной идентификации это абсолютно неверно. И это было невозможно в царской России. Или в СССР. Сквозь отсутствие проартикулированной идентификации, сквозь советскую инерцию и новую регрессивную действительность начинает прорываться семантика не национальная и не имперская, а племенная.

Начинается все с семантических сбоев. Потом они превращаются в сбой собственно политические.

Сначала – школы. Потом – скандал с Борисом Акуниным (Григорием Чхартишвили), которым неожиданно (вот момент-то выбрали!) заинтересовались налоговые органы.

6 октября В.Третьяков пишет в «Московских новостях»: *«Русская политическая власть наконец-то продемонстрировала единство воли, слов и действий. И взялась разом за всех, кто способен (кроме простых граждан Грузии) повлиять на безумства Тбилиси: от официальных лиц и легальных бизнесменов до криминальных авторитетов».*

Выведение за скобки простых граждан Грузии делает Виталию Товиевичу честь. Но это все тот же «свет далекой советской звезды». А что значит – «взялась за всех... от официальных лиц и легальных бизнесменов ДО КРИМИНАЛЬНЫХ АВТОРИТЕТОВ»? По факту это дезавуирует стремление власти показать обществу и миру, что она занимается только криминальными авторитетами. По факту это выход за правовое поле. Что в рассматриваемом этнополитическом случае особенно опасно.

Уже в тот же день появляются статьи о том, что гонения на грузин в России – это аналог «хрустальной ночи» в нацистской Германии. Перебор очевиден. Но кто дал повод для этого далеко идущего перебора?

7 октября Счетная палата выявила нецелевое расходование средств федерального бюджета господином Церетели. Она что, не могла найти другое время для этого полезного выявления?

Тут же начинаются проблемы у грузинских спортсменов, деятелей науки и культуры. Система идет вразнос. Об этом говорят уже не на сайте «Грузия-онлайн», а в патриотическом «Постскриптуме» Пушкова: *«Все же весьма странное впечатление производит исключительно адресная зачистка только грузинских казино, только грузинских уголовных банд и только грузинского криминала. [...] А почему раньше, до отмашки, никто не находил грузинских киллеров или автоугонщиков? ... Это что, такое удивительное совпадение? И почему раньше никто не интересовался санитарным состоянием и качеством продуктов в казино и ресторанах? Мы что, так и ограничимся только проверкой грузинских бизнесменов и поимкой только грузинских преступников? А остальные – гуляй Вася, если ты не грузин? Индальгенция по национальному признаку? Согласитесь, это было бы очень и очень странно. Ведь все эти меры не должны привести к нашей собственной «охоте на ведьм», то есть на лиц грузинской национальности, проживающих в России. Но ведь именно к этому может привести выборочная борьба с преступностью».*

Все правильно. Не говорится главного: как сделать, чтобы этого не было. А ведь очевидно – как. Соблюдать меры предосторожности при игре на этнополитическом поле. Или вообще обойтись без игры с этим, самым опасным из всех возможных огнем.

8 октября Сергей Иванов предостерегает от так называемой «охоты на ведьм» (слово сказано!) и тут же говорит: *«Меры, которые предпринимает руководство России, не должны быть направлены против простого народа».*

Я полностью поддерживаю пафос этих слов. Мне близка и эта лексика Сергея Борисовича, и сходная лексика Виталия Товиевича. Может

быть, особо близка потому, что в принципе близка к любимой мною советской. Но нельзя жить реликтовой лексикой.

Меры, предпринимаемые руководством России, не должны быть направлены против любого законопослушного гражданина. Принадлежит он к простому народу или к чему-нибудь еще – неважно. В этом императив Модерна, императив права, императив национального государства. Нет этого императива – вся политическая конструкция сползает в хаос.

Уже 9 октября сообщается, что «под горячую руку власти» в Санкт-Петербурге, Оренбурге, Красноярске, Иваново, Нижнем Новгороде и Калуге попали армяне и азербайджанцы. В Москве милиционеры перестают жеманничать и прямо говорят, что «получили приказ выгонять из города армян и азербайджанцев».

В тот же день начинаются публикации «открытых писем протеста» с громкими подписантами. Ситуация приобретает существенно международный скандальный характер.

11 октября Иосиф Кобзон, апеллируя к многовековой дружбе двух стран – Грузии и России, – говорит о том, что *«негативные проявления, которые затрагивают проживающих в России грузин, происходят вследствие несанкционированного самоуправства»*. И что *«российский народ не оправдывает произвол, происходящий по отношению к грузинам»*. Тем самым Кобзон косвенно признается, что произвол происходит. А в «негативные проявления на основе самоуправства» сегодня мало кто верит.

В тот же день Проханов заявляет, что все эксцессы с грузинами – это просто начало предвыборной кампании Путина. Ситуация становится еще более неуправляемой и взрывоопасной.

12 октября Общественная палата принимает особое заявление по Грузии. Она осуждает действия ряда российских чиновников, которые были направлены против российских граждан и не имели законных оснований. Тем самым «антигрузинская кампания недальновидных чиновников» признана на высшем политическом уровне. Ссылка на чиновников в российском обществе не работает. Все понимают, что если антигрузинская кампания началась, то на нее была «отмашка». Как минимум, санкция одного из кремлевских кланов.

В этот же день Радзиховский начинает обсуждать фразу Путина о «коренных» и «некоренных». Он обсуждает ее очень осторожно. Что же это за фраза?

4 октября, в самом начале антигрузинской кампании, Владимир Путин проконсультировался с лидерами думских фракций по ситуации в Грузии. Президент поблагодарил парламент за поддержку во время последнего кризиса и сказал много правильных точных слов. Наряду с

этим было сказано, что мы должны *«обеспечить права коренного населения на рынке труда и в розничной торговле. Важно, чтобы у людей не складывалось впечатление о засилии приезжих на рынках и чтобы не возникало желаний, как это принято говорить, наводить порядок незаконными методами»*.

Видно, что Путин крайне обеспокоен ситуацией в Кондопоге. И что внутренний пафос его слов нацелен только на то, чтобы создать вокруг большой рыночной темы нечто оздоровительное. В таком смысле я полностью разделяю этот пафос. Смотреть на этническо-криминальный рыночный беспредел и вышвыриваемое, как мусор, местное население, оказавшееся чужим на этом «празднике жизни», отвратительно. Делать что-то действительно надо.

Но Путин сказал о «коренном населении». И это лингвистическая бомба. Взорванная посреди этнополитической свары.

Что такое «коренное население»? Откуда появился этот термин? Что он означает? Как он совместим с концепцией современного национального государства?

На бытовом уровне все понятно: есть своя местная бабушка и есть наглый приезжий чужак, демонстрирующий крутой норов. На политическом уровне все уже менее понятно. Нет бабушки – есть бандиты разных этномастей, борющиеся за право «крышевать» рынок. И есть стоящие над ними элитные группы, для которых рынок – это одна из молекул наркотрафика.

На концептуальном уровне все еще сложнее. Попробуем разобраться, что тут имеют в виду.

Термин *«коренные народы»* широко используется, по крайней мере, с эпохи первых колониальных захватов. Но в каком смысле? В смысле «аборигены»!

Коренное население (народы), аборигены, туземцы, – исконное население территории (туземное меньшинство, автохтоны), сохранившее, в условиях наступления современного общества, свои традиционные (как правило, сравнительно примитивные) системы жизнеобеспечения и особые формы хозяйственной деятельности (охота, рыбная ловля, скотоводство). А также нередко исповедующее древние религии (шаманизм и т.д.).

Взгляды на коренное население со стороны пришельцев (аллохтонов) в истории менялись от околонацистских (недочеловеки, которых надо либо цивилизовать, либо уничтожить) до современного чуть ли не «преклонения» перед их культурным и иным своеобразием.

С 50-х годов XX века за права коренных народов начали выступать протекторатные и экологические организации.

С середины 70-х годов коренные народы начали самостоятельно отстаивать свои права на национальном и международном уровнях, в том числе в ООН. Так, в 1994 году Генассамблея ООН провозгласила Международный день коренных народов мира. В настоящее время представители коренных народов регулярно принимают участие в работе ООН и ряда других международных органов. Например, Международного Арктического совета.

Инверсия термина «коренное население» и его применение в отношении социального, этнического, национального большинства – явление сравнительно новое.

Такая инверсия возникла в Европе в крайне правых кругах в последние десятилетия XX века в контексте экономического, социального, религиозно-культурного давления мигрантов из слаборазвитых стран.

В частности, на Интернет-сайтах есть ссылки на такие высказывания из кругов Ле Пена во Франции и Йорга Хайдера в Австрии. Хотя сами Ле Пен и Хайдер в публичных выступлениях с этим понятием не играют.

Риторика «прав коренного населения» в данном инверсированном значении резко усилилась у правых в Европе в связи с двумя тенденциями последних лет: этнорелигиозными эксцессами с мигрантами-мусульманами и наплывом «дешевых» квалифицированных рабочих и специалистов из Восточной Европы.

В кругах респектабельных политических деятелей Запада данное понятие используется только применительно к туземцам, реликтовому населению. Инверсия понятия, его проекция на национальное большинство категорически не допускаются. И считаются подрывом основополагающих принципов национального государства.

В России данное инверсированное понятие неоднократно употреблял краснодарский губернатор Александр Ткачев. В частности, на встрече с представителями национальных общин и Консультативного совета общественных объединений Кубани 22 ноября 2005 года Ткачев, указав на серию организованных администрацией мероприятий по «дружбе между народами», одновременно посетовал, что *«на кубанских рынках происходит "выдавливание" коренного населения. А попытки власти воспрепятствовать этому некоторые правозащитники умудряются называть этническими чистками»*.

Жириновский в своих выступлениях также использовал это понятие не раз. Прежде всего, в отношении русских в России, интересы которых надо защищать от мигрантов. Главная его тема, как и у Ткачева, – вытеснение русских с рынков и из сферы торговли не только в Москве, но и в других регионах. Кроме того, в интервью с С.Бунтманом на «Эхе Москвы» 17 января 2005 года, говоря о Казахстане, Жириновский зая-

вил: *«Там из 17 миллионов – только половина коренное население»*. То есть «радетель за русских» Жириновский одним этим словом «коренные» выбросил столетиями живущих в Казахстане русских из категории полноправных граждан Казахстана, где они все еще проживают. Со всеми вытекающими из этого, катастрофическими для их конкретных судеб, последствиями.

У других значимых российских политиков понятие «коренное население» найти не удалось до выступления Путина. В то же время нередко в практически таком же смысле употребляется – как противопоставление мигрантам – понятие «местное население».

Понятен общий пафос слов президента. Понятно то позитивное, чего он хотел добиться с помощью этих слов. Но, к сожалению, в таком опасном деле, как этнополитика, благими словами может быть вымощена дорога к геополитической катастрофе. Так уже было при распаде СССР. И этот опыт, к сожалению, не учтен. При этом особая опасность слова «коренные» в устах российской власти связана с тем, что в том точном смысле слова, к которому сразу начнут апеллировать многие, русские не являются коренными на ключевых собственных территориях.

Скажут, что Путин употребил это в другом смысле. Не сомневаюсь! Но в этнополитике неумолимо действует закон мультипликации смыслов. Он же – закон бумеранга. И тут абсолютно понятная забота о бабушках с их морковкой на рынках может магическим образом превратиться в требования «алмазы для коренных» в Якутии, «нефть и газ для коренных» в Западной Сибири... И прочее, и прочее.

Такая ситуация вокруг рассматриваемого термина политически крайне взрывоопасна. Она наглядно демонстрирует, насколько нужны выверенность и осторожность при использовании политической лексики, сопряженной с этнополитикой. Тут самые понятные, здоровые и правильные чувства могут породить опасные перекосы. Могут породить – и порождают.

С 11 октября в России начинают говорить о закрытии грузинских Интернет-сайтов, отмене грузинских концертов. А также о распоряжении, полученном российскими телеканалами, от которых якобы требуют ограничить доступ к эфиру Валерия Меладзе, Вахтанга Кикабидзе, Сосо Палиашвили, Тамары Гвердцители, Нани Брегвадзе. Сообщается о запрете выставки панорамных снимков Грузии в Москве. Об отключении освещения памятника российско-грузинской дружбы.

10 октября на страницах The Financial Times появляется статья под заголовком «Нетерпимость русских». В которой говорится следующее: *«Прямой связи между убийством самой известной и независимой журналистки России, кампанией Москвы против грузин и решением "Газ-*

прома" в одиночку разрабатывать один из самых крупных в мире энергетических проектов, скорее всего, нет. Однако за всеми тремя событиями проглядывает все более нетерпимый российский национализм, что должно заставить серьезно задуматься соседей и партнеров России».

В других публикациях говорится о том, что националистический режим в России еще не оформлен окончательно. Но что антигрузинская кампания – это одно из слагаемых в сильнейшем националистическом давлении на российскую власть.

Но и это еще не все.

13 октября НТВ сообщает, со ссылкой на данные ГУВД Иркутской области, что в Иркутске проведены милицейские акции, призванные выявить (внимание!) выходцев из северокавказского региона, незаконно находящихся на территории РФ. Выходцы из северокавказского региона, незаконно находящиеся на территории РФ, будут оштрафованы. А те из них, кто не сможет подтвердить свою личность, по решению суда будут депортированы.

Если кому-то это кажется анекдотом, то это опрометчивое суждение, от которого хотелось бы предостеречь.

НТВ иронически комментирует: *«Иркутская милиция вывела весь Северный Кавказ из состава РФ»*. Ох, уж мне эта телеирония!

Но этим казусом все не исчерпывается. Иногда кажется, что сам казус нужен для того, чтобы запустить реальную машину государственной деструкции. Причем деструкции именно существующего, как бы конституционно защищенного государства.

В тот же день, 13 октября, тему северокавказских (не путать с закавказскими!) народов, входящих в состав Российской Федерации, поднимает на радио «Эхо Москвы» Сергей Доренко. Он поднимает эту тему, отталкиваясь от иркутского эпизода, который кому-то из наивных людей кажется анекдотическим. Как он отталкивается, куда движется тема? Давайте приглядимся к этому повнимательнее.

Доренко начинает с того, что приводит цитату из уже упомянутого сообщения ГУВД Иркутской области: *«Были проверены часто посещаемые места Ленинского района Иркутска для выявления лиц из северокавказского региона, незаконно находящихся на территории России... Задержанные будут оштрафованы и депортированы»*.

В связи с этим Доренко поднимает тему «черты оседлости».

С.Доренко: «Я должен или плакать, или смеяться? ...Это цитата: "Незаконно находящиеся на территории России выходцы из северокавказского региона"! ...Настоящая черта оседлости! ...людям намекают на черту оседлости. Граждане России с Северного Кавказа не имеют

права ездить по России! Они должны быть депортированы в свой Северный Кавказ!»

Если оценивать это высказывание Доренко с формально-логической точки зрения, то оно представляет собой стопроцентное осуждение безобразного поведения иркутских «держиморд». Но логика информационных кампаний не имеет ничего общего с формальной логикой. И Доренко это понимает лучше многих. Информационно-пропагандистская логика основывается не на осуждаемых и восхваляемых темах, а на темах «замалчиваемых» и «раскрываемых».

Доренко – по факту – придает иркутской деструктивной теме новое качество. Конкретно – выносит тему на голосование слушателей.

Табуируемые темы запрещено не только выносить на общенародное обсуждение, но и вообще упоминать всуе. Доренко и упоминает всуе, и выносит на обсуждение. То есть? То есть объективно раскрывает:

С.Доренко: «Вопрос такой: "Вы бы поддержали введение черты оседлости для кавказцев"?»

Радиослушателям предлагаются два номера телефонов, и Доренко попутно заранее комментирует: *«Сейчас будут результаты голосования такие, что мы схватимся за голову!»* (Это называется, между прочим, «опережающее программирование реакции публики».)

Программирование оказывается успешным. В результате аудитории «Эха Москвы» представляется следующее ее, аудитории, «социологическое зеркало»:

58,1% против введения черты оседлости для народов Северного Кавказа (входящих в состав РФ и защищенных Конституцией Российской Федерации!),

41,9% поддержали бы введение черты оседлости для этих народов. То есть поддержали бы антиконституционные действия, возвращающие России определенную дореволюционную репутацию. Действия, не совместимые ни с какими нормами современности и однозначно провоцирующие народы Северного Кавказа на выход из-под пяты дикого свиноподобного «русского держиморды».

Мне скажут: «Неча на социологическое зеркало пенять, коли рожа крива».

Рожа эта – аудитория «Эха Москвы». По оценкам самой радиостанции, ее аудитория – это, по преимуществу, просвещенные российские западники. Те самые, которые благим матом визжали по поводу царских зон оседлости и депортационных преступлений сталинского режима. Так это было лет 10 назад.

Сейчас все по-другому! Мы видим, что обсуждаемая нами рожа искривилась до полной неузнаваемости, приобрела свинский оскал и в этом качестве имеет одно-единственное предназначение. Пугать собою

весь мир. В первую очередь, конечно, народы Северного Кавказа. А также любые другие народы, которые пожелают присоединиться к России.

Но вернемся к Доренко.

Получив такой результат, Доренко обращается к тем, кто проголосовал «за» введение черты оседлости:

С.Доренко: «41,9%, друзья, товарищи, братья, вы голосуете за развал России. Вы хороните мою страну! Я вам скажу с горечью, что я одну страну потерял, потому что я советский человек. Вы мне хороните вторую. Я вот не знаю, докуда надо отступать». И затем снова повторяет: «Когда они голосуют так, как они голосуют, они второй раз хоронят страну».

Абсолютно справедливые слова. С одной оговоркой. Когда хотят страну сохранить и знают, что определенные этнополитические реакции ее разрушают, то эти реакции не помещают в фокус общественного внимания. И тем более не придают им характер «общенародных» через суррогатные опросы, проводимые в среде одичавшей демократоидной шизы.

Доренко показывает то, что слушателям предлагается принять в качестве «скотской хари» реального российского общества.

В этот же день, 13 октября, Будберг говорит в «Московском комсомольце» о перспективах возобновления практики переселения «народов-предателей». О том, что власть не осознала абсолютную гибельность подобных проектов. Что для нее не существует табу. Что государственная машина готова в любой момент провести сепарацию граждан по пресловутой «пятой графе».

14 октября Зюганов, опомнившись, орет о «преступной антигрузинской вакханалии». Где он был эти две недели?

17 октября уже многие говорят о том, что Россия проиграла политическую войну в Грузии. И что итогом стала репутационная катастрофа нашей страны.

А 20 октября Владимир Путин заявил по поводу ситуации в Грузии и ее отношений с Абхазией и Южной Осетией: *«Сложилась крайне тяжелые взаимоотношения между этими народами, и нужно набраться терпения, нужно аккуратно возвращать доверие друг к другу и строить общее государство. Мы к этому призываем и этого хотим».*

Главы Южной Осетии и Абхазии отреагировали сразу же и вполне предсказуемым образом: мы очень уважаем позицию российского президента, но для нас важнее волеизъявление наших народов.

Как отнестись к этому сюжету? Конечно, президент Российской Федерации не мог сказать, что он поддерживает дружественные нам силы, сепаратистские по отношению к Грузии. Даже если на деле он их под-

держивает, он не вправе говорить об этом публично. И тем не менее в контексте всего, что произошло, данное высказывание Путина следует, увы, отнести к разряду «высокоиздержечных».

Спору нет, благоразумно отмежеваться в глазах мира от обвинения в поддержке сепаратизма. И может показаться, что на одной чаше весов этот огромный мир, а на другой – крохотные анклав. Но в определенной ситуации эти анклавы могут значить больше, чем весь оставшийся мир.

Предположим, что осетины и абхазы поймут, что «спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Предположим также, что идиотские антигрузинские истерики будут прочитаны ими как кавказофобия, лишенная какой-либо избирательности. Есть для этого основания? Есть! Мы их уже привели. Для тупого ксенофоба что грузин, что абхаз, – он их даже не разделяет.

Итак, абхазы и осетины решат, что их бросили и отторгают от России, как чуждых ей «чурок». Как они начнут тогда действовать? Понятно как. С позиций этнической солидарности. Абхазы – ветвь черкесского народа. Этническая солидарность объединит их с адыгами, кабардинцами и собственно черкесами, причем не только в России, но и за рубежом. Одного этого хватит, чтобы взорвать Северный Кавказ. Но и осетины начнут «этнически солидаризоваться». И тут все ясно. Никто не удержит Северную Осетию, уже сильно задетую Бесланом, от солидаризации с Южной.

Северный Кавказ в этом случае загорается, как хорошо высушенная солома. Последствия могут носить такой характер, что успехи по части «отмежевания от сепаратизма» будут раздавлены сокрушительными издержками.

Остаться с миром, но без части собственной территории... это уже пройденный урок так называемой «перестройки». И этот урок показывает, что мир, на чей алтарь приносятся подобные жертвы, ведет себя по отношению к принесшим жертвы весьма пренебрежительно. Чтобы не сказать больше.

Я постарался быть доказательным. Я не апеллировал огульно к якобы надуманной антигрузинской истерии. Я приводил факты. И интерпретировал их с позиций этнополитики.

И что же такое вся эта палитра фактов?

Неужели можно свести ее к ультракомплиментарной схеме, согласно которой все перечисленное есть «наш благородно-адекватный ответ на преступления Саакашвили»?

То, что считал нужным, я сказал о Саакашвили давно. Тогда, когда он воспринимался нашей элитой как «конструктивная замена Шеварднадзе». И вовсе не собираюсь сейчас пересматривать свои оценки. Но я не хочу

стать «политическим обозревателем журнала "Огонек" образца 1978 года, горячо и правдиво критикующим ошибки американского руководства». Я знаю, что этот стиль 1978 года обернулся годом 1991-м. И не хочу повторения. А вы?

У нас любят громкие аналогии. С Рузвельтом... Это давняя любовь... И со Сталиным... Это наша новая элитная страсть. С колокольни этих величественных аналогий меня могут облить презрением, напомнив, например, о поведении США в эпоху Второй мировой войны, когда этнических японцев, являющихся гражданами США, подвергли депортации после Перл-Харбора. Кто-то вспомнит и о советском опыте Великой Отечественной по отношению к российским немцам, чеченцам, татарам.

Но, во-первых, это дела давно минувших дней. Да и никто никогда не считал рассматриваемые прецеденты абсолютным примером для подражания. Американцы после 11 сентября 2001 года не подвергли депортации своих граждан, являющихся, например, этническими арабами. Мир быстро меняется. Упрямятствовать, отвергая эти изменения, так же глупо, как идти у них на поводу.

Во-вторых, те прецеденты были обусловлены условиями войны и масштабом национальной катастрофы.

В-третьих, в данном случае – где война? Где грузинские бомбардировки Черноморского флота и наши адекватные действия на грузинской территории? **МЫ УХОДИМ ИЗ ГРУЗИИ УСКОРЕННЫМ ОБРАЗОМ.**

И тогда грузинофобская риторика, переходящая в кавказофобскую и ксенофобскую в целом, согласится, читается по-другому. А именно – как часть идеологического обеспечения стратегии государственной деструкции России с позиций так называемого уменьшительного национализма.

Произошло то, что произошло. Кондопога подкрепилась грузинским эксцессом. И это, к прискорбию, не случайное совпадение событий, а начало нового, крайне опасного процесса.

Мы приглашаем мыслящих индивидов к объединению, провозглашая научную новость, переводя одним шагом мысль в эксперимент, связывая ее с экспериментом в процессе проверок: таким образом, *научный мир есть наша верификация*. ... Научное наблюдение всегда полемично: оно или подтверждает, или опровергает некоторый предварительный тезис, исходную схему, план наблюдения; оно показывает, доказывая; оно иерархизирует видимые признаки ... оно перестраивает реальное после того, как перестроены собственные схемы. Естественно, что при переходе от

наблюдения к эксперименту
полеми́чный характер познания
становится еще более явным.
Поэтому нужно, чтобы феномен
был отсортирован, отфильтрован,
очищен, пропущен через жернова
инструментов.

Гастон Башляр

**КИТАЙ, РОССИЯ
И США.
РАЗНЫЕ РАСЧЕТЫ –
РАЗНЫЕ
РЕЗУЛЬТАТЫ¹**

The article reflects main trends and results of the economic development in China, USA and Russia over the 20th century as well as over a longer hindsight. Doing that the author repeatedly emphasizes the objective inevitability and need to carry out multivariant calculations of any macroeconomic characteristics when levels of economic development of various countries with drastic differences of per capita GDP are compared. The particular attention is paid to the critical analysis of wrong calculations and assessments made by the World Bank experts who compiled the summarizing report on development of 42 countries over the 20th century. In contrast with conclusions of these experts (according to them the Russian and American per capita GDP ratio at the end of the 20th century allegedly fell twofold while the ratio of the same measure for China and USA presumably rose by more than 150%) the author demonstrates that from the beginning of the 20th century down to the beginning of the 21st century both these characteristics did not undergo any significant change. Both in 1913 and in 2005 per capita GDP in China comprised about 15% of per capita GDP in USA while per capita GDP in Russia was equal to about 25–27% of the American per capita GDP. The author also improves accuracy of data on rates of economic growth in Russia in the late 19th and the early 20th centuries.

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №06-03-02062а).

В мае 2000 г. в очередном докладе Международного Валютного Фонда «Обзор мировой экономики» («World Economic Outlook») было помещено обширное и содержательное исследование о росте мировой экономики в XX столетии. В нем использовались материалы и выводы проблемного доклада МВФ «Глобализация и рост в XX веке», подготовленного известным исследователем экономической истории, профессором Лондонской школы экономики Н.Крафтсом. Сокращенный перевод одной из глав этого доклада был опубликован². Ниже приводится таблица №1, характеризующая изменения в положении отдельных стран мира за период с начала до конца XX столетия. При этом в качестве обобщенного индикатора сравнительного уровня экономического развития этих стран используется валовой внутренний продукт на душу населения.

Таблица №1³

Изменение положения стран по среднему ВВП по квартилям (25%-ным группам мирового населения)⁴

1900 г.		2000 г.	
Страны	ВВП на душу населения	Страны	ВВП на душу населения
I квартал (низший)	500	I квартал (низший)	1450
Гана	460	Бангладеш	930
Египет	510	Бирма	1080
Бангладеш	580	Гана	1110
Индия	625	Пакистан	1775
Китай	650	Индия	1880

² *Мировая экономика в XX веке: потрясающие достижения и серьезные проблемы / Перев. Б.Болотина // Мировая экономика и международные отношения. 2001. №1. С.3–15.*

³ *Источник: Maddison A. Monitoring World Economy 1820–1992. OECD, Paris, 1995; за следующие годы – расчеты секретариата МВФ.*

⁴ *Доллары США, в ценах и по паритетах покупательной способности валют (ППС). В этой публикации с учетом точности, достижимой при международных сопоставлениях, страновые показатели округлены.*

Исследованием А.Мэддисона были охвачены только 42 страны, данные о которых приведены в таблице; но на долю этих стран и в 1990 г., и в 2000 г. приходилось около 95 % мирового населения.

Геоглобалистика

1900 г.		2000 г.	
Страны	ВВП на душу населения	Страны	ВВП на душу населения
II кварталь (нижний средний)	675	II кварталь (нижний средний)	2400
Китай	650	Индия	1880
Бирма	665	Египет	2280
Пакистан	685	Филиппины	2440
Бразилия	700	Индонезия	3135
Индонезия	745	Бывший СССР	3685
Тайвань	760	Перу	3800
III кварталь (верхний средний)	1150		
Китай	650	Бразилия	5350
Таиланд	810	Колумбия	5515
Перу	815	Таиланд	5715
Венесуэла	820	Мексика	5720
Южная Корея	850	III кварталь (верхний средний)	6000
Колумбия	975	Мексика	5720
Филиппины	1035	Китай	6285
Япония	1135	IV кварталь (высший)	18000
Мексика	1155	Китай	6285
Бывший СССР ⁵	1220	Венгрия	7050
IV кварталь (высший)	3200	Венесуэла	7645
Бывший СССР	1220	Бывшая Чехословакия	8400
Португалия	1410	Аргентина	9120
Финляндия	1620	Чили	10275
Венгрия	1680	Южная Корея	14300
Италия	1715	Португалия	14565
Бывшая Чехословакия	1730	Испания	15265
		Новая Зеландия	16070

⁵ Так в тексте обзора. Здесь и далее имеется в виду территория бывшей Российской империи без Польши и Финляндии.

КИТАЙ, РОССИЯ И США

1900 г.		2000 г.	
Страны	ВВП на душу населения	Страны	ВВП на душу населения
Норвегия	1760	Тайвань	16850
Чили	1950	Италия	18415
Испания	2040	Германия	19120
Ирландия	2500	Ирландия	19510
Швеция	2560	Финляндия	19650
Аргентина	2750	Англия	19700
Канада	2760	Австрия	19715
Франция	2850	Бельгия	19960
Австрия	2900	Швеция	19970
Дания	2900	Франция	20375
Германия	3135	Нидерланды	20550
Швейцария	3530	Австралия	20610
Нидерланды	3530	Япония	20615
Бельгия	3650	Швейцария	21600
США	4100	Дания	22055
Австралия	4300	Норвегия	22300
Новая Зеландия	4320	Канада	22400
Англия	4600	США	27270
Весь мир	1200	Весь мир	5700

Все эти страны распределены по 4 квартилям, каждый из которых включает по 25 % мирового населения. Для этого пришлось часть населения Индии и бывшего СССР распределить по двум, а Китая – даже по трем квартилям. Сами эти квартили сгруппированы по уровню среднедушевых доходов их населения: в верхней части таблицы в 1900 и в 2000 гг. указаны страны с самыми низкими, а в нижней – с самыми высокими доходами. Между ними расположены еще две группы стран – с «низшими средними» и «высшими средними» доходами.

«Обзор...», о котором идет речь, опубликован в мае 2000 г., а его подготовка осуществлялась, по-видимому, еще в 1999 г., после чего в текст неизбежно вносились некоторые изменения, поправки, корректировки и т.п. Но даже если бы основные цифровые показатели были получены в начале 2000 г., все цифры за 2000 г. неизбежно оказались бы оценками, основанными на прогнозах, составленных раньше. Для того чтобы получить результаты экономического роста более чем 40

стран, находящихся на резко различающихся уровнях хозяйственного развития, требуется немало времени⁶. Все это означает, что цифры, характеризующие уровень подушевого ВВП более чем 40 стран в 2000 г., рассчитанные не в текущих ценах, а в ценах 1990 г.⁷, представляли собой не более чем **оценки**, которые в дальнейшем неизбежно должны были пересматриваться в соответствии с последующей более точной и репрезентативной информацией. Таким образом, все эти данные, по определению, не могли претендовать на точность, но весь вопрос заключается в **мере, масштабах, размерах неизбежных уточнений**. Одно дело, если последующие цифры отличались бы от этих оценок на десятые доли процента или даже на 1–2 %, и совсем другое дело – различия, исчисляемые 10, 20 или 30 процентами. Ведь подобные «уточнения» не могли не сказаться в таком случае и на некоторых выводах, сделанных авторами обзора и охватывающих изменения, произошедшие с начала до конца XX столетия. А если принять во внимание, что расчеты по ППС валют за 1900 г. вообще не производились и соответствующие материалы получены косвенным путем⁸, то становится очевидным следующее. Цифры, характеризующие положение стран мира на шкале экономического развития на рубеже XIX и XX столетий, имеют оценочный характер и по мере появления новых материалов, а также новых инструментов их сопоставления и анализа не раз будут уточняться и «исправляться».

Перейдем к характеристике тех выводов и обобщений, которые сделали и сочли достаточно обоснованными авторы майского «Обзора...» 2000 г.

Первый из выводов, который делают авторы «Обзора...», базируясь на материалах таблицы №1, таков: за сто лет общее ранжирование по среднедушевому размеру ВВП подавляющего большинства из 42 стран, представленных в исследовании А.Мэддисона, оставалось «удивительно стабильным». Но отмечаются и «некоторые важные исключения». Например, в нижнем правом углу «результатирующей» матрицы в 2000 г.

⁶ Недаром данные о подушевых показателях ВВП стран мира в текущих ценах за 2000 г. были опубликованы экспертами Всемирного банка в полном виде – почти через два года после публикации в «Обзоре...», – в апреле 2002 г., в: World Development Indicators 2002.

⁷ Необходимо было определить, например, величину дефлятора ВВП США за весь 2000 г., чего составители доклада в «Обзоре...» к маю 2000 г. знать не могли.

⁸ С использованием индексов производства ВВП различных стран за период с 1900 по 1990 г.

оказываются практически те же страны, что находились в аналогичном левом нижнем углу матрицы в начале века, т.е. в 1900 г., но с единственным исключением: «Россия, которая в 1900 г. была "на меже" между двумя высшими по доходам квартилями, в 2000 г. оказалась в более низком (нижнем среднем) квартиле».

Столь же стабилен состав стран, находящихся в левом верхнем углу матрицы, но наличествует «одно важнейшее исключение: Китай, который в 1900 г. был "на меже" между двумя беднейшими квартилями, в 2000 г. переместился "на межу" между двумя богатейшими квартилями».

Кроме того, отдельные страны, находившиеся в 1900 г. в верхнем среднем квартиле, перемещались либо вверх (Япония, Тайвань, Южная Корея), либо вниз (большая часть латиноамериканских и некоторые азиатские страны). Что касается Японии, Тайваня и Южной Кореи, то их включение в состав квартиля стран с наивысшими доходами не может удивить никого из тех, кто знаком с динамикой экономического роста этих стран во второй половине прошедшего столетия. Перемещение нескольких других стран между первым, вторым, третьим и четвертым квартилями представляет определенный интерес, но в ряде случаев оно достаточно условно. Например, третий (верхний средний по доходам) квартиль в 2000 г. включает всего две страны – Мексику и Китай, часть населения которого оказалась к тому же и в четвертом – высшем по доходам квартиле.

Однако действительным «открытием» составителей «Обзора...» является своеобразная «рокировка» России и Китая на шкале экономического развития, якобы происшедшая на протяжении XX века. Напомним читателям, что в Китае проживает ныне около 1 300 млн. чел., а в России – несколько менее 150 млн. чел. **Это значит, что кардинальное изменение их взаимного положения на шкале экономического прогресса за период с начала до конца XX столетия (если оно действительно имело место!) неизбежно должно было сказаться на ключевых характеристиках мировых структур, т.е. должно было бы повлечь за собой важнейшие геоэкономические и геополитические последствия.**

Китай и Россия имеют общую границу и занимают огромные территории на пространстве Евразии; это своеобразные страны-континенты, обладающие огромными экономическими потенциалами. В международной статистике публикуются таблицы, характеризующие «экономические размеры» (economic size) стран мира, измеряемые тремя основ-

ными характеристиками: численностью населения, площадью территории и величиной валового внутреннего (либо национального) продукта или дохода (ВВП, ВВП или ВНД). И по всем этим показателям Китай и Россия относятся к числу крупных, точнее – самых крупных, «игроков» на шахматной доске мировой экономики и политики. Вот почему **«открытие»** составителей «Обзора...» заслуживает особого внимания и требует тщательной проверки тех цифр, на которых оно основывается.

Почему и как ошиблись авторы доклада «Мировая экономика в XX веке»

Начнем с Китая, количественные индикаторы экономического развития которого в последние 25–30 лет столь внушительны, что способны поколебать сомнения и критику даже наиболее скептически настроенных специалистов. По материалам матрицы, подушевой ВВП Ки-

тая в XX веке увеличился почти вдесятеро, точнее – в 9,67 раза, причем подобный, сам по себе феноменальный, рост должен был совершиться во второй половине XX столетия, поскольку еще в 1950 г. величина этого показателя была ниже уровня 1913 г. Рост подушевых доходов почти в 10 раз за полстолетия в самой многонаселенной стране мира – это поистине выдающееся достижение, которому вряд ли возможно найти параллели во всей истории человечества. Цифры, приведенные в «Обзоре...» (если они, конечно, верны...), позволяли прийти к еще одному, быть может, самому удивительному выводу. Авторы почему-то не сделали элементарного подсчета: они не сопоставили общие «экономические размеры», т.е. ВВП Китая и США в 2000 г. Между тем если мы перемножим данные об их подушевых ВВП на численность населения в 2000 г.⁹, то окажется, что в конце XX в. ВВП Китая достигал уже 7 925 млрд. долл., а в США – «только» 7 690 млрд. долл. (в ценах 1990 г.). Иначе говоря, если данные составителей «Обзора...» о подушевых ВВП обеих стран точны, то Китай уже превзошел США по величине общего производства товаров и услуг, которую и отражает ВВП.

И тут хотелось бы временно отвлечься от приведенных выше цифр и вспомнить начало 70-х годов прошлого столетия. В то время внимание

⁹ Округленно 1 261 млн. чел. в Китае и 282 млн. чел. в США по данным экспертов ВБ и МВФ.

многих экономистов-«международников» было приковано к так называемому японскому экономическому чуду, т.е. к исключительно высоким темпам увеличения производства ВВП в этой стране в течение 50–60-х годов. И любимым занятием некоторых футурологов того времени в США и ряде европейских стран стали расчеты, долженствовавшие показать примерные временные рубежи, к которым Япония «догонит и перегонит» США. Получалось, что это может произойти уже к 2000 или к 2005 году: достаточно было экстраполировать темпы роста Японии и США на будущие 2–3 десятилетия... Как не вспомнить и знаменитые лозунги «догнать и перегнать» развитые капиталистические страны, а конкретнее – США, выдвигавшиеся в свое время сначала Сталиным, а затем и Хрущевым. В основе их представления о возможности добиться этой цели тоже, видимо, лежали простые сопоставления тогдашних высоких (официальных!) темпов роста в СССР и сравнительно низких в США. Соответствующие показатели в дальнейшем экстраполировались на будущие 20–30 лет. Чем кончилось это соревнование (даже гонка) для СССР – известно, но почему-то многие забывают, что подобные прогнозы не оправдались и относительно Японии. Ее темпы экономического роста в 90-е годы прошлого, да и в первые 5 лет нынешнего столетия, оказались одними из самых низких в группе стран с высокими доходами. Сейчас вновь нередко можно встретить аналогичные рассуждения, те же прогностические расчеты, показывающие, когда именно – то ли в 2010, то ли в 2015 г. – Китай обязательно «догонит и перегонит» США (пока, правда, по величине всего, а не душевого ВВП). Однако никто еще, насколько мне известно, всерьез не утверждал, что это уже произошло, что Китай к началу нынешнего XXI века стал уже первой державой (или сверхдержавой?) мира по своим экономическим размерам или, иначе, по своей экономической мощи, экономическому потенциалу.

Думается, что сами сотрудники МВФ быстро разобрались со столь странной ситуацией и напрашивающимися удивительными выводами из обобщающего доклада об итогах мирового экономического развития в XX веке, помещенного на страницах упомянутого «Обзора...». Уже в майском выпуске 2001 года «все вернулось на круги своя»: ВВП США (правда, в текущих ценах) был оценен в 9 794 млрд. долл., а в КНР – «всего» в 5 164 млрд. долл. Эти цифры свидетельствуют о поистине впечатляющих и к тому же о реальных достижениях страны, ставшей по своей экономической мощи пусть не первой, но второй державой мира. Уместно напомнить в связи с этим, что в прошлом, в 70-х годах

XX века, место второй экономической державы (тогда – даже сверхдержавы) занимал СССР, а в конце 80-х годов его обогнала Япония.

Но как же могло случиться, что в «Обзоре мировой экономики», издаваемом такой авторитетной международной организацией, как Международный Валютный Фонд, и притом в докладе, претендующем на подведение «экономических итогов» XX столетия, появились цифры, позволяющие сделать поистине сенсационные (пока – относительно Китая) выводы?! Ответ на этот вопрос позволит понять причины странной аберрации представлений о возможном и реальном не только применительно к Китаю... Он может способствовать более правильной оценке меры точности или неточности аналогичных расчетов и оценок по многим другим государствам – в основном, конечно, развивающимся странам Азии, Африки и Латинской Америки, но не только им.

Современные исследователи имеют в своем распоряжении обширные базы данных международной статистики, охватывающей более или менее длительные периоды исторического времени. Новейшая компьютерная техника и доступ в систему Интернет позволяют намного ускорить и упростить многочисленные расчеты, использовать специальные приемы обработки первичных материалов учета производства товаров и услуг в десятках стран, находящихся на резко различающихся уровнях экономического, социального и культурного развития. Но все это не отменяет того факта, что в основе обобщающих данных по многим развивающимся и некоторым ныне развитым в экономическом отношении странам лежат материалы, полученные в свое время отнюдь не с той степенью точности и репрезентативности, которая становится характерной для современной международной статистики. Специалистам хорошо известно, что и в начале XXI в. сведения текущей статистики о величине ВВП десятков стран, расположенных в Азии, Африке и Латинской Америке, по-прежнему далеки от стандартов широко используемой системы национальных счетов...

Итак, вернемся к интересующему нас «Обзору...», составители которого указали, что для получения данных о подушевом ВВП 42 стран на 2000 г. они лишь продлили статистические ряды, рассчитанные А.Мэддисоном до 1992 г.¹⁰ Сказанное относится и к Китаю, так что необходимо обратиться к материалам о динамике подушевого ВВП в этой стране, содержащимся в указанной книге. А.Мэддисон отличается от

¹⁰ Речь идет о его книге «*Monitoring the World Economy. 1820–1992*», опубликованной в 1995 г.

многих исследователей тем, что не только подробно излагает применяемую им методику (или методики), раскрывает свою творческую лабораторию, но и приводит множество вариантов исходных данных; из них он выбирает тот, который представляется ему наиболее достоверным. Так обстоит дело и в случае с Китаем. Произведенные им расчеты по построению индекса ВВП, охватывающие длительный, многовековой период, базируются на той величине этого показателя за 1990 г. (в ценах того же года), которая была выбрана им из следующих четырех вариантов.

- Первый расчет И.Крэвиса относится к 1975 г. (опубликован в 1981 г.) и осуществлен по методике программы международных сопоставлений ООН; при этом была использована информация по 93 товарам и услугам. И.Крэвис пришел к выводу, что подушевой доход в Китае 1975 г. был равен примерно 10,4 % от аналогичного показателя в США. В дальнейшем он пересчитал эти данные по методике, используемой А.Мэддисоном, и «распространил» их на 1990 г. В итоге была получена новая цифра, равная 12,3 % от величины американского показателя.
- В 1993 г. Саммерс и Хэстон в «Версии 5,5» своих знаменитых «Penn World Tables» модифицировали расчеты Крэвиса и, используя дефляторы ВВП за 1975–1990 гг., получили результаты в ценах 1990 г. Они не опирались на официальные данные о темпах роста ВВП в Китае, но взяли за основу материалы, рассчитанные двумя китайскими исследователями. В дальнейшем мы будем называть их по сокращенным именам Рен–Чен. Следовательно, в обоих описанных выше расчетах, несмотря на существенные различия, в качестве исходных использовались материалы 1975 г., т.е. за период, предшествующий началу глубоких экономических реформ, осуществлявшихся под руководством Дэн Сяопина. Поэтому в указанных материалах учитывались относительные цены и структурные характеристики дореформенной экономики Китая, которые в дальнейшем, и уже к 1990 г., неизбежно должны были претерпеть существенные изменения;
- Исчисления ВВП Китая по ППС валют, осуществленные уже упоминавшимися Рен–Чен, относились к 1986–1987 гг., когда в ходе реформ существенно изменились отраслевые и иные структуры ВВП, а также относительные цены на

товары и услуги в Китае. Да и сам этот период оказался гораздо ближе к 1990 г., что, конечно, снизило воздействие таких факторов, как официальные темпы роста и дефляторы, на показатели реальной динамики ВВП. К тому же Рен и Чен располагали данными относительно цен на 93, а 200 товаров и услуг, что повышало меру их репрезентативности и точности.

- Четвертый расчет соотношения величин ВВП в Китае и США был опубликован в 1991 г. Дж.Тэйлором и относился к 1981 г. Соответствующие цифры были затем «досчитаны» на 1990 г. по официальным индексам производства ВВП в Китае и дефляторам ВВП в США.

В итоге были получены следующие данные о величине ВВП в Китае в 1990 г. в американских долларах и по ценам того же 1990 г.¹¹

Таблица № 2

Разные расчеты ВВП Китая в 1990 г. по ППС валют в долларах 1990 г.

Авторы расчетов	Год публикации	ВВП (в млрд. долл.)	Подушевой ВВП (в долл.)
Крэвис	1981	4834	4264
Саммерс и Хэстон	1993	3061	2700
Рен-Чен	1993	1983	1749
Тэйлор	1991	1286	1135

Разрыв между минимальной и максимальной оценкой (в таких обстоятельствах и при такой величине расхождений термин «оценка» представляется более уместным) величины ВВП Китая в 1990 г., рассчитанной по ППС юаня и доллара, достигал 3,76 раза. Перед А.Мэддисоном стоял нелегкий выбор, и, прежде чем его сделать, он принял во внимание следующие соображения. Во-первых, учитывалось научное качество той или иной оценки; во-вторых, рассматривалась мера ее правдоподобия (plausibility), т.е. соответствия здравому смыслу, базирующемуся на всей сумме знаний о тех или иных странах, в том числе государствах, более или менее сопоставимых по уровню развития с Китаем.

¹¹ См. об этом с.168 упоминавшейся ранее книги Мэддисона (далее – М1).

А.Мэддисон признавал, что с научной точки зрения наиболее ценны расчеты Крэвиса и особенно Рен–Чен, в той или иной мере удовлетворявшие критериям программы международных сопоставлений ООН. Но результат Саммерса и Хэстона представлялся ему достаточно правдоподобным и наиболее подходящим компромиссом между оценками Крэвиса и Рен–Чен, ибо их оценка величины ВВП в 1990 г. соответствовала динамике этого показателя, т.е. его изменению во времени, а также аналогичным данным по другим странам, уровни экономического развития которых были более или менее сопоставимы с Китаем. А.Мэддисон сравнил различные оценки ВВП в Китае и Индии как в 1990, так и в предшествующие годы. В результате оказалось, что если принять за основу расчеты Крэвиса, то подушевой ВВП Китая в 1990 г. будет в 3,4 раза больше величины аналогичного показателя по Индии в том же году, а также в 1,7 раза выше ВВП Индии в 1950 г. Это представлялось А.Мэддисону в то время явным преувеличением и не соответствовало, по его мнению, критерию правдоподобности. Что же касается результатов Рен–Чен, то они означали, что подушевой ВВП Китая в 1990 г. был выше индийского только на 1/3, а в 1950 г. составлял лишь 2/3 соответствующего индикатора по Индии. Это, по мнению А.Мэддисона, было уже явным занижением искомой величины по Китаю. Наконец, цифры Тейлора представлялись ему резко заниженными и потому – совершенно неприемлемыми.

Подводя итог сопоставлениям между Китаем и Индией в 1990 и 1950 гг., А.Мэддисон выбрал в качестве наиболее правдоподобной оценку Саммерса и Хэстона и положил ее в основу всех дальнейших расчетов. Именно от цифры Саммерса и Хэстона (подушевой ВВП Китая в 1990 г. = 2700 долл.) А.Мэддисон «отталкивался» в своих дальнейших расчетах и оценках подушевого ВВП этой страны не только в середине и начале XX века, но и в гораздо более отдаленном прошлом – вплоть до 1820 г.

Что же касается составителей «Обзора...», то они просто взяли за основу оценку Саммерса и Хэстона за 1990 г., которую А.Мэддисон считал наиболее правдоподобной, и не мудрствуя лукаво подсчитали величину ВВП Китая в 2000 г., используя без всяких уточнений официальный индекс его роста за последние 10 лет XX века. Вот откуда взялось удивительное «открытие», согласно которому (они об этом не пишут, но именно так получается!) Китай в 2000 г. по своим экономическим размерам, потенциалу, мощи уже превзошел США, т.е. якобы стал самой большой, в экономическом смысле, страной в мире.

Чтобы показать читателю возможные размеры сделанной авторами «Обзора...» (а до них – А.Мэддисоном) ошибки, приведем две цифры относительно ВВП Китая по ППС валют, **и притом в «текущих» долларах**, в 2004 г., а не в 1990 году. Эксперты Всемирного Банка в своем ежегодном издании¹² оценили весь ВВП Китая в 7 634 млрд. долл., а в расчете на душу населения – только в 5 890 долл. (повторяем, долларов не 1990 г., а того же 2004 г.). Поскольку дефлятор ВВП США за период с 1990-го по 2004 г. значительно увеличился, обе эти цифры в ценах 1990 г. необходимо уменьшить в 1,25 раза. Иначе говоря, даже за прошедшие после 1990 г. 14 лет ВВП Китая оставался существенно меньше той величины, которую ему «приписали» авторы «Обзора...», исходя из оценки А.Мэддисона, на 1990 г.¹³ Надо сказать, что эксперты ВБ и МВФ в своих регулярных статистических публикациях¹⁴ неуклонно придерживались гораздо более реалистических позиций и давали более низкие (и вполне разумные) оценки ВВП Китая¹⁵.

В 2001 г. вышла в свет монография А.Мэддисона «Мировая экономика в перспективе тысячелетия»¹⁶. В ней автор ссылается на свое уже упоминавшееся исследование 1998 г., но, к сожалению, не сопоставляет «старые» (1995) и новые (сделанные в 1998 и воспроизведенные в 2001 гг.) оценки ВВП Китая и некоторых других стран. Такое сопоставление позволяет сделать интересные выводы, и поэтому целесообразно

¹² World Development Indicators 2006. P.20.

¹³ Но, в отличие от них, сам А.Мэддисон после проведения огромной работы по проверке исходных данных и построению новых индексов получил другие результаты и опубликовал их уже в 1998 г. в книге «Экономическое развитие Китая за длительное время (в длительной ретроспективе?)» («Chinese Economic Performance in the Long-Run»). Эта монография, по-видимому, осталась неизвестной составителям «Обзора...», или они не приняли во внимание те изменения, которые внес А.Мэддисон в свои прежние оценки ВВП Китая.

¹⁴ В том числе и в различных выпусках «Обзора мировой экономики» – всех, кроме майского номера за 2000 г.

¹⁵ Так, например, уже в «Отчете о мировом развитии» 2001/2002 г., изданном ВБ, приводятся следующие данные. ВВП Китая в 2000 г. в **текущих ценах** определялся по ППС валют в 4 966 млрд. долл., что, в пересчете на цены 1990 г., составит около 4 009 млрд. долл.

¹⁶ The World Economy. A Millennial Perspective. 2001(далее – М2).

КИТАЙ, РОССИЯ И США

привести соответствующие цифры по Китаю, а также Индии, США, России (СССР) и Японии (Таблица № 3).

Таблица № 3

Подушевые показатели ВВП по расчетам А.Мэддисона¹⁷
(все данные в долларах 1990 г.)

Годы	Китай		Индия		СССР (Россия) ¹⁸		США		Япония		% Китай/США	
	M1	M2,3	M1	M2,3	M1	M2,3	M1	M2,3	M1	M2,3	K1/M1	K2/M2
1900	652	520	625	599	1218	1237	4096	4091	1135	1180	15,9	11,0
1913	688	552	663	673	1488	1488	5307	5301	1334	1387	13,0	10,4
1950	614	439	597	619	2834	2834	9573	9561	1873	1926	6,4	4,6
1973	1186	839	853	853	6058	6058 (6577)	16607	16689	11017	11439	7,1	5,0
1978	1352	979	972	966	6565	6565 (7120)	18168	18373	12186	12584	7,4	5,3
1990	2700	1858	1316	1309	6871	6871 (7762)	21866	23214	18548	18789	12,3	8
1998	-	3117	-	1746	-	3861 (4459)	-	27331	-	20410	-	11,4
2000 (1) ¹⁹	6285	3437	-	1880	-	3685 (5157)	-	29390	-	20615	23,0	11,69
2000 (2) ²⁰	-	3920	-	2340	-	8010	-	34100	-	27080	-	11,5

¹⁷ M1 – no: *Monitoring the World Economy 1820–1992, OECD 1995*; M2 – *The World Economy. A Millennial Perspective, OECD 2001*; M3 – *The World Economy Historical Statistics. OECD, 2003*.

¹⁸ Все данные в столбце СССР (Россия), приводимые в скобках, относятся не к бывшему СССР, а к России в ее нынешних границах.

¹⁹ 2000 (1) г. – no: *IMF World Economic Outlook, May 2000 (в ценах 1990 г.)*.

²⁰ 2000 (2) г. – данные no: *World Development Indicators 2002 (в текущих ценах)*.

Здесь А.Мэддисон берет за основу данные не Саммерса и Хэстона или Крэвиса, а результаты «бинарного сопоставления ВВП Китая и США в 1987 г.», т.е. фактически использует те же материалы и методики, которыми руководствовались Рен и Чен. Сопоставление подушевых показателей Китая в М2 (1 858 долл.) и у Рен–Чен (1 749 долл.) свидетельствует о том, что новые величины, полученные А.Мэддисоном, ближе всего именно к итогам расчета этих двух исследователей.

При этом новая оценка ВВП Китая в 1990 г. не превышает 68,8 % прежнего показателя. Можно сказать и иначе: прежняя, «старая» оценка, опубликованная в 1995 г. и использованная авторами «Обзора...» за май 2000 г., превышала новую, более реальную на 45 %!

Объясняя динамику искомого показателя, А.Мэддисон указывает, что для получения данных о росте ВВП Китая в 1995–1998 гг. он скорректировал официальные темпы роста, составлявшие за этот период в среднем за год 8,7 %, получив более реалистическую оценку – 6,6 %²¹. Аналогичная операция применялась и для получения индекса роста ВВП Китая в 1978–1995 гг., т.е. в период глубоких реформ. Иначе говоря, новый темп экономического роста оказался на 2,1 процентных пункта или на 24–25 % ниже прежнего²².

Учитывая эти новые данные, А.Мэддисон счел необходимым существенно скорректировать оценки подушевого ВВП Китая не только за 1978 г., но также и за все предшествовавшие годы. Так, новый показатель за 1913 г. на 20 % ниже «старого» (552 и 688), а за 1950 и 1978 гг. новые величины этого индикатора оказались ниже старых примерно на 28 %. Подобные, очень существенные корректировки заставляют изменить некоторые достаточно устоявшиеся представления о сравнительном уровне экономического развития разных стран, например Китая и Индии в первой половине XX в.

Теперь самое время вспомнить, какие аргументы выдвигал А.Мэддисон в публикации 1995 г. для обоснования своего выбора в пользу оценки Саммерса и Хэстона как более правдоподобной по сравнению с результатами Рен–Чен. Он указывал тогда, что цифры, полученные ими, означали, что в 1950 г. подушевой ВВП Китая составлял

²¹ Сведения за предшествовавшие годы были опубликованы в 1998 г. в уже упоминавшемся нами специальном исследовании об экономическом развитии Китая за длительное время и поэтому не нуждались в корректировке.

²² См. об этом: М2, с.202, 219.

лишь 2/3 индийского, а в 1990 г. хотя и превышал его, но лишь на 1/3. Но о чем свидетельствует в таком случае сопоставление полученных уже им самим новых данных за те же годы? Как видно из таблицы № 3, в 1950 г. подушевой ВВП Китая (439 долл.) составлял лишь 70,9 % от индийского (619 долл.), тогда как в 1990 г. уже превышал его, но «лишь» на 41,9 % (1 858 и 1 309 долл.). Таким образом, то, что еще в 1995 г. казалось А.Мэддисону совершенно неправдоподобным, после тщательного изучения экономической динамики Китая на протяжении многих столетий становится (хотя он прямо не пишет об этом!) признанной реальностью. Добавим, что если по старым данным Индия отставала от Китая по размерам подушевого ВВП не только во второй, но и в первой половине XX в., то, судя по результатам новых расчетов и сопоставлений, все обстояло иначе. Лишь к концу 70-х годов XX в. (достаточно сравнить соответствующие цифры в таблице № 3 за 1978 г.) Китай сумел догнать Индию, а затем и значительно обогнать ее по величине этого обобщающего экономического показателя (в 2000 г. – уже почти на 2/3).

Рассмотрим вновь ключевое соотношение, которое авторы «Обзора...» 2000 г. сочли одним из двух важнейших изменений в положении различных стран к концу (по сравнению с началом) XX века: резкое повышение относительного показателя уровня развития Китая при его сравнении с США. Согласно их данным, в 1900 г. подушевой ВВП Китая составлял 14,2 % от аналогичного показателя по Англии (которая тогда еще сохраняла за собой первое место в мире по величине этого индикатора) и 15,9 % от подушевого ВВП США. В дальнейшем этот показатель снизился к 1913 г. до 13 % от аналогичного индикатора в США, которые к этому времени обогнали Великобританию и заняли первое место в мире по уровню экономического развития. В последующие десятилетия эта цифра претерпела ряд изменений, но к 2000 г. достигла якобы уже 23 % от уровня США. Напомним, что, согласно **их второму важнейшему выводу**, в конце XX века, в то время как Китай непрерывно двигался вверх по шкале развития, Россия в 1990-х годах столь же резко сдвинулась вниз. Ее подушевой ВВП, еще в 1900 г. составлявший 26,5 % от английского и, добавим, 29,7 % от американского, не превышал уже к 2000 г. 13,5 %, – правда, в последнем случае речь идет о всей территории бывшего СССР. Дело в том, что в книге А.Мэддисона, опубликованной в 1995 г., данные о собственно России в

ее нынешних границах не выделялись из ряда цифр, относящихся к СССР.

В своей монографии 2001 г. А.Мэддисон приводил различные данные о населении и ВВП стран мира, заканчивая их 1998 г. Однако в своей следующей работе²³ он продолжил эти ряды, и теперь есть возможность сопоставить материалы авторов «Обзора...» и новые расчеты А.Мэддисона. При этом оказывается, что подушевой ВВП Китая в 2000 г. составлял в ценах 1990 г. не 6 285 долл., а лишь 3 425 долл., что соответствовало примерно 12,17 % от величины аналогичного показателя в США (28 129 долл.²⁴).

Эта цифра получена в результате сравнения соответствующих показателей в ценах 1990 г. Если же сопоставить данные о подушевом ВВП Китая и США в текущих ценах²⁵, то мы получим еще меньшую цифру, равную 11,4 %. Трудно сказать, какая из них точнее отражает соотношение уровней экономического развития этих стран, но обе они оказываются примерно вдвое ниже величины индикатора, содержащегося в «Обзоре...».

Китай и США в XX веке

В конце XX века, по данным практически всех исследователей (об ошибке составителей WEO мы уже подробно писали), подушевой ВВП Китая составлял 11–12% от аналогичного показателя по США. Порядок этих цифр не вызывает сомнений, а незначительная разница показателей объясняется отмеченными ранее особенностями расчетов (применение цен различных лет, округление и постоянное уточнение исходных данных и результатов сопоставлений). Но если порядок цифр, относящихся к 2000 г., не вызывает сомнений, то совершенно иная ситуация складывается при сравнении результатов, полученных для первых 10–13 лет прошедшего столетия.

²³ Maddison A. *The World Economy: Historical Statistics*. OECD 2003 (M3).

²⁴ См. об этом M3, с.89, 184.

²⁵ Опубликованы в: *World Development Indicators 2002* (3 920 и 34 100 долл.) и помещены нами в таблице № 3.

Соотношение (в %) подушевых ВВП Китая и США по расчетам различных исследователей и экспертов международных организаций

Годы	M1	M2	Илл.	WEO	Б.Б.	Л.Ф.	WDI
1900	15,9	13,3	-	15,9	8,4	12–13	-
1913	13,0	10,4	13,0	-	6,4	-	-
1950	6,4	4,6	-	-	3,4	-	-
1990	12,3	8,0	5,6	-	5,6	-	7,6
1998	-	11,4	11,9	-	-	10–11	10,4
2000	(23)	12,2	-	23	10,8	11–11,5	11,5

Так, по оценке А.Илларионова, к концу XX в. Китай все еще не достиг соотношения индикаторов подушевого ВВП Китая и США, относящихся к 1900–1913 гг. Между тем, по расчетам Б.Болотина, в конце XX в. этот показатель вырос на 2,4 процентных пункта (т.е. на 28–29 %) по сравнению с началом века, на 4,4 процентных пункта (т.е. почти на 70 %) по сравнению с 1913 г. и, наконец, увеличился более чем втрое по сравнению с цифрой, относящейся к середине столетия.

Что же касается второго расчета А.Мэддисона²⁷, то соответствующие цифры за 1900 и 1913 гг. оказались уменьшены на 2,6 процентных пункта. В таком случае мы имеем два несопадающих ряда цифр. По первому расчету А.Мэддисона, продолженному составителями WEO, а также расчету Б.Болотина на протяжении последнего десятилетия XX века Китай примерно вдвое сократил свое относительное (т.е. по соот-

²⁶ M1 – публикация А.Мэддисона 1995 г.; M2 – публикация А.Мэддисона 2003 г.; Илл. – Илларионов А. Как Россия потеряла XX столетие / Вопросы экономики. 2000. №1. С.6–15; WEO – IMF World Economic Outlook. May 2000; Б.Б. – расчеты Бориса Болотина; Л.Ф. – расчеты и оценки Л.Фридмана; WDI – The World Bank, World Development Indicators. Для 1990 г. использовались данные, приводимые в: WB, World Development Report.

M1 на 2000 г. дается в скобках, поскольку в публикации А.Мэддисона данные за этот год отсутствовали, но составители доклада WEO получили цифру 23%, используя индекс А.Мэддисона в M1 за предыдущие годы.

²⁷ В книге 2001 г. материалы за 1900 г. отсутствуют, но они вновь появились в его публикации 1903 г. (M3).

ношению подушевых величин ВВП) отставание от США. Однако, по тем же расчетам, на протяжении почти всего столетия, т.е. в 1913, 1950 и 1990 гг., относительное экономическое «расстояние» между Китаем и США было большим, чем в 1900 г.

Второй расчет А.Мэддисона, основанный на тщательном анализе обобщающих индикаторов хозяйственной динамики Китая в их максимально долгосрочном измерении, свидетельствует о следующем. **И к 2000 г. соотношение уровней экономического развития Китая и США, измеряемых подушевыми ВВП этих стран, оставалось примерно таким же или было даже худшим, чем в 1900 г. К тому же это соотношение лишь где-то в середине 90-х годов XX в. превысило уровень 1913 г.**

Все исследователи по существу согласны с тем, что даже во второй половине XX в., на протяжении 40 из 50 лет, соотношение подушевых ВВП двух стран было для Китая еще менее благоприятным, чем в конце XIX или начале XX в. Но первые пять лет нынешнего столетия ознаменовались для Китая сохранением высоких темпов экономического роста (при том, что официальные цифры, на наш взгляд, явно остаются преувеличенными). В результате, по данным ВБ, в 2005 г. соотношение подушевых ВНД Китая и США существенно изменилось в пользу Китая, достигнув 15,7%²⁸. Что касается дальнейших прогнозов такого рода, то большинство из них вряд ли опирается на достаточную доказательность используемых аргументов и сводится к простой (или несколько завуалированной) экстраполяции экономических показателей обеих стран за последние десятилетия. Однако в нашем глобализирующемся мире динамичных перемен и в Китае, и в США может случиться многое из того, что трудно предвидеть, глядя из прошлого в будущее.

Положение Китая в окружающем мире в длительной ретроспективе

Мы рассмотрели положение Китая относительно самой экономической развитой страны мира на протяжении XX века, но не меньший интерес представляет изучение динамики соответствующих показателей в гораздо более про-

тяженной исторической ретроспективе. Разумеется, все цифры за предшествующие столетия и даже тысячелетия (!) не могут быть точ-

²⁸ *Рассчитано по: World Development Report 2007. P.287–288.*

ными, но они позволяют представить себе, по крайней мере, примерный порядок искомым величин. А.Мэддисон предпринял попытку такого рода, и некоторые полученные им результаты приводятся ниже.

Таблица № 5²⁹

**Положение Китая среди наиболее развитых стран мира.
Подушевые показатели ВВП в долларах 1990 г.**

Страны и группы стран	Годы											
	1	1000	1500	1600	1700	1820	1870	1913	1950	1956	1990	2001
Китай	450	450	600	600	600	600	530	552	439	619	1858	3583
Западная Европа	450	400	771	890	998	1204	1960	3458	4579	5962	15966	19256
Италия	-	-	1100	1100	1100	1117	1499	2564	3502	4859	16313	19040
Нидер- ланды	-	-	761	1381	2130	1838	2757	4049	5996	7499	17262	21721
Велико- британия	-	-	714	974	1250	1706	3190	4921	6939	7929	16430	20127
США	-	-	400	400	527	1257	2445	5301	9561	10914	23201	27948
Справочно: бывший СССР	400	400	499	552	610	688	943	1488	2841	3566	6878	4626

В таблице № 5 помещены сведения о Китае и тех странах, которые в разное время занимали первое место в мире по величине среднедушевого ВВП; для сравнения сообщаются сведения о подушевом ВВП на территории бывшего СССР. Как явствует из этих материалов, еще в 1000 г. (а может быть, и раньше) Китай превосходил все страны ойкумены того времени по уровню экономического развития. В начале нашей эры он, возможно, «делил» это место с римской империей, но после ее гибели на протяжении многих столетий Китай, а также Индия и некоторые другие страны Азии существенно превосходили Западную Европу по общему уровню хозяйственного развития. Однако в дальнейшем ситуация постепенно начала меняться, и к середине второго тысячелетия на первое место вышла Италия (точнее часть территории нынешней

²⁹ Источник: Maddison A. *The World Economy: Historical Statistics*. OECD, 2003.

Италии), в 1600–1820 гг. его занимали Нидерланды, а в дальнейшем, вплоть до начала XX века, – Великобритания. Наконец, примерно с середины первого десятилетия XX в. и вплоть до настоящего времени первую строку в мировой экономической таблицы о рангах занимает США.

Если теперь рассмотреть динамику подушевого ВВП в Китае на протяжении трех столетий и принять за основу оценки А.Мэддисона за период с 1500 по 1820 г., то придется признать, что этот важнейший показатель практически не менялся или изменялся совершенно незначительно. Затем он, по-видимому, даже начал сокращаться и на протяжении последующих 93 лет оставался ниже этого уровня. Более того, к концу первой половины XX в. ключевой индикатор общего уровня экономического развития, если верить оценкам А.Мэддисона, настолько сократился в Китае, что не превышал цифры, характеризующей то, что ныне называют «подушевым ВВП», еще в 1 году нашей эры!

Лишь в середине 50-х годов XX в. индекс подушевого ВВП вернулся к той точке, которой достиг Китай за 350 лет до этого времени. Но затем, за 45 лет, прошедших после 1956 г., когда Китай восстановил уровень развития, достигнутый еще в 1820 г., подушевой ВВП в этой стране, на территории которой проживает пятая часть всего мирового населения, увеличился почти в 5,7 раза. Для того чтобы должным образом оценить эти результаты, достаточно указать, например, на следующий факт. За 88 лет (1913–2001) этот обобщающий экономический показатель в странах Западной Европы возрос примерно в 5,5 раза, а в США – «лишь» в 5,2 раза. Можно также указать, что в предшествующие столетия, например, с 1600 по 1950 г., страны Западной Европы добились увеличения подушевого ВВП примерно в 5 раз.

Все эти цифры свидетельствуют об ускорении темпов экономического роста стран Запада (Севера) в XVIII–XX вв. Конечно, они могут – и будут – неоднократно уточняться и исправляться в будущем как китаистами, так и специалистами в области экономической истории и межстрановых сопоставлений. Ведь эти данные, если они верны, во многом меняют прежние, широко распространенные представления, согласно которым уровень экономического развития Китая (как и ряда других стран Азии и Северной Африки) был намного выше европейского, а может быть, превосходил его даже к концу XVIII в. Споры по одной из важнейших в мировой истории проблем будут

продолжаться и впредь, а временами и обостряться – по мере накопления новых материалов и разработки новых методов исследования межстрановых различий на макро- и микроэкономическом уровнях. Но каким бы веком ни датировать начало эпохи экономического превосходства Европы над Азией (а в более узком смысле – Западной Европы над Китаем), – будь то XIV–XV вв. (как считает А.Мэддисон) или, напротив, лишь XIX век (по мнению П.Байроха³⁰), – на протяжении XIX и первой половины XX в. разрыв в относительных уровнях экономического развития Китая и стран Запада (в более узком смысле – Китая и США) постоянно увеличивался. И лишь во второй половине, и особенно в 70–90-х годах прошедшего столетия, он постепенно начал сокращаться.

Сопоставления макроэкономических показателей по ППС валют, охватывающие десятки не только развитых, но и развивающихся стран, начались лишь в конце 60-х – начале 70-х годов XX столетия. Тогда стало совершенно очевидно, что простые сравнения ВВП или национального дохода столь различающихся по уровню развития стран на основе использования обменных курсов их валют, испытывающих постоянные, порою резкие и внушительные, колебания, дают превратное представление о реальных макроэкономических индикаторах, характеризующих уровни хозяйственного развития этих стран. При этом в последние десятилетия курсы валют развивающихся стран относительно доллара, как правило, были сильно занижены, а у развитых стран, наоборот, несколько завышены. Подобная ситуация порою приводила к ошибочным выводам в отношении не только развивающихся, но и некоторых развитых стран. Так, например, если считать по «официальному» существенно завышенному обменному курсу йены и доллара, то подушевой ВНД Японии в 1998 г. (32 350 долл.) был больше, чем в США (29 240 долл.). Находились исследователи, которые на этом основании делали вывод, что Япония уже перегнала США по уровню экономического развития. К тому же Япония в этом отношении отнюдь не была исключением. Аналогичные результаты дает сравнение США по тому же показателю (т.е. «официальному» обменному курсу соответствующих валют) с Данией (33 040 долл.), Норвегией (34 310 долл.), Сингапуром (30 170 долл.) и,

³⁰ См.: Bairoch P., Levy-Leboiyer Poul M. *Disparities in Economic Development since the industrial revolution*. L.: Macmillan, 1981.

наконец, Швейцарией (39 980 долл.). Однако то же сопоставление, но уже по ППС валют позволяет получить совершенно иные цифры: в Японии – 23 692 долл., в Дании – 23 855 долл., в Норвегии – 26 196 долл., в Сингапуре – 25 295 долл. и в Швейцарии – 26 876 долл.³¹. Иначе говоря, подушевой ВНД всех этих стран в 1998 г. по-прежнему оставался ниже, чем в США.

Что же касается развивающихся стран, то здесь сложилась в том же году прямо противоположная ситуация. Так, среднедушевой национальный доход КНР по официальному (уже без кавычек) обменному курсу юаня и доллара не превышал 750 долл., т.е. был по этому расчету почти в 39 раз меньше американского; а весь ВНД Китая составлял около 924 млрд. долл., т.е. был в 8,55 раза меньше, чем у США. Он также уступал величине аналогичного показателя не только в Японии (4 089 млрд. долл.), но и в Германии (2 180 млрд. долл.), Франции (1 465 млрд. долл.), Италии (1 157 млрд. долл.) и Великобритании (1 264 млрд. долл.). Однако исчисление величины того же индикатора, но уже по ППС валют дает совершенно другие, если можно так выразиться, не только количественно, но качественно результаты. По этим данным, подушевой ВНД Китая в 1998 г. составлял не 750, а уже 3 051 долл., т.е. был в 4 раза выше цифры, полученной по официальному обменному курсу. В то же время рассчитанная по ППС валют величина всего ВНД Китая (3 779 млрд. долл.) не только оказалась выше, чем в Германии (1 807 млрд. долл.), Франции (1 248 млрд.), Италии (1 173 млрд.), но и Японии (2 982 млрд. долл.). Если эти цифры более или менее точны, то придется признать, что с конца 90-х годов и, тем более, в начале 2000-х годов Китай обогнал Японию по общим размерам своей экономики, прочно заняв второе место в мире по этой важнейшей геоэкономической характеристике.

Легко понять, как изменяется оценка общей геоэкономической, да и геополитической, ситуации, равно как и положение Китая в мировом экономическом пространстве, в зависимости от того, какой метод использовать при исчислении его ВНД – по официальному обменному курсу или по паритету покупательной способности юаня в Китае и доллара в США. Надо сказать, что власти КНР, когда им это выгодно, например, стремясь получить уступки от развитых стран в области

³¹ См. об этом: WDI 2000. P.10–12.

торговли или финансовых отношений, а также выдвигая требования о льготных условиях вступления в некоторые международные экономические организации, любят ссылаться на то, что Китай пока еще сравнительно бедная развивающаяся страна с низким уровнем среднедушевого дохода, – разумеется, по официальному обменному курсу. Как видим, проблемы международных сопоставлений имеют не только научно-теоретическое значение, но могут представлять сугубо практический интерес для того или иного государства (в данном случае КНР), а также при оценке основных составляющих и общей геоэкономической и геополитической ситуации, – например, в конце и в начале XX века.

(Окончание следует)

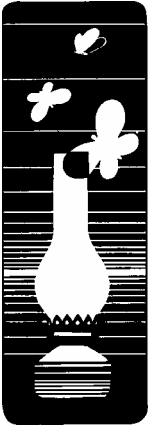
Человек живет сегодня в окружении, которое знает меньше, чем мы это предполагаем. Он утратил цельное восприятие мира и стал жертвой образов. То, что сегодня наш век называет образом, стало на самом деле одной из абстракций. Человек не понимает, что разыгрывается вокруг него, он кажется самому себе игрушкой внешних сил, мировые события представляются ему слишком грандиозными, чтобы он еще мог принимать участие в их решении; то, что говорится, чуждо ему, мир чужд ему. Он чувствует, что создана картина мира, которая понятна лишь одному ученому, и он становится жертвой ходячих мировоззрений и картин мира, которые выброшены на ярмарку и валяются на любом уличном перекрестке.

Фридрих Дюрренматт

Любая гражданская власть всегда зиждется на мнении, которое действительно является общественным, а значит, единым для всех и обладающим огромной силой воздействия. Если же этого нет, если вместо общественного мнения мы сталкиваемся только с частным и групповым... общество раскалывается, распадается, гражданская власть перестает быть таковой...

Хосе Ортега-и-Гассет

Ксения Мяло

РОССИЯ В МИРЕ

НА КРУГИ СВОЯ:
ПЕРЕД ВЫЗОВОМ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ¹

In this part of her article the author continues her investigation of the end of the social guaranties epoch. However she focuses on Russia where this end manifests in the unprecedented harsh and cruel form. Alongside with that slackness, shapelessness of the society's responses to the process are also unprecedented, particularly in comparison with the similar events in France (these events were investigated in the previous issue of the magazine). Avoiding construction of linear relations the author suggests her answer to the question about certain reasons for this paradox.

¹ Продолжение. Начало статьи см. в №5.

«Я» обзавелся норой и, кажется, получилось удачно». Так начинается едва ли не самый страшный, на мой взгляд, рассказ Франца Кафки, где провидческие его откровения уже никак не могут быть конъюнктурно привязаны к тем или иным конкретным политическим событиям и лицам, но напрямую касаются глубинных, подземных даже (о чем говорит уже и само название «Нора»), законов бытия. Стало быть, и истории.

Речь же там идет о каком-то землеройном зверьке, уютно и, как представляется ему, безопасно обосновавшемся в сооруженном им самим убежище. Жилище наполнено запасами корма (а зверек, между прочим, плотояден и любит слизывать кровь с убитой им добычи); оборудовано лабиринтными ходами, в сплетении которых способен разобраться только сам хозяин, но неизбежно заплутает незванный гость, есть и запасные выходы. Словом – спокойная, в тишине, уюте и сытости, старость обеспечена, если уж не до конца дней (надежда, конечно, на это), то на несколько лет вперед, безусловно. Но... зверька точит какая-то внутренняя тревога, осаждают призраки неведомо откуда подступающих опасностей. И наступает день, когда эти призраки материализуются в едва различимом вначале, а затем все нарастающем шипении, шуршании, наконец – в гуле осыпавшейся земли. Становится ясно: кто-то роется рядом, а может быть, и подрывается под казавшееся таким надежным убежище. Еще неясно, насколько велика опасность, еще сохранно жилище, но утопия «норового существования», с его покоем и уверенностью, разрушена необратимо. Вот только взглянуть этой правде прямо в лицо зверек оказывается не в состоянии, и жизнь его теперь замыкается в порочном кругу переходов от лихорадочной деятельности по дальнейшему усовершенствованию своей норы к погружению в болезненную пассивность, осознание тщеты всех усилий. Подкрадывается трусливая мысль о возможных переговорах с *неведомым*, охлаждаемая трезвым сознанием иллюзорности подобных надежд, и возобновляется бег по кругу, в одной из точек которого мы, вместе с автором, и оставляем злосчастную зверушку.

Мне этот рассказ-притча часто вспоминался уже тогда, когда, почти двадцать лет назад, у нас в стране, еще звавшейся СССР, на страницах самых популярных изданий развернулась напористая проповедь именно такой «норовости», исключительной сосредоточенности на своей частной, семейной жизни. С ее уютом и маленькими *человеческими* радостями (а это подчеркивалось особо, как если бы всякий интерес к чему-

либо за пределами «норы» уже был противоестественным, отзываясь фанатизмом и бесчеловечностью). Такой эталон бытия с вызовом противопоставлялся былым, притом не только советским (хотя им, конечно, прежде всего), размашистым представлениям о достойной жизни народа и каждого отдельного человека – словом, «злокачественным мечтаниям о небе в алмазах», как выразилась как-то одна из известных представительниц отечественного неолиберализма.

И еще в 1995 году, когда признаков общего обвала социальной жизни уже было невозможно не замечать, И.Клямкин и Т.Кутковец, одни из самых ярких идеологов «норы», с удовлетворением отмечали на страницах «Московских новостей», что идеология эта быстро усваивается большей (по их данным, даже большей) частью населения России².

Были у нее и другие промоутеры, притом иные – с весьма громкими именами. Однако главное все-таки не имена, хотя в эпоху масс-медиа они, конечно, сыграли свою немалую роль. Гораздо важнее другое: то, что проповедь и впрямь возымела успех, и более всего потому, что пала на благодатную почву, во многом уже взрыхленную и подготовленную эпохой «гуляшного социализма», когда и были сделаны первые, очень крупные шаги к позднему торжеству консьюмеризма, потребительства, в Советском Союзе получившего теперь уже совсем забытое имя *вещизма*. Впрочем, такая опасность, грозящая крахом всего грандиозного замысла, еще на заре советского времени предвиделась не только Маяковским, чьи строки об «отдыхе у речки» хрестоматийно известны, но также и Н.Бердяевым, чье пророчество о возможном массовом омещанивании России в ходе ее дерзновенного эксперимента, к сожалению, в СССР было почти никому неведомо. Если уйти к самым началам этого времени, то можно вспомнить и об отчаянии Блока при звуках вновь заигравших кабацких оркестров, и о Хлебникове с его написанными в феврале 1922 г. гневными строками: «Не за тем высока / Воля правды у нас / В соболях – рысаках / Чтоб катались глумясь / Не за тем у врага / Кровь лилась по дешевке, / Чтоб несли жемчуга / Руки каждой торговки». А на самом его закате о наступлении эпохи «великого торжества мещан» говорил чуткий В.Шукшин.

² *Московские новости*. 1995. 25 августа – 1 сентября. Более подробно я рассматриваю этот вопрос в своей книге: Мяло К. *Между Западом и Востоком*. М.: Русский Национальный Фонд, 2003.

В качестве необходимого пояснения, чтобы не быть неверно понятой, сразу же замечу, что я отнюдь не принадлежу к числу максималистов, полагающих будто народ, весь в пене и мыле, должен был на курьерской скорости безостановочно продолжать свой бег. Роковой исход таких скачек неизбежен, и даже самые закаленные альпинисты делают передышки при восхождении. Чем выше и труднее вершина, тем важнее считаться с «ритмом сердца», и, конечно же, страна, поднявшая неимоверную тяжесть всемирно значимого социального прорыва («у них в руках метеорит», если вспомнить не случайно не вспоминаемый нашими либералами образ Октябрьской революции у Пастернака) и победы над фашизмом, заслужила право и отдышаться, и получить достойную жизнь, без унижительных очередей за квартирами, мебелью и прочими «дефицитами». Которые, как теперь должно быть понятно всем, в значительной мере и создавались искусственно, с дальними целями. Истинную природу этих целей и обнажила перестройка, когда пропаганда вещизма и «маленькой частной жизни» поднялась на качественно новый, *государственный* уровень, имея своей целью обрушение, полный демонтаж не только социалистического, но и вообще социально ориентированного общественного устройства. А ведь совершилось это ее триумфальное восхождение еще тогда, когда, конечно, уже можно было говорить о крепнувшей опасной тенденции (впрочем, вечной спутнице человечества на его исторических путях – «Mein lieber Augustin», сокрушающий «Марсельезу», у Достоевского), но отнюдь не о доминанте и не о фатальном исходе.

В обществе существовали и готовы были к противостоянию носители другой иерархии ценностей, иных социальных норм и представлений, даже просто о том, чем, помимо потребления, может быть жизнь увлекательна и интересна. Но ситуацию резко и роковым образом изменила перестроечная и постперестроечная кампания по тотальному промыванию мозгов. Развязанная еще во времена абсолютной монополии КПСС на средства массовой информации³ в стране, за десятилетия приученной воспринимать идеологические посылы СМИ как не подлежащие обсуждению директивы⁴, она с самого начала не только сразу же

³ *Доньине восхваляемая горбачевская «гласность» была лишь фиговым листком, едва прикрывавшим эту монополию.*

⁴ *Уже не знаящим этого стоит сообщить, а забывшим – напомнить, что и трансляторами-то новых идей стали «знакомые все лица», картотечные политобозреватели и*

исключила честную полемику и свободный диалог, но обернулась настоящим психотеррором по отношению к пытавшимся сказать свое слово носителям альтернативных ценностей. И этот психотеррор, основным инструментом которого стало публичное глумливое осмеяние (а вспомогательным – замалчивание), продолжился, сделавшись даже еще более разнузданным, в эпоху фальшивого ельцинского плюрализма, когда агрессивно утверждалась одна и только одна *правильная* идеология. Но только теперь совсем уже неприкрыто обозначилась связь пропагандистской пальбы из всех калибров и набирающей бешеные обороты приватизации, или, по выражению Маршала Голдмэна, «пиратизации России». Отмывание последней становилось теперь главной задачей идеологов реформ.

Так, например, Марат Гельман, имя и деятельность которого не нуждаются в комментариях, примерно тогда же, когда Клямкин и Кутковец щебетали о скромных радостях жизни маленького человека, писал: «Да, вокруг сплошное воровство, хотя, по-моему, это иногда (!) даже простительно: все-таки такой-то сделал много хорошего, ну, не удержался»⁵. Ко «многому хорошему», сделанному неведомым *таким-то*, мы еще вернемся, т.к. объемы его сегодня и впрямь поражают воображение. Но сугубо примечательно то, что говорится дальше: «Тем более же, что ясно: и те, кого обвиняют, и те, кто обвиняет, все не ангелы. Но это вызывает желание "навести порядок". То есть движение к реформам альтернативой имеет *не опасность возвращения к коммунистам*, а опасность того, что народ призовет какого-нибудь Куликова, который начнет наводить порядок известными ему методами»⁶.

Сегодня, наверное, мало кто уже и вспомнит, что это был за страшный зверь такой – Куликов⁷, ради недопущения которого к диктаторской власти (к чему он будто бы из всех сил рвался) стоит закрывать глаза на повальное разграбление страны и быстро идущее социальное расслоение. Конечно, сам Гельман прекрасно знал, что, рисуя этот образ Ленина, Сталина, Ежова и Берии в одном лице, он, мягко говоря, сгуща-

пропагандисты «застойной» еще поры. Места для сомнений, стало быть, практически не оставалось: да, конечно, речь идет о новом курсе партии, как, собственно, и говорилось, да, в сущности, и было.

⁵ *иностранец. 1997. 17 декабря.*

⁶ *Там же (Курсив мой. – К.М.).*

⁷ *Речь о тогдашнем министре внутренних дел А.Куликове.*

ет краски. И что с его стороны это был совершенно сознательный, циничный прием, как и ссылка на то, что люди вообще не ангелы.

При этом тюрьмы почему-то полнились одними «не ангелами» (по этому показателю, как и по числу миллиардеров, мы отстаем лишь от США), тогда как на шалости других, подобно бодлеровскому «неправому Богу», смотрели «с улыбкой во взоре». Свое место на нарах занимали едва достигшие совершеннолетия пацаны, которые «не удержались» и, например, угнали чужую машину или мотоцикл. А вот другие «неудержавшиеся» в это же время сколачивали состояния, позволяющие им теперь по баснословным ценам скупать лондонскую недвижимость.

Но особого внимания заслуживает то, что Гельман, и сам, как видим, не верящий в мифическую угрозу «возвращения к коммунистам», которая совсем незадолго до его откровений была так мастерски обыграна на президентских выборах 1996 года⁸, теперь по имени назвал то, что овладевавший властью и собственностью класс нуворишей считает действительной и главной опасностью для себя. А именно: приход к власти тех сил, которые – будь они коммунисты или не коммунисты – вознамерятся хоть в какой-то степени обуздать произвол номенклатурно-криминального «первоначального накопления» и попытаются сделать первые, пусть совсем робкие, шаги к выстраиванию нормальной правовой инфраструктуры. Что является необходимым условием построения любого жизнеспособного государства, в том числе и буржуазно-демократического, коль скоро речь и впрямь бы шла о таковом, как говорилось в начале пути.

* * *

Речь, однако, шла совсем о другом: о стремительном утверждении в России не демократии (из-под которой, напротив, целенаправленно выбивались все социальные и ценностные обоснования), а олигархии. Притом в не столь уж часто встречающемся, а во второй половине XX века и вовсе ставшем одиозным исключением грубом и социально-жестоким виде. Притом же в обществе, за десяти-

⁸ *Закулисные тайны такого обыгрывания явлены на всеобщее обозрение в ярком американском фильме «Проект "Ельцин"», один раз каким-то чудом прорвавшимся на наше телевидение и по понятным причинам встреченном в штыки нашей либеральной критикой.*

летия привыкшем жить в условиях безусловного приоритета ценностей равенства и справедливости. Приверженность к ним следовало, стало быть, сломать, вырвать с корнем, и в этом свете цели насаждения, всей мощью монополизированных СМИ, идеологии потребительства и «норы» уже не выглядят столь малозначительными, как то может показаться на первый взгляд. Ведь утверждались они в контексте поношения ценностей предыдущей эпохи как якобы глубоко бесчеловечных, не дающих «маленькому человеку» перевести дух и просто порадоваться жизни; но диктовались отнюдь не состраданием к этим самым «маленьким», подобно толпе из ибсеновского «Бранда», уставшим скитаться по скалистым тропам истории – то за православными святыми, то за корчагинными-большевиками. Нет, не состраданием, конечно, но необходимостью купировать еще на дальних подступах возможное и даже неизбежное нарастание социального недовольства, дискредитировать его. И более того: сделать возможно большее число «маленьких людей» вообще неспособными к масштабному и внятному осмыслению происходящего.

Осуществить же это, разумеется, было невозможно средствами одного лишь психотеррора и никогда, в конечном счете, не было возможно средствами террора только полицейского. Требовалось иное: *соблазн*. Соблазн соучастия в приватизации, или, говоря резче, но и ближе к сути дела, в гигантской «расхватухе», в чем и заключался истинный смысл операции *ваучеры*. Которая, как того и следовало ожидать по классическим канонам сделок с чертом, подавляющей части российского населения подарила лишь пыль и прах. Но особенно большие дивиденды принесла гениальная затея с приватизацией квартир, ибо здесь было не просто гомерических масштабов шулерство, как с ваучерами, но жестокая и циничная игра на наболевшем.

Менее всего я склонна бросать камни в «малых сих», поддавшихся *этому* соблазну. Тем же, кто охоч до подобного занятия, стоит напомнить или, может быть, поведать, коль скоро удачные обстоятельства бытия избавили их от такого знания, «умножающего печали», **что** значила, как и продолжает значить, проблема жилья в нашей стране. И как велик был соблазн получить возможность по своему усмотрению распоряжаться этим жалким подобием собственности – ну хотя бы, например, завещать квартиру живущим отдельно детям. Так стоит ли удивляться, что успех затеи превзошел все ожидания и на какое-то время обезоружил противников приватизации, в ответ на все свои аргументы

получавших сакраментальное: «А квартиры? А садово-огородные участки? Вот вернутся коммунисты и опять все отберут...»

Это сегодня, когда вплотную надвинулась мрачная тень свежеепеченного Жилищного кодекса, мысль об иллюзорности такой дорогой ценой оплаченных и, в сущности, для большинства населения нищенских благ становится все труднее гнать от себя, а за пределами крайне узкого круга, именуемого у нас «элитой», начинает формироваться новая структура социальных страхов, совершенно несходная с той, которую все еще рисуют идеологи и политтехнологи в Кремле. Так, по данным Фонда ИНДЕМ, «в сегодняшней России на первые места выходят такие тревоги: "А будет ли у моей семьи и у моих детей крыша над головой?", "Смогу ли я расплатиться за жилищно-коммунальные услуги?", "Вынесет ли семейный бюджет рост цен?"»⁹ Напротив, угроза терроризма, о которой так много говорят в Кремле и апелляция к которой образует фон его весьма двусмысленного внешнеполитического курса, занимает в сознании граждан место очень далекое от названных угроз, ибо каждая из них нависает над повседневной жизнью.

А это значит, что земля начинает у огромной части граждан России почти в буквальном смысле слова уходить из-под ног. Притом не только в глубинке, где описанные страхи выражены особенно заметно: ведь и в Москве с ее вышедшей из-под всякого контроля дикой застройкой, которая к тому же каким-то хитроумным образом не только не решает жилищную проблему, но даже усугубляет ее, мало кто за пределами упомянутого узкого круга может быть уверен в надежном обладании своим жилищем. И в том, что завтра вся с таким трудом мало-мальски налаженная жизнь не обрушится до основания.

Растет и страх перед мелкой уличной преступностью и хулиганством, особенно в провинции, где именно они, а не громкие политические убийства, время от времени будоражащие столицу, воспринимаются как главная угроза безопасности своей и своей семьи. Особенно в сочетании со страхом перед распространяющейся, как лесной пожар, наркоманией¹⁰.

⁹ *Аргументы и факты*. 2006. №46.

¹⁰ «В прошлом году, по официальной статистике, в России от употребления наркотиков умерли 70 тысяч человек. Однако, как считают в ФСКН, эта цифра занижена, поскольку не включает умерших от сопутствующих наркомании заболеваний» (*Независимая газета*. 2006. 20 ноября). А в некоторых регионах ситуация еще более острая: так, в Свердлов-

Словом, и в России конец эпохи социальной уверенности все громче заявляет о себе, а для ее граждан наступает время понять, что история – это не счет в надежном банке, где можно беззаботно получать ренту с когда-то вложенного в него капитала. Причем исчерпанность социальных гарантий здесь уже сейчас обнаруживает себя в формах столь беспощадных, что толчки, ощущаемые Францией, о которой речь шла в первой части статьи, по шкале Рихтера составили бы едва ли несколько десятых, если не сотых балла. И тем не менее во Франции, как мы видели весной, на улицы выходят многомиллионные демонстрации протеста, а «Русь не шелохнется». Молчит и – казалось бы, по определению, самая активная, взрывная часть общества – молодежь, которую, видимо, поторопились назвать «первым непоротым поколением». Нет, порют, да еще как (одна реформа образования чего стоит!), но в ответ – тишина. Конечно, есть отважные первые ласточки, иные из которых уже в тюрьме, но они, как известно, весны не делают. И если старики, чье достоинство и права вышли защищать эти молодые люди, предстают именно как не только возрастная, но и социальная группа, притом все еще остающаяся самым крупным носителем протестной энергии в нашей стране, то говорить о молодежи как о подобной группе покуда не приходится.

В целом же уровень пассивности российского общества, в сочетании с глубиной социального расслоения и все более грубым социальным давлением, с которым сталкивается большинство населения¹¹, не имеет аналогов в мире и производит, особенно на стороннего наблюдателя, впечатление не поддающегося объяснению абсурда. Тем не менее перед нами все-таки не явление из параллельного мира, а пусть и сложная,

ловской области количество отравившихся наркотиками на 100 тысяч населения выросло в прошлом году в 4,5 раза. Заметим к тому же, что 60% наркоманов в нашей стране – это люди активного трудоспособного возраста: от 16 до 30 лет (Там же). Стоит добавить, что в Европе, по численности населения намного превосходящей нынешнюю Россию, ежегодно от наркотиков погибает 8 тысяч человек (Euro News. 2006. 25 ноября). Как говорится, почувствуйте разницу.

¹¹ По данным Госкомстата коэффициент разрыва между самыми богатыми и самыми бедными в нашей стране равен 26 (Постскриптум. ТВЦ. 28.10.2006). Реально же он по многим данным гораздо выше, в Москве достигая почти 40. Так, по данным Института социологии РАН лишь 9% населения РФ не испытывают чувства, что с ними поступают несправедливо. Задумываются об этом 44%, а 45% задумываются очень часто (Там же).

предстающая запутанным клубком парадоксов, но все-таки реальность. А коль скоро это так, то и кажущийся абсурд стал, в конечном счете, результатом целой системы (именно системы, а не линейной цепочки) причинно-следственных связей. Линейность вообще практически неприменима к социально-психологическим процессам; в случае же России, с учетом особенностей русского душевно-ментального склада, искать линейность значит и вообще с самого начала зайти в тупик. Но отсутствие линейности и запутанность, а нередко и превращенность связей – вовсе не повод к отказу искать объяснение происходящему.

* * *

Разумеется, объяснение это не свести к описанному мной алгоритму инерционности, уже не раз и столь масштабно проявившемуся в русской истории, когда большая масса медленно приходит в движение, но и остановить ее бывает очень нелегко. Наверное, иным в связи с этим может вспомниться «медленно запрягают, быстро ездят», но мне более близким представляется образ моря или даже океана. Конечно, современная Россия на океан никак «не тянет», и не столько по причине сокращения ее исторической территории (Московское Царство на пороге Смутного времени было много меньше, но вот сила движения, и по размаху его, и по последствиям, оказалась океанской), сколько ее духовного оскудения, уплощения ее национальной жизни. О море же, думается мне, все еще можно говорить, хотя, опять-таки, без установления линейных связей между территорией и размахом возможных волнений. Все это, однако, вопросы не самой близкой перспективы, ибо сегодня мы даже не можем сказать, взволнуется ли все-таки море или окончательно обмелеет.

К сожалению, много признаков покуда говорит в пользу второго исхода, т.е. необратимого истощения энергии не только протеста и вообще сильного исторического действия, но даже – и вот это, пожалуй, самое тревожное – связанного осмысления того, что совершилось и совершается в России. Именно такое безволие мысли, на мой взгляд, лежит в основе удивительного парадокса, зафиксированного рядом опросов, когда большинство респондентов очень низко оценивает экономическое положение своей семьи и России в целом¹², не верит в улучшение жизни в

¹² При этом опрос, проведенный Левада-центром с 1 по 17 сентября 2006 г., зафиксиро-

ближайшей перспективе¹³ и тем не менее полагает, что реформы следует продолжать.

Это выглядит тем более поразительным, если учесть, что, например, по данным опроса, проведенного Левада-центром в начале 2005 г., больше половины его участников (56%) отрицательно оценили роль перестройки в жизни страны¹⁴.

Косвенным образом эти результаты подтверждаются сетованиями одного из самых ярких идеологов реформ Эмиля Паина: «В первые годы жизни постсоветской России... почти две трети населения поддерживали представления о том, что "социализм завел нас в тупик" и "так жить нельзя", но мало-помалу подобные настроения стали скисать...»¹⁵

В таком контексте желание продолжать реформы, совсем уж безнадежно удаляющие страну от покинутого берега, выглядит просто бредовым. Но такова реальность нашей жизни.

Чем же объяснить такое, непостижимо противоречивое на первый взгляд, поведение? Конечно, менее всего приверженностью к демократии. Ее лозунги, столь популярные в эпоху перестройки и первые годы ельцинского президентства (переломным стал октябрь 1993 г.), сегодня совершенно поблекли, и не будет преувеличением сказать, что они стали объектом массового отторжения. Язык улицы зафиксировал это, и всем хорошо известно, как именно сегодня произносится в России само слово «демократия». Известен также и полный провал политических сил, все еще пытающихся апеллировать к теням перестроечной весны и «великой преображенской революции», как поспешил высказаться Солженицын в августе 1991 года¹⁶.

Между тем спустя 15 лет лишь очень малая часть опрошенных (около 13%) все еще полагает, что речь в те дни шла о демократической революции; почти втрое большее число (около 39%) считает, что тогда

вал точное совпадение того и другого показателей: лишь 9% оценивают положение своей семьи в целом как хорошее, и такой же процент считает хорошим положение России.

¹³ Опрос, проведенный службой Гэллапа накануне 2006 г., зафиксировал самый низкий уровень социального оптимизма в России в ряду стран – участниц опроса.

¹⁴ *Московская правда*. 2005. 19 марта.

¹⁵ *Независимая газета*. 2006. 18 марта.

¹⁶ *Недавний успех СПС на выборах в Пермском крае не только не опровергает этого вывода, но скорее подтверждает его, т.к. здесь либералы пошли на перехват социальных лозунгов традиционно левого типа.*

произошли «трагические, имевшие гибельные последствия для страны события»¹⁷. По сравнению с 1994 годом количество думающих так даже увеличилось почти на 10%, а ведь за это время ушло из жизни немало тех, кого, не стесняясь, именовали «совками» и на чью кончину уповал Струоб Тэлботт¹⁸, связывая с ней радикальную перемену социально-психологического ландшафта в России. Он и впрямь изменился, но в иную сторону, хотя достигли совершеннолетия те, кто вообще слабо помнит страну, для которой события августа – 91 возымели «гибельные последствия».

Стало быть, произошел реальный сдвиг в общественном мнении, а демократия, по сути, утратила значение идеальной ценности¹⁹, во имя которой можно было бы и дальше терпеть лишения. Кроме того, как мы уже видели, лишь очень небольшой процент населения склонен думать, что, по крайней мере, улучшается экономическое положение России как таковой. А потому идеальные, надматериальные цели как обоснование иррациональной безропотности общества приходится заведомо исключить и искать для нее иные причины.

(Окончание следует)

¹⁷ *Московская правда*. 2006. 18 августа.

¹⁸ Его вполне откровенные пожелания этого рода подробно приведены мной в статье «Россия перед вызовом глобализма» (*Наш современник*. 2006. №1).

¹⁹ В чем нетрудно убедиться, наблюдая хиреющие год от года августовские акции «защитников Белого Дома». По числу участников они неизмеримо уступают (и это при государственной поддержке!) акциям в память октября – 93.

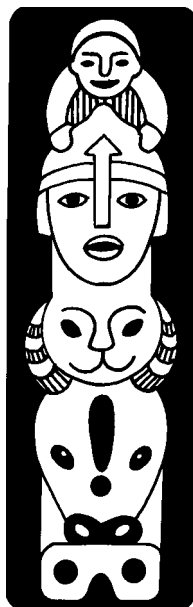
Всякое историческое понимание пропитано подлинными элементами мифологии и необходимо связано с ними.

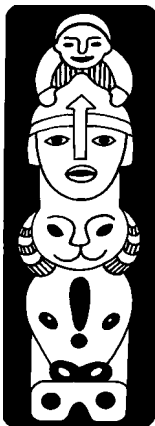
Эрнст Кассирер

Миф является незаменимой составной частью всякой культуры. Он постоянно регенерируется; каждое историческое изменение создает свою мифологию... Миф – это постоянный побочный продукт живой веры, которая нуждается в чудесах, социального статуса, который требует прецедента, и морального правила, которому нужна санкция. <...> Глубокий философский вопрос о том, что первично – слово или дело, – поставленный Фаустом, нам представляется ошибочным. Появление человека – это появление и артикулированной мысли, и мысли, воплощенной в действие. Без

слов, произносятся ли они в строго рациональном разговоре, магическом заклинании или мольбах, обращенных к высшим божествам, человек так никогда и не оказался способным отправиться в свою великую одиссею культурных приключений и достижений.

Бронислав Малиновский

Вячеслав Найдыш

**ПРЕДМЕТ
ФИЛОСОФИИ
МИФОЛОГИИ
И ЕЕ СТАНОВЛЕНИЕ
В РОССИИ¹**

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

The philosophy of mythology subject encompasses the foundations of myth-making and regularities of myths' historical evolution. Designing of the non-construed specific sensual imagery by the conscience constitutes the basis of myth-making. This ability of the conscience does not disappear with the decay of the primordial society. Rather, it tends to be transferred from lower, earlier types of spirituality to higher, more culturally sophisticated ones. The historical fates of the philosophy of mythology are saturated with high-stakes drama and characterized by alternation of the heady blossom periods with periods of decline and oblivion. The Russian philosophy of mythology took its shape at the turn of the 18th and 19th centuries and was aimed at development of general philosophical understanding and methodological prerequisites of the peculiar scientific understanding of the Slavic mythology. The period of accumulation of empirical and theoretical prerequisites for the philosophy of mythology in Russia evolved into the process of the discipline's immediate making which started with «The brief review of the Russian Slavs' mythology» work written by P.M.Stroev in 1815 and went on up to the emergence of the «mythological school» in the Russian folklore studies in 1840s and 1850s.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 06-03-00260а).

*Предрассудок! Он обломок
Давней правды. Храм упал;
А руин его потомок
Языка не разгадал.*

А.Баратынский

*Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам?
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.*

А.С.Пушкин

Познание не властно над мифом.

Э.Кассирер

*Всякая живая личность есть
так или иначе миф.*

А.Ф.Лосев

Неомифология в духовной культуре России начала XXI века

Среди новых тенденций, которые проявили себя на рубеже тысячелетий в духовной культуре нашего общества, одна из наиболее интересных и загадочных – значительная активность глубинных мифологических пластов сознания. По существу за два десятилетия, со второй половины 80-х годов, в нашу повседневную жизнь вошли и прочно утвердились в ней казавшиеся давно исчезнувшими языческие суеверия, оккультизм, магия, спиритизм, колдовство и пр. Эти явления успели стать чуть ли не будничными, к ним уже привыкли, для многих они превратились в обязательный момент повседневности. Резко возросло число людей, которые пытаются решать встающие перед ними жизненные проблемы, вызывая духов на спиритических сеансах; модой стало обращение к гадалкам, предсказателям судеб и астрологам. Астрологические календари регулярно публикуются во многих, в том числе и весьма солидных, газетах и журналах. Астролог, колдун и предсказатель на телеэкране – неотъемлемый атрибут популярной программы. В массовом сознании мир вновь (как и сотни, тысячи лет тому назад) оказался наполненным духами и сверхъестественными материальными существами, проявлениями «нечистой силы», домовыми («в поисках Барабашки») и т.п. Все это происходит на фоне нарастания апокалиптических настроений.

Более того. В системе духовной культуры возникла и постоянно усиливается своеобразная тенденция к образованию синкретических ментальных структур, в которых причудливо сочетаются элементы, принадлежащие к, казалось бы, совершенно различным, разделенным громадной исторической дистанцией и потому в принципе несовместимым, даже чуждым друг другу формам сознания – науке и мифологии. В пластах обыденного, массового и околонаучного сознания все большее место занимают паракультурные образования, некие духовные кентавры, в которых соседствуют и, более того, в чем-то дополняют друг друга научное и мифопоэтическое, логико-доказательное и мифологическое, рационально-теоретическое и иррационально-мистическое. Такая тенденция приобретает черты масштабного культурного феномена, и есть все основания для утверждения, что в системе духовной культуры рельефно очерчиваются границы целостного корпуса квазинаучной мифологии как особого способа духовного освоения мира. В квазинаучной мифологии мирно уживаются друг с другом представления и понятия, которыми оперирует современная научная картина мира, и мифопоэтические образы, заимствованные из арсенала древних народных верований, пластов языческого мироощущения, сохранившихся в недрах массового сознания до наших дней. «Классическая» квазинаучная мифологическая триада² многократно расширилась и впитала в себя новые мифологемы – НЛЮ, полтергейст, левитация, идеи реинкарнации, «жизни после жизни», точнее говоря, после смерти и др. Особенно сильна тенденция порождения мифологем относительно истоков и судеб человеческой цивилизации, организации и населенности Вселенной, взаимодействий человеческой цивилизации с «над- (вне-) человеческими разумами» во Вселенной и др. Стало повальным увлечение поисками НЛЮ и страстное ожидание пришельцев извнеземных цивилизаций, из иных миров. Это увлечение приобретает подчас черты массового психоза. Чуть ли не ежемесячно в средствах массовой информации появляются сообщения о проявивших себя инопланетянах и умыкании ими земель прямо в центрах многомиллионных городов. Ширятся слухи о начатой операторами НЛЮ эвакуации земель в просторы Вселенной...

Масштабы оккультизма, современной магии и неомифологии возросли настолько, что появилась потребность в их институционализации: создаются ассоциации астрологов, колдунов, уфологов; издается специализированная периодика, формируются «независимые трансцен-

² Например, невероятные появления лохнесского чудовища, поиски «снежного человека» и таинственные происшествия в Бермудском треугольнике.

дентные издательства». Корпус неомифотворчества обретает весомый духовно-идеологический потенциал, становится влиятельной общественной силой, преуспевает в лоббировании своих интересов, в том числе в средствах массовой информации, в органах законодательной власти. Дело доходит до того, что в Государственную Думу поступают проекты законов, призванных обеспечить «юридические нормы» взаимоотношений людей с «носителями сверхъестественных сил» – колдунами, гуманоидами, «барабашками» и т.д.

Особо следует отметить, что всплеск интереса к мистицизму, расцвет квазинаучного мифотворчества, паракультурных форм сознания не исключительно отечественное явление³. Нынешний накат волн мистицизма – это явление мирового, общецивилизационного уровня; оно характерно и для культурной жизни развитых стран Запада, где научная общественность уже неоднократно высказывала свою крайнюю озабоченность интенсивной пролиферацией паракультурных форм сознания. Широкий общественный резонанс получило так называемое «Заявление 186-ти» – выступление большой группы известных западных ученых против мистифицирования и мифологизации современной науки и культуры, против попыток подмены науки паракультурными, квазинаучными формами сознания⁴. Бегство от материализма к мистике, от Логоса к Мифу стало модой и для отечественного, и для зарубежного безбрежного скептицизма.

Новые формообразования человеческого духа, демонстрирующие его неисчерпаемые творческие возможности в любом их содержании, можно было бы только приветствовать, если бы не одно обстоятельство. Для погруженного в мифопоэтическую образность обыденного сознания ремифологизация культуры – это признак возрастания его собственной значимости в системе культуры, символ его «исторического реванша». Все чаще звучат голоса о том, что пора отказываться от идеалов рационализма, от установки на познание объективных законов мира, достижение объективной истины, признавать в обыденном мифологизированном сознании, по крайней мере, равноправного с наукой партнера. Кое-кто идет еще дальше. «Первопроходцы» неомифотворче-

³ Хотя, как и многое другое, у нас оно подчас приобретает особо неприглядные либо вовсе уродливые формы.

⁴ Humanist. L., 1975. Vol.90. P.7–9. См. также: Science and Paranormal. Probing the existence of the supernatural. N.Y., 1981; Die neomythische Kehre. Aktuelle Zugänge zum Mythischen in Wissenschaft und Kunst. Würzburg, 1991.

ства⁵ пытаются выдать свою деятельность за особую, высшую форму познания и духовного освоения мира, которая будто бы в самое ближайшее время должна заменить собой рациональные формы культуры, прежде всего науку и философию. Они все чаще подчеркивают, что рациональные формы культуры «отжили свой век». Тем самым неомифология как бы заявляет об открытом противостоянии научно-рациональному типу познания и духовного освоения мира. Собственно говоря, речь идет о *вызове* науке и философии со стороны самоуверенного «конкурента», который претендует на то, чтобы оттеснить рациональную деятельность в девиантные линии развития культуры. И все такие претензии замешиваются на шумной саморекламе, на навязчивой антуражности, на явных симпатиях бульварных средств массовой информации, сочетаются подчас с заявлениями, призванными «перевернуть мир», а нередко и с откровенными мистификациями.

Современные подходы к анализу природы неомифологии

Как же принимают наука, рациональное философское сознание этот вызов со стороны неомифотворчества? Единой позиции здесь пока нет. К настоящему времени сложились три основных подхода к интерпретации смысла такого вызова и выработке стратегий ответов на него. Их различие определяется выбором разных философско-методологических и мировоззренческих позиций, установок, способов видения мира и понимания процессов его духовного освоения.

Первый подход, по сути, заключается в полном игнорировании неомифологии как абсолютно несовместимой с научно-рациональным сознанием; она объявляется некой коллективной иллюзией, заблуждением, флуктуацией в динамике сознания. Подчеркивается, что научно-рациональное знание обладает особым эпистемологическим статусом, т.к. его результаты (научная истина) не зависят от субъективных условий, факторов процесса познания; ведь они отрываются от субъективных, оценочных сторон процесса познания и переходят в иное «измерение» – в логическое пространство всеобщего и необходимого. Между тем для любых форм мифотворчества неразрывность, прямая, взаимная обусловленность содержания, целей деятельности и ее конечных результатов как раз весьма характерна.

⁵ А среди них немало людей, прошедших определенный тренинг в системе научно-исследовательской деятельности, имеющих ученые степени и звания.

Мировоззренческие и методологические истоки такого подхода уходят своими корнями в естественнонаучный материализм. Его представители, начиная с XVII–XVIII вв., не уставали подчеркивать объективный и закономерный характер явлений природы; объявляли, что предметом научного познания могут быть лишь необходимые, закономерные, устойчивые и повторяющиеся связи и отношения объективного мира. Паранормальные явления не подпадают под признаки закономерности и повторяемости. Поэтому с точки зрения такого подхода эти явления выглядят либо иллюзиями, флуктуациями восприятия, либо отъявленным (плохо или хорошо скрываемым) мошенничеством, обманом опытными «фокусниками» наивных и доверчивых людей. Лейтмотив данной позиции: то, что не может быть в любом месте и в любое время воспроизведено в эксперименте, недостойно быть предметом научно-рационального познания. Странники указанного подхода считают, что рано или поздно все проблемы, вызванные паранормальными явлениями, попросту отомрут, как это было уже не раз в истории науки и культуры.

Приверженцы столь радикальной позиции неприятия всего того, что не укладывается в концептуальные рамки научно-рационалистического видения мира, попросту «выталкивают» неомифотворчество из сферы культуры. Они рассматривают неомифотворчество как тип покультуры, как суеверие («вера все»), как продукт обмана и самообмана изуверившихся в рациональных установках мировосприятия индивидов, коллективов и целых социальных групп. Весьма характерно то, что на этой позиции смыкаются воззрения как ортодоксальных атеистов, так и ревностных хранителей религиозной веры, всегда с подозрением относившихся к любым суевериям, язычеству и всему тому, что их напоминает.

Странники *второго подхода*, диаметрально противоположного первому, критически настроены к любым попыткам умалить, принизить значение неомифотворчества в системе духовной культуры. Всех, кто так или иначе пытается это сделать, они обвиняют в «научном шовинизме» и отстаивают идеалы культурного релятивизма, в соответствии с которыми различные формы духовного освоения мира, рациональные и нерациональные формы знания принципиально несовместимы, несоизмеримы и несопоставимы. Указывая на наличие противоречий и трудностей в поисках социокультурных критериев демаркации разных типов знания и форм культуры, на глубинные основы их единства, отмечая теснейшее взаимодействие всех (в том числе и самых различных) культурных формообразований, странники культурного релятивизма не только подчеркивают необходимость уважительного отношения науки к

неомифотворчеству, их взаимного диалога, но и призывают проводить этот диалог на равных⁶. Их девиз: свободное развитие культуры в целом является условием свободного развития каждой ее формы. Такая позиция, соответствуя утверждающейся в нашем обществе идеологии плюрализма, доминирует сейчас в общественном сознании, в средствах массовой информации, в сфере управления культурой и т.д.

Для сторонников *третьего подхода* связь науки и неомифотворчества представляется как отношение магистральной и девиантной линий культурно-исторического развития. При этом предполагается, что девиантные (или паракультурные) линии развития не являются случайными продуктами сознания, а воплощают, проясняют некоторые глубинные и не во всем пока понятные смыслы в общем токе культурно-исторических форм сознания. С данной точки зрения паранормальные явления, о которых не устают напоминать нам неомифотворчество, – это, по сути, некие коды, за которыми скрываются пока совершенно непонятные нам, окутанные ореолом тайны стороны бытия. Расшифровать такие коды, раскодировать скрывающиеся за ними смыслы – это одна из задач научно-рационального познания. Поэтому не только творцы неомифологием, но и сами ученые несут свою долю ответственности за существование паранормальных явлений. Наука и философия обязаны сделать все, что в их силах, для проверки и рациональной интерпретации паранормальных явлений и таким образом внести свой вклад в образованность и информированность широких кругов общественности, в «окультуривание» (а не оккультизацию) массового сознания.

Такой подход опирается на совершенно справедливое представление: нельзя «выдворять» из сферы научно-рационального познания такие объекты, которые трудно поддаются познавательному освоению (так называемые аномальные объекты). История полна примеров радикальных революционных качественных сдвигов в способах познания при попытках выработать доказательные объяснения именно аномальных явлений. Ученый должен быть всегда и во всем открыт новым нетрадиционным, нестандартным поворотам мысли, идеям, образам и, тем более, новым объектам, новым сферам познания. Существует только одно ограничение: он обязан оставаться при этом на платформе рационально-доказательного, обоснованного и преемственного по отношению к предыдущему знанию исследования. Научный конструктивный скептицизм не должен перерастать в свою противоположность – в мифотворчество, облаченное в одежды науки.

⁶ См.: *Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. М., 1990. С.333, 379 и др.*

Паракультурные явления могут выступать шифрами каких-либо неясных объективных связей в системах «человек – природа», «человек – общество» и «человек – человек». А также качественных сдвигов как в системной организации современного общества, индустриальной и постиндустриальной цивилизаций, так и в характере, типах, способах межличностной коммуникации, в сфере общения людей и др. В частности, в современной мировой философской литературе широко распространена символика нового Апокалипсиса – Апокалипсиса Неразумия. Эта символика выражает идею завершения того культурно-исторического периода господства Разума и преклонения перед ним, в основе которого лежали ориентации на рациональное отношение к миру, на мировоззренческие и методологические установки научного познания, как они были сформулированы в эпохи Нового времени и Просвещения.

Но на рубеже XX–XXI вв. с наукой уже не модно связывать перспективы будущего, в ней часто видят бесполезную, а то и вовсе преимущественно деструктивную силу. Кроме того, дополнительные симптомы «кризиса Разума» легко могут быть усмотрены в тенденциях интенсивного рождения множества религиозных сект, культивирующих полную свободу иррационального (нередко вакханального) переживания; в создании синкретических религий; в попытках синтезировать западные и восточные культы и религии и др. Не вдаваясь здесь в детальный анализ таких интерпретаций, отметим лишь, что кризис отдельных исторических форм рационализма не следует толковать как кризис рационализма⁷ вообще. Ведь только рационализм позволяет «видеть» мир таким, каким он является сам по себе, познавать мир в его внутренних существенных связях и отношениях, а не судить о нем по той поверхностной картине, которая дается нам непосредственно в чувствах. Мир в его объективных, сущностных характеристиках воспроизводится лишь рациональными структурами мышления, опосредующими субъект и объект познания. Никаких универсальных непосредственных способов постижения сущности нет⁸.

⁷ То есть способности человеческого сознания с помощью логических форм и операциональных процедур мышления осваивать внутренние закономерные, структурные связи и отношения бытия.

⁸ Обычные в таких случаях ссылки на интуицию здесь ничего не объясняют, поскольку интуиция является некоторым (обычно заключительным) моментом, звеном сложной системы функционирования рациональных процедур мышления, причем моментом скорее психологическим, чем гносеологическим.

Наряду с научно-философскими подходами к интерпретации значения, роли и места квазинаучного мифотворчества в обществе широкий фронт оценок и отношений к такого рода творчеству складывается и в сфере массового, обыденного сознания, на страницах массовых изданий, где внеисторически и нерелективно сталкиваются различные мировоззренческие позиции по поводу очередных квазинаучных сенсаций. Это и понятно. Ведь неомифотворчество порождает вокруг себя токи высокой духовной напряженности, особую эмоциональную атмосферу, сочетающую одновременно и страх перед будущим, и надежды на то, что мир более благосклонен к человеку, чем это следует из его современной научной картины; а также постоянное ожидание чего-то необычного и внешне вторгающегося в судьбу человека... Вместе с тем за подобными мировоззренческими «баталиями» на страницах массовых изданий при всем их конкретно жанровом разнообразии стоит по сути один (из разряда «вечных») вопрос. Является ли неомифотворчество величайшим познавательным изобретением человеческого (или «надчеловеческого») духа, позволившим открыть, наконец, человеку самые сокровенные тайны бытия⁹ или же все-таки мы имеем здесь дело с вечно живущей в человеке, неистребимой потребностью в чуде, в тайне? В самом этом вопросе уже заложены возможные варианты ответов. Их конкретное содержание лишь субъективно окрашивается в зависимости от свойственных их авторам ценностных ориентаций, убеждений, личного опыта, усвоенных культурных традиций, публицистического задора и т.д.

Столь широкая гамма подходов в оценках неомифотворчества говорит о том, что эти явления современной духовной жизни познавательно освоены лишь в самых абстрактных отношениях. Платформа для более глубокого, теоретически обоснованного и концептуально развернутого освоения природы неомифотворчества в чем-то остается достоянием узкого круга специалистов-профессионалов, далеким от обыденного, массового, повседневного сознания, а в чем-то пока еще не подготовлена вовсе. Так, в частности, не получили в литературе достаточного освещения следующие ключевые в русле интересующей нас проблематики вопросы. В чем следует усматривать признаки неомифотворчества и каковы критерии демаркации его от других форм культуры? Каковы культуротворческие основания неомифологии? Каковы те социокультурные и духовные предпосылки, которые порождают и воспроизводят неомифологические структуры? Как вообще соотносятся между собой

⁹ Причем «повезло» с этим «открытием» именно нашему поколению.

магистральные и девиантные линии развития культуры? Каковы закономерности исторической трансляции древнейших мифологических структур сознания и их подключения к «телу» современной культуры, ее образно-понятийным пластам?

В нашем, полном противоречий, кризисном и потому особенно ранимом и стремящемся к устойчивости, равновесию и трезвости обществе остро ощущаются несомненный дефицит спокойного, взвешенного рационального анализа неомифотворчества и мистицизма вообще, потребность в выработке соответствующего результатам такого анализа мировоззренческого отношения к неомифотворчеству и мистицизму. Итак, «долги» у науки и философии перед новейшими тенденциями ремифологизации сознания действительно существуют. Но состоят они вовсе не в том, что декларируется пионерами неомифотворчества, а в необходимости более обстоятельного изучения самого феномена неомифотворчества.

Феномен неомифотворчества многопланов, интересен и мало изучен. Он интересен и сам по себе, и в контексте тех философских и историко-культурных проблем, которые возникают в связи с его существованием, ролью и значением в жизни общества и человека. Как предмет научно-рационального познания неомифотворчество имеет комплексный, междисциплинарный характер. Оно осваивается совместными усилиями историков культуры, культурологов, искусствоведов, социологов, психологов, философов, логиков и др. А в той своей части, которая связана с определением всеобщих условий существования и воспроизведения мифотворчества (во всех его исторических модификациях), его оснований, эта проблематика принадлежит «проблемному полю» философии мифологии. Именно философия мифологии является той формой рациональной познавательной деятельности, которая содержит в себе ключи к разгадке тайны как современных, так и давно исчезнувших «мифологических кентавров».

На вызов со стороны современного иррационализма, мифологизма и мистицизма отечественная научно-философская общественность должна реагировать спокойно и достойно. Вызов должен быть принят без крайностей, которых, к сожалению, в нашей новейшей истории немало. Иначе говоря, без бахвальства, бездумного «шапкозакидательства», с должной долей самокритичности и в то же время без настроений упадничества, разочарованности, «посыпания головы пеплом», послешных самооправданий и покаяний в бывшей «приверженности идеалам рационализма» и т.п. Недостойны и всякого рода попытки уйти от обсуждения этой ситуации, «спрятаться» от нее или подменить философский

анализ ее какими-либо поверхностными и банальными рассуждениями. На неомифотворчество и современный мистицизм надо спокойно, взвешенно и пристально посмотреть сквозь призму научной рациональности, глазами философско-теоретического знания, в системе принципов и концептуального аппарата философии мифологии. Только так можно вернуть неомифотворчество на ту почву, из которой оно произошло, эксплицировать его действительные и развеять мнимые основания, выделить те промежуточные формы, которые связывают его с первобытной мифологией, разного рода нерациональными и девиантными формами культуры. Философия мифологии вновь становится, как и в эпоху романтизма, одним из актуальных, важных и перспективных направлений развития философского сознания.

Вместе с тем, по известным причинам, в XX столетии отечественная послеоктябрьская догматизированная философская традиция уделяла крайне недостаточное внимание проблематике философии мифологии. К философии мифологии относились с опаской, подозрительностью, без должного уважения и адекватной историко-теоретической оценки¹⁰. Недостаточно усвоенными оказались блестящие достижения западноевропейских и отечественных исследований по философии мифологии XIX и XX вв., многие из которых попросту замалчивались. Не сложилась традиция разработки концептуального аппарата философии мифологии. Все это делает задачу воссоздания философии мифологии – как в ее классическом содержании, так и в новых, качественно обогащенных формах – одной из важнейших в русле творческого обновления отечественной философской мысли.

Мифотворчество как предмет философии мифологии

Как объект познания мифотворчество¹¹ имеет комплексный и междисциплинарный характер. Различные аспекты мифотворчества попали в поле зрения самых разнообразных отраслей научного познания. На эмпирическом уровне накоплен грандиозный массив данных о мифологиях разных времен и народов. Теоретический уровень представлен большим количеством концепций и теорий

¹⁰ Примеров здесь можно привести множество. Один из наиболее ярких – драматическая история выхода в свет глубокой философской работы А.Ф.Лосева «Диалектика мифа» и полуманная судьба ее автора.

¹¹ А также его продукты во всех их исторических модификациях. Т.е. целый корпус определенного типа результатов духовного производства.

мифотворчества, которые были сформулированы в основном в XIX–XX вв. и сложились в русле развития гносеологии, психологии, этнологии, эстетики, теории и истории культуры и др. Однако пока все это многообразие концепций, теорий мифа, их понятий, смыслообразов – мозаичный конгломерат знаний. Многие логические связи здесь либо неопределенны, либо не просматриваются вовсе; стержневые теоретические принципы часто взаимно исключают друг друга; выводы и утверждения нередко имеют декларативный характер и т.д. Эта область знаний пока еще во многом гетерогенна, в ней мало внутренней целостности и единства. Важнейшим условием достижения здесь целостности, единства, внутренней организованности, систематичности и, в конце концов, высокой теоретичности является более детальная разработка комплекса философско-методологических предпосылок и установок исследования мифотворчества как культурной универсалии.

Общий, стержневой ориентир в этом поле философских исследований – глубинная проработка проблематики оснований мифотворчества. *Основания мифотворчества и закономерности их исторического развития составляют предмет философии мифологии.* На базе полученных представлений о содержании, структуре и функциях таких оснований философия мифологии вырабатывает мировоззренческие и методологические установки понимания и исследования мифотворчества во всех его конкретно-исторических формах. Попробуем очертить поле оснований мифотворчества, т.е. всеобщих условий воспроизводства мифотворчества, охарактеризовать мифотворчество как универсальную форму, как момент способа бытия человека в мире. На наш взгляд, всеобщие условия мифотворчества могут быть определены следующими позициями.

Во-первых, за многообразием значений термина «миф» и существованием взаимоисключающих трактовок места мифотворчества в историко-культурном процессе, на наш взгляд, кроется не непроясненность сущности мифа, а наличие многообразных форм проявления одной, особой, исторически развивающейся функции, способности, формы деятельности сознания – *продуцирования различных форм конкретно-чувственной образности.*

Историческим пьедесталом такой формы конкретно-чувственной образности выступает первобытная мифология – «наиболее ранняя, соответствующая древнему и особенно первобытному обществу форма

мировосприятия, понимания мира и самого себя... первобытным человеком... как первоначальная форма духовной культуры человечества»¹².

Такому пониманию мифологии вовсе не противоречит (а скорее его дополняет) следующее представление. В каждом историческом типе сознания, культуры присутствует в качестве подсистемы некоторая модификация той формы конкретно-чувственной образности, нашедшая свое первичное, непосредственное (может быть, наиболее полное) воплощение в первобытной мифологии. Миф, оставаясь неотъемлемым элементом способа бытия человека в культуре, по мере цивилизационного продвижения человечества периодически изменяет свои формы. Лики мифотворчества многообразны. Каждый исторический тип сознания характеризуется определенным своеобразием некоторой конкретно-чувственной мифологической образности.

Таким образом, мифотворчество присуще не только первобытному доцивилизovanному обществу. Миф является также неотъемлемой частью цивилизации. Мифотворчество и цивилизация столь же неразрывны, как неразрывны миф и первобытность. Мифотворчество – это особая специфическая деятельность духа, способная к историческому развертыванию, к многообразным инкарнациям в культуре, имеющая множество ипостасей. Мифотворчество постоянно воспроизводится в некоторых фундаментальных отношениях способа человеческой жизнедеятельности и является культурной универсалией.

Во-вторых, *конкретно-чувственные образы, порождаемые мифотворческой деятельностью сознания, являются некоторым обобщением действительности*. Мифотворчество – это всегда до- и внетеоретическое обобщение мира. Доказательством того, что мифология прежде всего есть способ обобщения, могут служить этнографические данные. Так, в первобытных коллективах папуасов Новой Гвинеи у детей¹³ зафиксировано более реалистическое восприятие мира, чем у взрослых¹⁴. Это значит, что взрослый уже живет в такой системе отношений, в ко-

¹² Токарев С.А., Мелетинский Е.М. *Мифология // Мифы народов мира. Т.1. М., 1991. С.12.* – *Обстоятельное представление о ярком, многообразном, чудесном мире первобытной мифологии дает содержательная, глубокая и блестяще иллюстрированная энциклопедия «Мифы народов мира». К этому, несомненно, выдающемуся явлению в отечественной литературе мы и отсылаем читателя, заинтересовавшегося древнейшими пластами культуры.*

¹³ *Которые еще не умеют обобщать и в опыте обобщения мало нуждаются.*

¹⁴ Mead M. *An Investigation of the Thought of Primitive Children with Special Reference to Animism // Journal of Royal Anthropological Institute. 1932. Vol.62. P.173–190.*

торой невозможно без обобщений, и он осуществляет их лишь одним известным ему и возможным для него способом – мифологическим.

В-третьих, порождаемый мифотворческой деятельностью сознания образ как форма обобщения имеет свои особенности. В таком образе две важнейших функции сознания – знание и переживание – не дифференцировались, они сплавлены между собой. А из этого следует *принципиальная неинтерпретируемость* продуктов мифотворчества. В мифосознании нет однозначных, устойчивых и воспроизводимых логических путей от конкретного к абстрактному, как, впрочем, и от абстрактного к конкретному. Здесь мышление оперирует со свойствами вещей, которые от самих вещей уже абстрагированы и выражены совокупностью представлений, среди которых мышление еще не умеет выделить существенные и несущественные, закономерные и второстепенные, случайные и необходимые, а затем связать их друг с другом так, как связаны в объекте свойства, абстракциями которых данные представления являются.

Все исторические формы мифотворчества сходны в том, что движение от конкретной чувственности к обобщающей структурированности у них не совпадает с обратным движением. Иначе говоря, отношение результатов мифотворчества (конкретно-чувственных образов) к основаниям и условиям (объективным или субъективным) их генезиса и функционирования субъектом не проявляется, не охватывается самосознанием, не рефлексивируется. И вследствие этого основания и условия мифотворчества оказываются непроясненными, когнитивно отчужденными для субъекта, внелогичными, внемысленными. Они *переживаются* сознанием, но не *объясняются* и не *интерпретируются* им.

И потому, в отличие от поэтического образа¹⁵, мифы, некоторые фольклорные жанры, мифоподобные структуры, утопии, продукты фантазии, воображения, различные синтезы форм сознания и т.п. вещают с уверенностью о «действительно существующем» как желанном. Вследствие этого продукты мифотворчества исключительно изобразительны, но вместе с тем и иллюзорны. Конкретно-чувственные мифологические образы воссоздаются иллюзорно, что придает мифологии «виртуальные» характеристики, делает мифотворчество виртуальным способом духовного самоотчуждения человека.

¹⁵ С которым продукты такого типа конкретно-чувственной образности имеют много общего и условность которого очевидна и его творцу, и зрителю, слушателю, читателю, т.е. любому воспринимающему поэтический, художественный образ.

В-четвертых, продукты мифотворчества несут в себе определенную явно выраженную заинтересованность в них субъекта; *на них направлены его волевые интенции, они являются объектом волевого самоопределения субъекта.* Поэтому мифотворчество должно быть осознано и как форма властно-волевого культурно-исторического самоопределения человека.

Такое широкое понимание мифотворчества, когда оно предстает не только и не столько как характеристика первобытной духовности, сколько как универсальный, всеисторический способ жизнедеятельности духа, позволяет внести ясность и в определение предмета и задач философии мифологии. Предмет философии мифологии – основания мифотворчества, понимаемого как универсальная способность сознания конструировать неинтерпретируемые наглядно-чувственные образы. Задачи философии мифологии – выявление закономерностей исторического развития оснований мифотворчества, трансляции мифологических (и мифоподобных) форм от низших и исторически более ранних к высшим, более поздним и более продвинутым, более сложно организованным культурно-историческим типам духовности.

Философия мифологии находится в одном ряду с такими отраслями философского познания, как философия религии, философия права, философия искусства, философия морали, философия политики, философия истории и другими, которые возникают в «пограничье» между философией и нефилософскими формами духовного освоения мира. Существование подобных «пограничных» отраслей духовной культуры служит закономерным проявлением важнейшей функции философии в системе духовной культуры. Мы говорим о функции рационально-теоретической интеграции и структурирования духовной культуры, придания ей органичной целостности, внутреннего единства, организованности, тотальности. Рационально-теоретическая интеграция духовной культуры есть, собственно говоря, способ жизнедеятельности философии.

Философия мифологии если и моложе самой философии, то не намного. По крайней мере, первые значимые попытки осмыслить своеобразие и природу мифопоэтической образности, разработать концепции мифа мы находим еще в древнегреческой культуре, в эпоху ее ранней классики. Более того, есть серьезные основания считать, что возникновение философии мифологии даже предваряет генезис философского сознания в целом и является его определяющим импульсом. В течение многих столетий развития философии мифологии было теснейшим образом связано с философией искусства и философией религии. На этом

тысячелетнем пути не раз изменялись не только философские концепции мифа, но и цели и задачи философии мифологии.

Исторические судьбы философии мифологии на протяжении ее двух с половиной тысячелетнего развития полны драматизма, идейных борений, насыщены чередованием периодов бурного расцвета с периодами упадка и забвения. Периоды упадка совпадают, как правило, с историческими эпохами демифологизации общественного сознания, укрепления идеалов рационализма в духовной культуре. В таких условиях общественная потребность в рефлексивной деятельности над основаниями мифотворчества ослабевает. А периоды расцвета совпадают с эпохами ремифологизации сознания, размывания идеалов и критериев рациональности, ростом критических настроений по отношению к достижениям науки и ее роли в обществе. Именно в такие периоды возрастает потребность в усиленной теоретической деятельности по осмыслению природы, роли и места мифотворчества в духовной культуре.

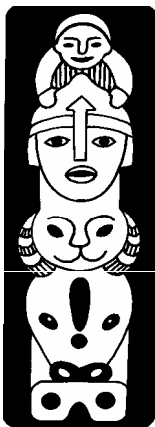
Отдельная, яркая, насыщенная драматизмом страница философии мифологии – это отечественная, российская философия мифологии. Сложившаяся на рубеже XVIII–XIX вв. как периферийный вариант западноевропейской романтической традиции, отечественная философия мифологии в лице «мифологической школы»¹⁶ уже во второй половине XIX столетия получила мировое признание¹⁷. А в конце XIX – начале XX в.¹⁸ вышла на передний фронт мировых теоретических исследований в области природы мифотворчества. Вместе с тем историческое развитие отечественной философии мифологии исследовано пока весьма поверхностно и недостаточно. В особенной мере это касается периода ее становления, зарождения на почве отечественной культуры традиции научно-философских исследований природы мифотворчества.

(Окончание следует)

¹⁶ Ф.И.Буслаев, А.Н.Афанасьев, О.Ф.Миллер, А.А.Котляревский и др.

¹⁷ Например, в Западной Европе знали, ценили и переводили работы А.Н.Афанасьева и называли его «русским Гриммом».

¹⁸ Трудами А.А.Потебни и А.Н.Веселовского, многие идеи которых не потеряли своего значения даже и на сегодняшний день.

Ольга Белова, Владимир Петрухин

«ИСТОРИЧЕСКИЙ» ПОРТРЕТ НА ФОНЕ «ФОЛЬКЛОРНОГО» ПЕЙЗАЖА¹

МИФОЛОГИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ
ПЕРСОНАЖЕЙ В НАРОДНЫХ ЛЕГЕНДАХ
И ПРЕДАНИЯХ

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

The authors deal with one of the «folklore and history» problem's aspects, specifically with reflection of knowledge about historical figures in the popular stories and legends. There is no doubt that popular legendary stories do not contain a «biographical» portrait of any historical personality. Moreover, due to the impact of the folklore narrative laws historical figures acquire fantastic qualities and by virtues of these fit the whole folklore mythological image of the world quite smoothly. How historical images are transformed in popular texts, what are the laws that govern incorporation of historical facts into the folklore imaginative system, to what archetype images historical characters are related — these are just a few issues the authors of the article address to. Some folklore «portraits» of historical personalities that placed themselves in the memory of the people and in the «oral history» (princes of the Ancient Rus, Peter I, Katherine the Great and Napoleon) are presented in the article. The article is based on the materials derived, first and foremost, from archive and field sources.

¹ Работа выполнена в рамках исследовательского проекта «Славянская мифология: итоги и перспективы междисциплинарных исследований», поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований (проект 06-06-80095).

Изучая тему «фольклор и история», нельзя не остановиться на механизме фольклоризации образов исторических персонажей, по отношению к которым фольклор проявляет удивительную избирательность, делая одних героями утопических легенд, других – героями топонимических преданий, третьих – действующими лицами исторических песен, а некоторых вообще не удостоивает вниманием.

Безусловно, народные легенды вовсе не рисуют «биографический» портрет той или иной исторической личности; более того, под воздействием законов фольклорного повествования исторические персонажи приобретают фантастические качества, органично вписываясь в общую фольклорно-мифологическую картину мира. Б.Н.Путилов справедливо отмечал, что там, «где фольклор как будто непосредственно обращается к реальности, к лицам и событиям политической жизни, к обыденности, там происходит обязательная их трансформация, "выворачивание", включение в "свой" фольклорный мир, где они обретают новую судьбу. И происходит это не от незнания реальности, не от капризов устной молвы и даже не от преднамеренных идеологических заданий, не от сознательных устремлений отдельных лиц или коллективов, а в силу природы фольклора, его сущности, коренных законов его жизни»².

«Исторические» жанры фольклора, таким образом, отражают не историческую конкретику, а традиционное ее восприятие³.

В фольклорных нарративах одни герои «узнаваемы» с первого взгляда, ибо носят имена своих «исторических двойников», другие уже утратили связь со своими прототипами, и тем более интересным делается наше фольклорное расследование в области фольклорной истории.

В этом очерке представлены несколько фольклорных «портретов» исторических деятелей, оставивших след в народной памяти и «устной истории»; публикация основана на материале, почерпнутом в первую очередь из архивных и полевых источников.

Князь Олег, «древние» князья и их могилы

Первый пример являет собой образец типичного топонимического предания, объясняющего с позиций народной этимологии происхождение полесского села Кишин. «Кишин от тишина образовался. Тихое место, кругом Полесье. В Олѣвске був царь Олег.

² Путилов Б.Н. *Фольклор и народная культура*. СПб., 1994. С.52.

³ Подробнее об этом см. фундаментальные работы: Пропп В. *Собрание трудов. Поэтика фольклора*. М., 1998. С.185–208; Путилов Б.Н. *Указ. соч.* С.47–106, 117–144; Чистов К.В. *Народные традиции и фольклор. Очерки теории*. Л., 1986. С.178–246.

Рядом хутор, где тихо-тихо всегда было, назвали Тишин, потом Кишинóm стал»⁴. Согласно этому свидетельству, село обязано своим названием князю Олегу (явно как и ближайший город Олевск), только не по созвучию с именем правителя, а благодаря его способности поддерживать в округе порядок и тишину.

Проблематика топонимических легенд позволяет нам обратиться к летописным мотивам начальной русской истории, которые, в силу своей противоречивости, порождали и порождают не менее противоречивые и необоснованные реконструкции исторических событий. Согласно Повести временных лет⁵, смерть настигла Олега в 912 г. в окрестностях Киева, и его могила (курган) у киевской горы Щекавица была известна во времена составления Начальной киевской летописи (начало XII в.) и позднее. Новгородский летописный свод XIII в. утверждал, что Олег после похода на греков отправился в Новгород, а оттуда в Ладогу. «Друзии же скажутъ, яко идущую ему за море, и уклону змиа в ногу, и с того умре; естъ могла его в Ладозе»⁶. Новгородская летопись сокращала текст предшествующей ей Начальной, в том числе и эпизод о Вещем Олеге⁷.

Но переиначивать историю безосновательно древнерусский летописец или редактор текста летописи не мог: основанием для такого «редактирования», очевидно, был мотив, весьма существенный для летописания и ранней исторической традиции вообще – мотив расположения могилы героя. Новгородскому летописцу известно было предание о могиле Олега под Ладогой; романтическая традиция связывала эту могилу с одной из волховских сопок и в XIX в.⁸; заметим, что волховская сопка едва ли могла принадлежать князю скандинавского происхождения, обряд княжеских курганов Руси был иным⁹. Впрочем, известия о двух могилах Олега не были столь уж противоречивы с точки зрения

⁴ *Кишин Олевского р-на Житомирской обл., Полесский архив Института славяноведения РАН (далее – ПА) 1984, зап. В.С.Карапаева.*

⁵ *Повесть временных лет. Изд. 2-е. СПб., 1996 (далее – ПВЛ). С.20.*

⁶ *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (далее – НПЛ). С.109.*

⁷ *В частности, в ее изложении неясно, почему он был прозван Вещим, и неясно, зачем поминается роковая змея (Ср.: Петрухин В.Я. Древняя Русь. Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. Т.1. Древняя Русь. М., 2000. С.150–151).*

⁸ *Ср. продолжение этой традиции в ученой конструкции о «сакральной топографии» Ладоги (Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С.206–208).*

⁹ *Петрухин В.Я. Древняя Русь. С.245 и след.*

архаической традиции; в описании истории норвежских конунгов известен мотив об одном из них – Хальвдане, не менее удачливом, чем Олег: после смерти его тело (подобно телу христианского святого) расчленили и захоронили в четырех областях его страны, где насыпали четыре кургана, известные как курганы Хальвдана¹⁰. Олег, объединивший север и юг, Новгород и Киев, имел не меньше прав на две могилы. Но новгородский летописец, которому известно было предание о могиле князя в Ладоге, имел возможность переиначить киевскую летописную историю: Олег был изображен им не князем-кормильцем, а новгородским воеводой при князе Игоре и возвращен в Новгород по завершении военного предприятия – похода на греков (поскольку могила была в Ладоге, открывающей для Новгорода путь за море, то Олег и был отправлен за море).

Впрочем, в русской фольклорной традиции присутствует общая тенденция именовать могилы именами «исторических» деятелей и народов (о чем ниже): на Русском Севере, помимо рассказов о княгине Ольге (начиная с летописного сюжета о санях, оставленных ею во Пскове), известно и позднее предание о могиле Игоря, приуроченное к новгородским сопкам возле озера, которое носит имя *Игорь*, принадлежавшее второму новгородскому князю, сыну Рюрика. На этом озере, по записанному преданию¹¹, Игорь воевал и погиб, сопки – братские могилы (его дружины?). Здесь же следует заметить, что имена первых русских князей – Рюрика, Синеуса и Трувора, призванных в Новгород согласно летописной варяжской легенде, – не отразились в фольклоре. Вопреки мнению А.А.Шахматова, опиравшегося на позднейшие книжные легенды и приписывавшего навеянные романтической традицией топонимы вроде Рюрикова городища в Новгороде и Труворова городища в Изборске древнему народному преданию, Городище в Новгороде, известное в летописи с XII в., никогда не называлось Рюриковым – оно именовалось просто «Городищем» и оставалось княжеской резиденцией (т.е. было древнейшим ядром самого Новгорода). Что касается Игорева могилы, то, как и в случае с могилами Олега, известно предание о могиле Игоря и там, где он принял смерть согласно летописи – под Искоростенем в Правобережье Среднего Днепра. Там действительно был раскопан (при грабительских раскопках) большой курган, из инвентаря сохранился

¹⁰ *Сага о Хальвдане Черном. IX // Снорри Стурлусон. Круг земной / Издание подготовили: А.Я.Гуревич, Ю.К.Кузьменко, О.А.Смирницкая, М.И.Стеблин-Каменский. М., 1980.*

¹¹ *Черепанова О.А. Культурная память в древнем и новом слове. СПб., 2005. С.64–67.*

скандинавский наконечник ножен, – курган таких размеров действительно можно считать княжеским¹².

Как уже говорилось, собственно в фольклоре практически не сохранились мотивы летописной варяжской легенды; они в большей мере характерны для германских «переселенческих сказаний» о трех правителях, прибывающих в новую землю¹³. В середине XIX в. Е.В.Барсовым было записано олонечское предание о Рюрике, который прибыл «из дальней северной украины» в Ладогу, затем в Новгород, – предание передает вариант варяжской легенды, известный по Ипатьевской летописи, и не содержит оригинальных «известий» (уже отмечалось, что записи Барсова, относящиеся к ранней русской истории, нуждаются в дополнительной проверке)¹⁴. Подобного рода «фольклорные свидетельства» вызывают, однако, энтузиазм адептов т.н. исторической школы, напрямую проецирующих эти тексты на свою конструкцию «исторических фактов» древней эпохи.

Так, С.Н.Азбелев, трактующий текст татищевской «Иоакимовской летописи» чуть ли не как запись фольклорного текста и игнорирующий данные собственно древних письменных памятников, усматривает в этой летописи данные о «славянском князе» Гостомысле, который называется предком Рюрика¹⁵. Автор почему-то не обращает внимания на тот факт, что приводимая им конструкция восходит к расхожему книжному «Сказанию о князьях Владимирских», сформировавшемуся в первой трети XVI в. и заменившему варяжскую легенду начальной летописи в официозной традиции московской Руси¹⁶.

Метод «исторической школы» иной. Достаточно совпадений и созвучий в именах, чтобы производить варягов от ободритов-вагров, русь – с Рюгена, наконец, отождествлять Рюрика Новгородского с Рориком Фрисландским (Вещего Олега с Хельгу Кембриджского

¹² Ср.: Петрухин В.Я. *Древняя Русь. С.252–253.*

¹³ Ср.: Тиандер К. *Датско-русские исследования. Пг., 1915. Вып. III; Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. IX–XIV вв. М., 1978. С.164 и след.*

¹⁴ Барсов Е.В. *Северные народные сказания о древнерусских князьях и царях // Древняя и новая Россия. СПб., 1879. С.174.*

¹⁵ Азбелев С.Н. *Исторические связи новгородских и балтийских славян в фольклоре // XIII Международный съезд славистов: литература, культура и фольклор славянских народов. М., 2002. С.385–396.*

¹⁶ Ср.: Петрухин В.Я. *Гостомысл: к истории книжного персонажа // Славяноведение. 1999. №2. С.20–23. Об «Иоакимовской летописи» см.: Толочко А.П. «История Российской» Василия Татищева: источники и известия. М., 2005. С.202–203.*

документа, Кия со схожими по звучанию имен персонажами и т.п.). Летописная текстология и исторический контекст не интересуют создателей этих исторических конструкций. С.Н.Азбелев обнаруживает (вслед за романтическими любителями русской истории первой половины XIX в., вроде Геденова) среди полабских славян-«вендов» имя одного из предводителей *Гостимусла*, погибшего в 844 г.¹⁷ Сходство имен позволяет отождествить новгородского старейшину позднейших русских источников и полабского вождя. Расстояние и время не принимаются во внимание: ведь одним из стереотипов современной новгородской историографии стало утверждение о связи словен новгородских и их диалекта с балтийскими славянами. Азбелев производит Рюрика / Рорика от дочери полабского Гостомысла, при том, что «Сказание о князьях Владимирских» помещает Рюрика в Пруссию, как потомка Пруса и Августа (это в свою очередь вдохновляет иных любителей произвольно переименовывать русскую историю на рассуждения о первенстве новгородской Руси уже во всей Прибалтике). Множащиеся с XIX в. конструкции подобного рода не имеют отношения ни к истории, ни к фольклору.

Мотивы «Сказания о князьях Владимирских» тиражировались не только в официозной книжности, но и в многочисленных «начальных историях Русской земли», повестях о «Словене и Русе», «городе Славенске» и тому подобных сочинениях конца XVII в. К фольклорным мотивам в этих текстах можно отнести, с некоторым основанием, известный нам мотив соотнесения имен древних князей с языческими курганами. С.Н.Азбелев цитирует новгородский хронографический текст конца XVII в., повествующий о погребении Гостомысла на урочище Волотовом¹⁸. На Волотове действительно известны сопки, не связанные с «княжескими» погребениями, зато *волоты* в русском фольклоре означали первобытных великанов, которым приписывались курганы (*волотки*); сопки на Волотове также именовались богатырскими, а в домыслах книжников ассоциировались с капищами Волоса; ср. замечание В.С.Передольского о том, что эти «домыслы» не имеют «никакой связи с явлениями народной жизни»¹⁹.

¹⁷ Об этом сообщают Ксантенские анналы под 844 годом (См.: *Историки эпохи Каролингов / Составление М.А.Тимофеева. М., 1999. С.146*).

¹⁸ Азбелев С.Н. Указ. соч. С.393–394.

¹⁹ Передольский В.С. *Новгородские древности. Записка для местных изысканий. Новгород, 1898. С.233–234. Ср., впрочем, также результаты глубокой лингвистической реконструкции (Иванов В.В., Топоров В.Н.. Исследования в области славянских древностей. М.,*

К очевидно эпическим сюжетам в летописании традиционно относится рассказ Повести временных лет о расправе княгини Ольги над древлянами²⁰. Тройственная расправа с древлянскими послами, когда первое посольство было погребено в ладье, второе сожжено в бане, а древлянская дружина, приготовившая мед для тризны по Игорю, была перебита отроками Ольги на его похоронах, связана с традиционными погребальными обрядами и способами мести²¹, с более или менее отчетливыми скандинавскими коннотациями²². Четвертая, избыточная по эпическим понятиям месть относится к покорению Ольгой столицы древлян Искоростеня: Ольга осадила град, но не могла его взять и вступила в переговоры с древлянами, обещая им пощадку (ведь она отомстила трижды) за легкую дань – по три голубя и три воробья от двора. Княгиня велела привязать горящую паклю к ногам птиц, и те подожгли все дворы древлян. Этот мотив поджигающих птиц распространен в мировом фольклоре, не только скандинавском²³; обратим внимание на определенную соотношенность птичьего гнезда и огня в славянской традиции (общеизвестно поверье, что разорение гнезда приводит к пожару). Завершается эпизод этикетным мотивом взятия города, заимствованным, как и в случае с низвержением Перуна²⁴, из Хроники Георгия Амартола²⁵.

Если вернуться к фигуре Вещего Олега, то можно отметить второй фольклорный пример, который касается не столько преломления исторических событий сквозь призму фольклорно-мифологического восприятия, сколько рецепции литературных текстов устной традицией. Таков рассказ из гомельского Полесья. Перед нами краткий пересказ сюжета Повести временных лет, и, видимо, не без влияния «Песни о Вещем Олеге» А.С.Пушкина.

«Быў памешчик и быў у яго сын. Хтось сгадаў яму [сыну]: "Ат змея [тебе] смерть буде". А ён гаворить: "Ня верю". А у яго лошадь была,

1974. С.62–62).

²⁰ ПВЛ. С.27–28.

²¹ См. комментарий: ПВЛ. С.435–436.

²² Ср.: Рыдзевская Е.А. Указ. соч. С.195–196.

²³ Ср.: Там же. С.201.

²⁴ См.: Белова О., Петрухин В. История в свете «фольклорной» мифологии: от язычества к христианству // Россия–XXI. 2006. №1. С.110–133, 116–120.

²⁵ Эпизод взятия Иерусалима Навуходоносором (Завадская С.В. Четвертая месть княгини Ольги в Повести временных лет и византийский хронограф // Внешняя политика древней Руси. Тезисы докладов. М., 1988. С.29–31).

така в яго влюблена. Сказано: "Через лошадя тыебе смерть". А лошадя прапала. Атсекли [ей] голаву и ляжала на зямли. Сын гаворить: "Наверно гадали, шо буде мне смерть через лошадя", – да нагою в ету голаву [наступил]. А в етай галаве была гадина. Ета гадина яго за ногу схватила, и на третий день ён памер»²⁶.

Вообще показательно, сколь важную роль в подобных преданиях играет статусность героя. Княжеский (царский) титул – это весомый аргумент для соотнесения персонажа с некими древними временами и для наделения его функциями культурного героя.

Продемонстрируем это положение на нескольких примерах из полесской традиции. В преданиях о происхождении названия села Голубица фигурирует довольно экстравагантный персонаж по имени Голубь.

«Жил здесь атаман Голубь, тыщу лет назад. В честь него назвали село»²⁷; «Проходил с войскам чирис село царь Голубь, в честь него и назвали»²⁸; «[В давние времена прошел через село ночью отряд обнаженных воинов. Впереди шел обнаженный человек в золотой короне. А впереди всех шел глашатай и кричал: "Принимайте царя Голубя!" С тех пор село называется Голубица]»²⁹.

А вот что рассказывали на Брестщине о происхождении названия села Целеханы: «Буў хан тут, и он похоронен в лесе, недалёко от канала, там, где Целеханы зара. Во табе и цёло хана – Целеханы»³⁰. Сравним аналогичное предание, записанное непосредственно в Целеханах (Пинский р-н Брестской обл.). В давние времена в окрестностях села была найдена могила хана: «Быў вялікі курган <...> А ў магіле было цела хана»³¹. Итак, *Целеханы* – это не что иное, как «тело хана». Сходным образом в народных преданиях объясняется и происхождение названия *Могилев*: город основан на месте, где была «могила льва» – разбойника Машеки, державшего в страхе всю округу³².

²⁶ Т.В.Байкова, 1910 г.р., Комаровичи Петриковского р-на Гомельской обл., ПА 1983, зап. О.В.Белова.

²⁷ Голубица Петриковского р-на Гомельской обл., ПА 1983.
²⁸ ПА 1983.

²⁹ ПА 1983, зап. И.Б.Успенский.

³⁰ Гортоль Ивацевичского р-на Брестской обл., ПА 1987, зап. Т.В.Скакун.

³¹ *Легенды і паданні / Склад. М.Я.Грынблат, А.І.Гурскі. Мінск, 1983. С.320. №504.*

³² Там же. С.274–277. №370; 371; Шейн П.В. *Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1893. Т.2. С.451–453.*

Петр I

Личность царя Петра, реформатора и преобразователя, оказалась наиболее востребованной фольклорной традицией³³. При этом мифологизация исторического персонажа шла по двум направлениям. С одной стороны, Петр выступал в роли культурного героя и даже демиурга, с другой стороны (что особенно характерно для старообрядческой традиции), воспринимался как воплощение Антихриста.

Мы рассмотрим фольклорные сюжеты, в которых отразилась преобразовательская деятельность монарха и которые относятся к обширному пласту «петербургского» фольклора³⁴.

В народных легендах Русского Севера Петербург возникает чаще всего в связи с фигурой царя Петра I и оказывается местом, где собраны свидетельства его профессиональной деятельности.

Таковы рассказы о работе Петра I молотобойцем на Петровском заводе в Карелии³⁵: «Приде, скажут, в завод и своима царскима руками крицы дует, а бояра уголья носят; в молотобойню завернет и молот в руки и железо кует, и это железо в Питере, скажут, у какого-то барина до теперь хранится»³⁶; или о том, как царь Петр плел лапти, так и не сумев постичь этого хитрого искусства: «заплести-то заплел, а свершить-то и не мог. Носка не сумел заворотить. И топерь еще лапоть-от этот где-то там в Питере во дворце али в музее висится»³⁷.

В традиционных этиологических легендах следы деятельности демиурга (или культурного героя) остаются запечатленными в природе или становятся всеобщим достоянием (сюжеты о появлении земного рельефа, дома, воза, мельницы, музыкальных инструментов и т.п.). В рассмотренных же преданиях, спроецированных на «историческую конкретику», результаты творческих усилий царя Петра оказываются помещенными, видимо, в собрание «раритетов и куриозитетов», в Кун-

³³ *Петр Великий в преданиях, легендах, анекдотах, сказках, песнях. СПб., 2000.*

³⁴ *Об образе Петербурга в крестьянской культуре см., в частности: Белова О.В. Петербург в крестьянской культуре (город в народных легендах) // Образ Петербурга в мировой культуре. Материалы Международной конференции (30 июня – 3 июля 2003 г.). СПб., 2003. С.425–435.*

³⁵ *В основе – исторические факты неоднократного посещения царем Петровского завода, в частности, 3 марта 1720 г. Петр собственноручно ковал там железо (Северные предания. Беломоро-Обонежский регион / Изд. подгот. Н.А.Криничная. Л., 1978. С.190).*

³⁶ *Северные предания. С.131. №182.*

³⁷ *Криничная Н.А. Предания Русского Севера. СПб., 1991. С.192. №356, зап. в Тотемском у. Вологодской губ., первая публикация – 1908 г.*

сткамеру, в Петербург, который и сам представлялся носителям традиционной культуры неким курьезным и отчасти пугающим артефактом.

Символом Петербурга в народном сознании (скорее всего, не без влияния райка и лубочных картинок) стал памятник Петру I – «Медный всадник» работы скульптора Фальконе. Это, безусловно, один из самых «мифологизированных» объектов «петербургского фольклора»³⁸. Мы же хотим рассмотреть легенды о Медном всаднике в фольклорно-мифологическом контексте, проследив связи этого «петербургского» сюжета с традиционными сюжетами и мотивами фольклорной несклочной прозы.

Легенда «Конь Петра Великого»³⁹ объединяет в себе и реальность, и сказочные мотивы (хитрый мужик и царь), и мотивы мифологических рассказов (конь, схваченный и ужаленный змеей). «Петр Великий и весом был великий, нас троих бы он на весах перетянул. Кони его возить не могли, проедет верхом версты две, три на коне – и хоть пешком иди, лошадь устанет, спотыкается, а бежать совсем не может»⁴⁰. Посланцы царя похищают у несговорчивого мужика огромного коня⁴¹; через два года мужик узнает, что в Питере царь ездит на чудесном коне, и отправляется в столицу, чтобы «не то чтобы отобрать коня, а хоть посмотреть на него»⁴². Крестьянин видит, как царь разъезжает на его коне, осмеливается подать прошение о возвращении коня, доказывает Петру право собственности⁴³. Удостоверившись, что мужик сказал правду, Петр I «отпустил мужика домой, дал ему за коня восемьдесят золотых и еще подарил немецкое платье»⁴⁴. «Так вот, – говорит далее легенда, – что в Питере памятник-то есть, где Петр Великий на коне сидит, а конь на дыбах, так такой точно конь и у мужика был»⁴⁵.

И далее эта полусказка-полубыличка представляет собственно трактовку определенного архитектурного объекта – монумента Фальконе.

³⁸ Многочисленные варианты текстов о нем опубликованы Н.А.Синдаловским (См.: Синдаловский Н.А. История Санкт-Петербурга в преданиях и легендах. СПб., 1997; Он же. Петербург в фольклоре. СПб., 1999.

³⁹ Северные предания. С.145–147. №209, зап. на р. Свири, первая публикация – 1899 г.

⁴⁰ Северные предания. С.145.

⁴¹ «...красивый, рослый, копыта с тарелку были» (Там же).

⁴² Северные предания. С.146.

⁴³ «...он у меня двенадцатикрестный, насечки на копытах есть» (Там же. С.147).

⁴⁴ Северные предания. С.147.

⁴⁵ Там же.

«Когда была война со шведами, то Петр ездил на этом коне. Раз шведы поймали нашего генерала и стали с него живого кожу драть. Донесли об этом царю, а он горячий был, сейчас же поскакал на коне, а и забыл, что кожу-то с генерала дерут на другой стороне реки, нужно Неву перескочить. Вот чтобы ловчее было скак сделать, он и направил коня на этот камень, который теперь под конем, и с камня думал махнуть через Неву, и махнул бы, да бог его спас. Как только хотел конь с камня махнуть, вдруг появилась на камне большая змея, как будто ждала, обвилась коню в одну секунду кругом задних ног, сжала ноги, как клещами, коня ужалила – и конь ни с места, так и остался на дыбах. Конь этот от укушения змеи и сдох в тот же день, Петр Великий на память приказал сделать из коня чучело, а после, когда отливали памятник, то весь размер и взяли с чучела»⁴⁶. Архетипический мотив (конь и змея) возвращает нас к легенде о смерти Вещего Олега.

Змей как спаситель Петра фигурирует также в легенде, записанной в Сибири: «Петр заболел, смерть подходит. В горячке встал, Нева шумит, а ему почудилось: шведы и финны идут Питер брать. Из дворца вышел в одной рубахе, часовые не видели. Сел на коня, хотел в воду прыгать. А тут змей коню ноги обмотал, как удавка. Он там в пещере на берегу жил. Не дал прыгнуть, спас <...> Вот памятник и поставлен, как змей Петра спас»⁴⁷.

Именно этот последний мотив получил в фольклорной несказочной прозе дальнейшее мифологизированное развитие. Если в приведенных легендах говорится о Божьем спасении Петра от необдуманного поступка (перескочить Неву на лошади невозможно!), о гибели коня от укуса змеи и далее об одном из экспонатов Кунсткамеры – чучеле царской лошади Лизетты, которая и послужила якобы моделью для памятника, то в других известных нам вариантах смысловые акценты смещаются и на первый план выходят вполне архетипические мотивы.

Так, в карельском предании «Петр Первый и чудесный конь»⁴⁸ говорится о том, как царь узнал, «что в Финляндии имеется чудесный конь и захотел приобрести его себе»⁴⁹, для чего и нанялся к финскому князю конюхом. Конь был столь свиреп, что только конюху (Петру) удалось его оседлать. «И только меднолобого коня освободили от цепей, Петр

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Синдаловский Н.А. *История Санкт-Петербурга...* С.93–94.

⁴⁸ *Северные предания. С.153–154. №219, зап. в 1945 г., первая публикация – 1949 г.*

⁴⁹ *Северные предания. С.153.*

вскочил на вороного, через стены крепости на нем умчался и в Питер прискакал, и еще теперь он там около реки верхом на нем сидит»⁵⁰.

В этом варианте помимо характерной детали (конь – «меднолобый») имплицитно содержится представление о том, что памятник на берегу Невы – это сам царь, сидящий на коне. Как же могло произойти такое превращение?

Об этом – варианты легенды «Каменный всадник», записанные на Русском Севере.

«Петр Первый за Неву ладил перескочить, да змея за хвост коня захватила – не дала перескочить... Так Петр Первый и остался стоять на берегу Невы окаменевши»⁵¹. Этот вариант легенды выводит на передний план мотив наказания за дерзкий поступок: проявление гордыни карается окаменением (один из наиболее архаичных и универсальных фольклорных мотивов). Змея в данном варианте выступает как орудие наказания.

«...Будучи необыкновенно одаренным и сильным, а в то же время и слишком самоуверенным, Петр раз похвалился, что на коне своем перескочит через какую-то широкую реку, но как бы в наказание за похвальбу он тут на коне и окаменел в то самое время, когда конь передними ногами отделился уже для скачка от земли»⁵². Действие разворачивается без участия змеи как орудия высшей кары, что еще более приближает данный вариант к универсальной схеме сюжета⁵³. Согласно фольклорно-мифологическим представлениям, в камень может быть обращен родоначальник этноса или основатель поселения⁵⁴. Характерна в этом контексте деталь, содержащаяся в одной из легенд: Петр Великий «не умер, как умирают все люди: он окаменел на коне»⁵⁵. Подобно мифическому первопредку, сливается с природой и основатель Петербурга.

Следующая легенда еще более погружает нас в мир архетипических образов. «Петр однажды, будучи в веселом расположении духа, решил

⁵⁰ Там же. С.154.

⁵¹ Криничная Н.А. Указ. соч. С.219. №418. См. также: Северные предания. С.218; Каргопольский р-н Архангельской обл., зап в 1970 г.

⁵² Криничная Н.А. Указ. соч. С.219. №417, Тотемский у. Вологодской губ., первая публикация – 1908 г. (См.: Едемский М. Из кокишеньгских преданий // Живая старина. 1908. №2. С.217).

⁵³ Антагонисты, воинственные противники, святотатцы и т.п. превращены в камень (Криничная Н.А. Указ. соч. С.289).

⁵⁴ Криничная Н.А. Указ. соч. С.290–291; Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И.Толстого. М., 1995. Т.1 (А-Г). С.301–302.

⁵⁵ Синдаловский Н.А. История Санкт-Петербурга... С.95.

перескочить Неву на своем любимом арабском скакуне Лизетте. "Все Божье и мое!" – воскликнул царь, пришпорил коня и мигом оказался на другом берегу. Понравилось это больно Петру. Еще раз крикнул: "Все Божье и мое!" – и вновь перескочил Неву. И в третий раз решил царь испытать судьбу: "Все мое и Божье!" – радостно, даже не заметив того, оговорился он. И тут же был наказан Богом за гордыню и высокомерие: окаменел на своем скакуне и превратился в статую»⁵⁶.

Мотивы богатирства Петра, коня которого не держит земля, он опирается на камень, равно как и окаменение царя, указывают на слияние образа Петра с фольклорными исполинами – богатырями-великанами первобытной (дочеловеческой – допотопной) эпохи, в первую очередь – с былинным Святогором, которого не носила мать земля, и он вынужден был обретаться в горах⁵⁷. Первобытные богатыри, как библейские исполины, были «велики телом и горды умом»⁵⁸, и Бог истребил их. В славянских преданиях так же объясняется исчезновение великанов, враждебных людям и Богу⁵⁹. В русской былине сходным образом говорится об исчезновении богатырей на Святой Руси: победив татар, они возгордились, решившись на сражение с «нездешней» («небесной») силой и окаменели⁶⁰. Интересно, что в историзированном книжном варианте богатыри погибли в битве с татарами на Калке, но и в Повести о битве на Калке присутствует мотив греха – гордыни русских князей⁶¹.

Вместе с тем в этом рассказе можно усмотреть связь с восточнославянскими дуалистическими легендами о совместном творении мира Богом и сатаной. Одним из основных мотивов этих легенд является добывание сатаной земли с морского дна; успех предприятия обуслов-

⁵⁶ Синдаловский Н. *Петербург в фольклоре*. С.207. – *Легенда записана В.С.Бахтиным со слов некоего старообрядца (См.: Бахтин В.С. Легенда о Медном всаднике, которую рассказали старообрядцы из ближнего зарубежья // Вечерний Петербург. 1993. 19 февраля. №39; Синдаловский Н.А. История Санкт-Петербурга... С.94).*

⁵⁷ Пропп В.Я. *Русский героический эпос*. М., 1958. С.75 и след.

⁵⁸ Так *Повесть временных лет* характеризует исторических аваров / обров – великанов западнославянского фольклора (См.: ПВЛ: С.10).

⁵⁹ «Народная Библия». *Восточнославянские этимологические легенды / Сост. и коммент. О.В.Беловой. Отв. ред. В.Я.Петрухин*. М., 2004. С.34–35.

⁶⁰ *Песни, собранные П.Н.Рыбниковым*. Т.1. *Былины*. Петрозаводск, 1989. С.403; Толстой Н.И. *Отчего перевелись богатыри на Святой Руси // Толстой Н.И. Очерки славянского язычества* М., 2003. С.463–464.

⁶¹ Ср.: Петрухин В.Я. *Древняя Русь*. С.353–354.

лен произнесением формулы: «Беру во имя Божье», «Не я беру, а Бог берет» и т.п. Когда антагонист пытается набрать земли «во имя мое» (т.е. вместо сакрального имени подставить свое), его ждет неудача и наказание: впоследствии он изгнан, проклят, обездвижен, скован в преисподней⁶².

Ситуация в нашей легенде аналогична традиционному сюжету о соперничестве демиургов. Герою удается все, когда он действует «во имя Божие», но его ждет кара («окаменение»), когда он ставит свое имя превыше сакрального имени. И, видимо, не случайно Петр оказывается здесь своеобразным «двойником» демонологического персонажа (сатаны). Это выводит нас в совершенно иной пласт народных легенд и поверий – о Петре – подмененном царе – и о Петре-Антихристе⁶³.

Существует и более «благополучный» вариант этого сюжета. Действие отнесено к моменту основания Петербурга, когда царь Петр, собрав народ и помолившись, «вскочил на коня и крикнул: "Богово и мое!" и перелетел Неву. Второй раз крикнул: "Богово и мое!" и опять перепрыгнул Неву. В третий раз крикнул царь: "Мое и Богово!"... и не долетел – шлепнулся вместе в конем в воду. Народ же гудел и радовался. Царь вышел из воды, снял свой треух, поклонился на все четыре стороны и объявил: "Люд православный! Прежде Богово, а потом уж наше! Начнем! С Богом!" А через несколько лет царица матушка Екатерина повелела на том месте поставить памятник Петру и его коню. Баят, что он и сейчас стоит, а в известный день в году летает над Невой»⁶⁴.

Фольклорные нарративы о Медном («Каменном») Всаднике вполне органично вписались в поле народной прозы; мы даже можем наблюдать яркий пример вторичной мифологизации данного сюжета в народной среде, поскольку традиционная народно-христианская культура знает своего героя-всадника, которому под силу были чудесные подвиги. Это св. Георгий, Егорий Храбрый, житие и иконографические изображения которого имели чрезвычайно широкое хождение на Русском Севере⁶⁵.

«Была икона это всякой старухи, Ягор Храбрый сидит на лошаде, кодá ему нáдоть перепрыгнуть-то. Ну, лошадь поднялась на дыбáчки, а ён сидит на верховни. И вот в это время, говорят, заветной-то праздник

⁶² «Народная Библия». С.44–49, 112–115.

⁶³ Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967. С.91 и след.

⁶⁴ Синдаловский Н.А. История Санкт-Петербурга... С.21.

⁶⁵ Ср.: Сендерович С. Георгий Победоносец в русской культуре. Верне, 1994.

сделали, што Егор Храброй што уж был храброй, што ладил перескочить Неву, а не удало́си перескочить. Вот не удало́си. Лошадь не пошла, не прыгнула ли чево́ ли, вот рассказывала [тетя информантки]»⁶⁶.

Данный текст из Каргополья интересен тем, что наглядно демонстрирует погружение «петербургской» легенды о памятнике Петру I в глубь традиционных представлений. Всадником, замыслившим перескочить Неву, оказывается Егорий Храбрый, а «репрезентацией мифа» – икона и обетный («заветный») праздник, отмечаемый в этой местности.

Сакрализация образа Петра I проявляется и в следующем народном рассказе из Нижегородской обл., отражающем наивно-христианское мировоззрение. По поводу полустертой медной иконы Николая Можайского состоялся такой диалог: «Соб.: А что это за образ? – Инф.: Петр Первый. – Соб.: ? – Инф.: Он у Христа Первый был апостол»⁶⁷. Можно предположить, что в этом свидетельстве переплетены сразу несколько мотивов: представление о царе Петре как основателе города (ср. традиционное изображение Николая Можайского с моделью города-храма в руках), представление об апостоле Петре как о святом, в честь которого был назван город на Неве, и отождествление исторического персонажа с его сакральным тезкой.

Царица Екатерина Народные представления о тех или иных исторических личностях могут включаться в «фольклорную хронологию» для обозначения неких поворотных точек в течении «фольклорного времени». Царствование Екатерины⁶⁸ может выступать в народных рассказах как некая граница времен и причина изменений в природе, вплоть до того, что именно эпоха Екатерины есть переход от мифологического времени к историческому, от мира, в котором жили великаны, к миру современных людей. Так, в Полесье рассказывали, что люди до «Катерины Первой» были гораздо крупнее нынешних⁶⁹. В белорусских

⁶⁶ Е.Г.Антошина, 1917 г.р., образование 3 кл., Евсино Каргопольского р-на Архангельской обл., 1996, зап. Д.Е.Афиногенов, А.Смирнов.

⁶⁷ «Взойду ли я на гору высокую, увижу ли я бездну глубокую...» Старобрядческий фольклор Нижегородской области / Сост. и коммент. О.А.Савельевой и Л.Н.Новиковой. Новосибирск, 2001. С.46.

⁶⁸ Часто смешиваются Екатерина I, о которой практически ничего неизвестно, и Екатерина II, она же Великая, и потому она же Первая, видимо, по аналогии с Петром I Великим.

⁶⁹ Ковнятин Пинского р-на Брестской обл., ПА 1981, зап. Г.И.Кабакова.

легендах Екатерина II именуется «асілак Кацярына» (богатырша Катерина), проявляет недюжинную силу и побивает во главе русского войска польскую рать «Батурь» (Стефана Батория)⁷⁰.

В Ошмянском уезде Виленской губернии было записано поверье о том, что «покуда Кацеринушка забрала край – зимы были короче, а як забрала – лето стало короче»⁷¹. Сравним украинскую легенду, содержащую сходный мотив изменения установленного миропорядка: когда Христос родился, сильно светило солнце и стояли такие длинные дни, что теперешних дней нужно сложить семь, чтобы получился один тогдашний. Тогда было так: взойдет солнце утром в воскресенье, а зайдет только в субботу вечером. А когда евреи распяли Христа, дни уменьшились. Теперь только царские врата в церкви стоят открытыми семь дней. Вот почему Пасха (*Великдень*) и называется великим днем⁷².

С именем царицы Екатерины связаны также легенды об одном загадочном документе времен гайдаматчины – о так называемой Золотой грамоте. Дискуссионным остается вопрос, существовал ли на самом деле этот документ и каково было его содержание? Согласно легенде, опубликованной в середине XIX в., автором «Золотой грамоты», написанной якобы самой Екатериной II и разрешавшей «ризать жыда й ляха до ноги, щоб и не смердили на Украине», был игумен одного из монастырей, возмущенный тем, что на Украине «лыхо Ляхы роблят, полуплят головы благочестивым [православным]»⁷³. Так в фольклоре отразился один из наиболее конфликтных эпизодов украинской истории XVII в.

Согласно народным легендам, царица Екатерина – странствующий персонаж (как, кстати, и ее предшественник Петр Великий). Она ездит по просторам страны, оставляя по себе память в местных названиях. Жители полесского села Выступовичи так объясняли происхождение этого названия:

«Екатерина Вторая *выступала* здесь. Остановились её кони на поле. И копитами выбили озеро»⁷⁴;

«Катэрина Пэрша тут *выступала*. На коне. И наше село называецца Выступовичи»⁷⁵.

⁷⁰ *Легенды і паданні. С.234–235. №292.*

⁷¹ *Берман И. Календарь по народным преданиям в Воложинском приходе Виленской губернии, Ошмянского уезда // Записки Имп. Русского географического общества по отд. этнографии. СПб., 1873. Т.5. С.41.*

⁷² *Харьковщина (Воропай О. Звичаї нашого народу. Київ, 1993. С.264).*

⁷³ *Украинские народные предания / Собрал П.Кулиш. М., 1847. С.34.*

⁷⁴ *Овручский р-н Житомирской обл., ПА 1981, зап. Ф.Бадаланова.*

Иногда царица «выступает» не одна, а с царственным партнером, каковым, безусловно, является Петр I: «[Раньше село называли Выступ, "-овичи" прибавили потом. Название произошло от того, что Петр I и Екатерина II (sic!) шли войной (на кого – не знает) и выступили (пошли в наступление) из этого места]»⁷⁶.

Во время путешествия «царица» и сама наделяет именами местные объекты. Такова легенда о происхождении названия села Замороченье (совр. Лесовое) и окрестных населенных пунктов.

«Пани (царица ци шчо...) йихала куньми в карэти. [Она остановилась в Золотом.] В Золотом ей так было добрэ, шо сказали: то будэ Золотэ. [Приехала сюда, тут у нее] заморочылася голова – и назвалося Заморочэinne. Ё Сварицэвичи пудьехала, с ким йихала, с тым йиздовым, стала сварыцца – стали Сварицэвичи. Дальше Брoница: [там] ее кони бродили по води, ё бруд ишли по самэ чэрэво»⁷⁷.

Известны многочисленные подобные сюжеты и о Петре I, отразившиеся в различных фольклорных жанрах – от топонимических преданий до обценных анекдотов.

Отметим, что, даже когда «царица» остается безымянной, можно с уверенностью «узнать» в этом образе Екатерину, ибо для местной повествовательной традиции только она наделяется царским статусом. В фольклоре западного Полесья и восточной Польши фигурирует еще один царственный женский персонаж – королева Бона, но она никогда не именуется «царицей»⁷⁸.

В топонимических преданиях из ровенского Полесья упоминается также «царица», проклявшая местное «море» (или реку), которое из-за этого превратилось в болото в окрестностях с. Морочное.

«Йихала царица по Морoчной, ту якeсь была морем. Везла с собой сына на баржы. Випал сын из рук, и тэй сын упал ё реку, ётопыўся. Она зломала очыротыну, заткнула ё те болото и ка: "Шоб оно заросло очыротом". И зятяглося, и нема заре у нас реки, болото морочно. Нема – только то болото, клюлва росте. [В 1943 г. крестьяне из болота] витягали з баржы окоўку – пристань була [на краю болота]»⁷⁹.

⁷⁵ Овручский р-н Житомирской обл., ПА 1981, зап. Л.М.Ивлева.

⁷⁶ Овручский р-н Житомирской обл., ПА 1981, зап. А.Л.Топорков.

⁷⁷ Лесовое Дубровицкого р-на Ровенской обл., ПА 1978.

⁷⁸ Функции этого персонажа практически «дословно» совпадают с функциями Екатерины. Это название населенных пунктов (Легенды і паданні. С.298. №440) или преобразование природного ландшафта (Там же. С.279–280. №379).

⁷⁹ Сварицевичи Дубровицкого р-на Ровенской обл., ПА 1978.

В этом рассказе присутствует мотив заклęcia реки (озера, моря) матерью (ведьмой, цыганкой, царицей, королевой), чей ребенок утонул в реке⁸⁰. Для примера приведем легенду из черниговского Полесья: «[О названии села Андреевка.] [Раньше это было отдельное село, называлось Раздереевка, т.к. река Хоробор обтекала его с двух сторон. Там жила одна ведьма, сын которой утонул в реке Хоробор. За это ведьма осушила реку, а Раздереевку назвала именем своего сына Андрея]»⁸¹. Мотив проклятия может присутствовать в текстах и автономно, немотивированно, как в легенде из села Гортоль Ивацевичского р-на Брестской области: «Когдась на места Гóртоли було мóра. А ў чоўне пáни пра-зджáла и заклýлá мóра, как таé стала балатóм. А балатó пасля высахла. Во и дзярэўня тут»⁸².

Война 1812 года и Наполеон Бонапарт

Подобно царствованию Екатерины, 1812 год предстает в народных верованиях как некий рубеж, на котором с природными объектами происходят различные метаморфозы. Так, белорусские крестьяне рассказывали, что грибы боровики стали мало-съедобными валуями во время «рубанины» – Отечественной войны 1812 года⁸³.

Однако главный след война 1812 г. оставила все же в местной топонимике. Так, о названии деревни Паленовка в Белоруссии рассказывали, что раньше деревня называлась *Напалеонаўка*. Во время войны 1812 г. здесь стояли французские войска. Но выговаривать такое длинное название было неудобно, и его переделали на *Паленаўка*⁸⁴.

Остановки в военном походе также отразились в местном фольклоре. На территории Белоруссии и Литвы широко распространены рассказы о «памятных» камнях или горах, где якобы обедал Наполеон – в честь этого события на камнях оставлены знаки в виде блюда, столовых приборов, вилки⁸⁵. Вот один из таких рассказов, записанный у русских

⁸⁰ См.: Белова О.В. «Чужие» в Полесье // *Живая старина*. 2000. №3. С.10; *Легенды і паданні*. С.326 (№531), 375–377 (№653–662); Шейн П.В. *Указ. соч.* Т.2. С.429–430. (*Мать бросает в реку камень, сковородку, накрывает озеро чугушной крышкой, втыкает в дно тростину, проклинает водоем.*)

⁸¹ *Хоробичи Городнянского р-на Черниговской обл., ПА 1980, зап. О.В.Белова.*

⁸² *ПА 1987, зап. Т.В.Скакун.*

⁸³ *Славянские древности*. Т.1. С.549–550.

⁸⁴ *Легенды і паданні*. С.308. №472.

⁸⁵ *Кербелите Б. Типы народных сказаний. Структурно-семантическая классификация*

старожилов Литвы: «Недалёко от Салакаса, километра два, стоит камень серо-сизоватый. И так со старины идёт по людям такая молва, что там обедал когда-то Наполеон. Мне папа лично рассказывал, что проходил Наполеон через Литву, на Москву шёл и вот там остановился, обедал. Там даже есть знаки оставлены, где обедал Наполеон: высек [на камне] тарелку и вилку. И они и сейчас там находятся»⁸⁶.

Справедливости ради следует сказать, что героем подобных рассказов (одна из версий этимологического сюжета о происхождении камней-«следовиков») является не только Наполеон. У него были предшественники, например шведы, некий безымянный король⁸⁷ или Стефан Баторий. В окрестностях г. Борисова в Минской губернии рассказывали о каменном кресте, на котором был изображен рыцарь в короне и выбиты буквы «R.S.V.», означающие «Rex Stefanus Batoreus», а также выдолблены два круглых углубления. По преданию, Стефан Баторий обедал на этом камне, углубления заменяли ему тарелки; в память царственного обеда из этого камня впоследствии сделали крест⁸⁸.

Можно предположить, что прототипом этих «конкретизированных» преданий, связанных с именами определенных персонажей, является сюжет о так называемых боговых камнях, в котором следы приписываются сакральному персонажу. Так, в предании из Дятловского р-на Гродненской области (территория белорусско-литовского пограничья) говорится о плите с изображением «блюда Бога», которое белорусы называют «божа блюда», а литовцы – «дзёво блюдас». Когда местный помещик увез плиту с поля и положил к себе под порог, у него немедленно разболелись ноги, и ничем нельзя было унять болезнь, пока камень не вернули обратно на место⁸⁹.

С нашествием французской армии в фольклоре традиционно связываются рассказы о «французских», «наполеоновских могилках», «курганах» (ср. «шведские могилы»), зарытых при отступлении из России кладях⁹⁰. Что касается «наполеоновских могил», то нередко, как свидетельствуют источники, они являются не чем иным, как местами захоро-

литовских этимологических, мифологических сказаний и преданий. СПб., 2001. С.528, 582.

⁸⁶ Зарасайский р-н (*Живое слово. Фольклор русских старожилов Литвы / Сост. Ю.Новиков. Вильнюс, 1999. С.67.*)

⁸⁷ Кербелите Б. Указ. соч. С.582.

⁸⁸ Шпилевский П.М. *Путешествие по Полесью и Белорусскому краю.* Минск, 2004. С.187.

⁸⁹ *Легенды і паданні.* С.351. №608.

⁹⁰ См.: Сергеева З.М. *Народные названия курганов в Северо-Восточной Белоруссии // Древности славян и Руси.* М., 1988. С.67.

нения «заложных» покойников: «[О могилах с надписью "1812" около с. Крушыняны в Белоруссии.] На перекрестке шляха с полевой дорогой до сих пор сохраняются каменные памятники, на которых можно прочитать дату: "1812 год". Говорят, что это *напалаяонскія могілкі*. На этом месте раньше хоронили висельников и самоубийц, здесь же "под плитами" похоронили наполеоновских солдат»⁹¹.

Есть «французские» или «наполеоновские» могилы и в Подмоскovie. В Балашихинском р-не (с. Никольское-Трубецкое) так называют древнерусские курганы: «Здесь были братские могилы французские»⁹²; рассказывают даже, что, когда вода подмывает эти захоронения, становятся видны «шлемы», «каскаки»; говорят, что на «французских» могилах под раковитовым кустом зарыт барабан с золотом⁹³. Урочище в окрестностях Мытищ называется «Французским кладбищем», на котором можно найти «монеты царские»⁹⁴.

Не менее интересны предания о французском нашествии, записанные от жителей Ленчицкого края (центральная Польша) и сочетающие фольклорно-гиперболизированный образ высокомерного врага с «этнографическими» деталями. Рассказывали, что французы, наступая на восток, велели местным жителям мостить им дороги буханками черного хлеба и ехали по ним, как по камням. Сами же ели только белый хлеб и кур велели готовить себе только в молоке. Когда же разбитая французская армия возвращалась из московского похода, несчастные французы были голодны и все время кричали: «Mi tudu, mi tudu»⁹⁵. В легенде-сказке из Слуцкого повета (западная Белоруссия, нынешняя Гродненская область) Наполеон разделяет мучения своих солдат: голодные французы «пераелі, паганья, сабак ды катоў, палавілі мышэй да пацукоў, пастралялі ўсіх варон <...> Сам цар Напальён ходзіць сабе на балоце ды ловіць жабы або чарапахі»⁹⁶.

⁹¹ *Легенды і паданні. С.254. №327.*

⁹² *Глазунова О.Н. Опрос старожильского населения на территории Мытищинского, Щелковского и Балашихинского районов, а также района Крылатское // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т.3. М., 2005. С.145; Чернов С.З. Каталог объектов исторического ландшафта, исторической планировки и исторического землепользования северо-востока Москвы и прилегающих территорий Мытищинского, Щелковского и Балашихинского районов, составленный на основании изучения устной традиции (1990–1995 гг.), картографических и архивных данных // Там же. С.55–56.*

⁹³ *Глазунова О.Н. Указ. соч. С.145.*

⁹⁴ *Там же; Чернов С.З. Указ. соч. С.115.*

⁹⁵ *Legendsy Łęczyskie / Zebr. i oprac. J. Grodzka. Łódź, 1960. S.86.*

⁹⁶ *Легенды і паданні. С.252. №324.*

По легенде из Мстиславского уезда Могилевской губернии, наполеоновское войско, бежав из Москвы, утонуло, провалившись под лед на озере, и с тех пор озеро зовется «Поганый пруд»⁹⁷.

Следующий рассказ из гомельского Полесья интересен не только своей занимательностью и даже некоторой абсурдностью. Обращает на себя внимание мотив окаменения, как бы «зашифрованный» в повествовании о некоем скульптурном изображении. Восточнославянские варианты сюжета об окаменевших (ослепленных, потопленных) противниках многочисленны: ср. подобные рассказы о немцах, литве, поляках в Северо-Западном регионе России⁹⁸.

«[О войне с французами.] Ек воеваў француз... який-то начальник, звался... Наполеон. Забраў Москву и йшоў на Смоленск. Москву забрали... и вельми крепкий мороз быў. А у них слабая одёжа – они плохие воины. А наши старики пойшли на його. Четвериком ехаў начальник... дак некий дом е ў Москве, кони там по-за крышой и возница такой с пугою... А тот вернулся во Францию без одного солдата, и заперли его на некий остров. Наш Николай дал армию, наши як дали! И поуतेкали до дому [враги, а наши гнали их до самой Франции]. А у нас революция. [Которые во Франции оказались, об этом узнали и просят:] "Пустите нас до дому". [Им дали корабль, и они вернулись.] Но часть остались во Франции. И вот той Наполеон на доме ў колясци и с фонарями железными»⁹⁹.

Каменный «Наполеон» в Москве – это вполне традиционный, но «вывернутый» (без оглядки бежавший неприятель избегает смерти, но остается памятник его позору) мотив окаменения врагов (а также «доисторических» великанов и нарушителей запретов, см. выше).

В народных легендах Наполеон также выступает и в роли «знающего», колдуна. Польская легенда объясняет многочисленность наступающей французской армии тем, что по ночам Наполеон велел по границе сыпать нарубленную солому и к утру из нее выросло войско¹⁰⁰. Сходные сюжеты бытуют и у литовцев: согласно одной из легенд, когда Наполеон увидел, что в реке утонули его воины, он бросил меч и сказал,

⁹⁷ Там же. С.328. №538.

⁹⁸ Березович Е.Л. «Чужаки» в зеркале фольклорной ремотивации топонимов // Живая старина. 2000. №3. С.2–5; Криничная Н.А. Указ. соч.; Маслинский К.А. «Литва – она все зальет» // Живая старина. 2000. № 3. С.5–9.

⁹⁹ Село Симоничи Лельчицкого р-на Гомельской обл., 1983, зап. Е.Рычагова.

¹⁰⁰ Legendy Łęczyskie. S.86.

чтобы пропали и меч, и река; река начала зарастать¹⁰¹. Перед нами версия уже знакомого сюжета о заклании реки (озера, моря), в котором фигурируют и другие царственные особы.

Отметим, что фольклорная традиция вообще склонна наделять выдающихся личностей (и не обязательно царственных особ) сверхъестественными способностями, приравнивая их к «знающим» традиционного общества (ср. рассказы о «колдовских» действиях царицы Екатерины).

Приведем в заключение еще одну легенду, записанную на Русском Севере, в которой речь идет о памятнике Ломоносову в Архангельске. «Ломоносов изображен с лирою в руках и смотрящим как бы в небо», – пишет публикатор и приводит далее следующую легенду: «Ломоносов был настолько знающий человек, что вот раз, когда угрожала надвигавшаяся градовая туча, он взял вилы и этими вилами тучу-то и отвел»¹⁰². Таким образом, монумент, согласно фольклорной интерпретации, изображает как раз момент отгона градовой тучи (лира – вилы) способом, широко распространенным в славянской традиции¹⁰³.

В повествовательной традиции разных регионов славянского мира действуют свои наиболее популярные фольклорные двойники исторических личностей – это и Степан Разин, и Емельян Пугачев, и Петр I¹⁰⁴, и атаман Платов, и благородные разбойники Олекса Довбуш и Пинтя. Но в любом случае, и это подтверждается представленным материалом, мы можем возвести эти образы к более древним прототипам, чье происхождение связано с архаическими традициями героического эпоса и мифологии¹⁰⁵.

¹⁰¹ Кербелите Б. Указ. соч. С.558.

¹⁰² Едемский М. Указ. соч. С.218.

¹⁰³ Славянские древности. Т.1. С.371, 537.

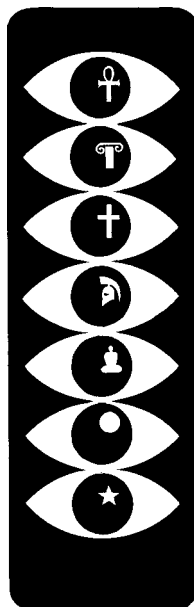
¹⁰⁴ Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды...

¹⁰⁵ Ср.: Путилов Б.Н. Указ. соч. С.54.

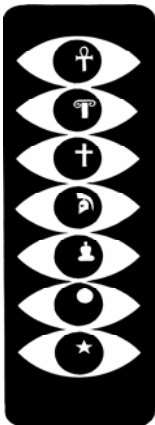
Вопреки расхожему мнению о суде истории, выраженному фразами: «Со стороны виднее», «Истинные оценки историческим событиям будут даны лишь через несколько поколений», «Прошлое должно быть понято не через настоящее, а наоборот», вопреки этим суждениям я придерживаюсь иного и, как мне кажется, более справедливого мнения по этому поводу. Не потомки, а современники – лучшие судьи и наблюдатели истории. ...

Опыт современников не опосредован ничем; их знакомство с событиями непосредственно, они переживали их ежедневно и на себе лично, в то время как знания потомков фрагментарны, случайностны и обезличенны.

Питирим Сорокин

Ёсаак Розенталь

О ЦАРСКОЙ ОХРАНКЕ
И
О «ВЕДОМСТВЕННОЙ»
ИСТОРИИ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Reminiscences of the Czarist secret police leaders are the source which allows shed light on the problem of the potential for reforming and increasing longevity of the Russian monarchy, hunt down elements of continuity that existed between pre-revolutionary and the Soviet political systems in reality and in perception of contemporaries including those who compared «the okhranka» with the CheKa. Describing technologies the «okhranka» employed in its struggle against the revolutionary and opposition movements, the memoirists at the same time performed as the departamental historiographers. They try to understand the circumstances due to which the «okhranka» proved to be incapable to save the monarchical regime. Their opinions, observations, assessments, precise as well as biased ones, reflected condition of the ruling elite, contradictions within the bureaucratic stratum on the eve of events that staggered Russia in 1917.

Не так давно издательство «Новое литературное обозрение» выпустило в серии «Россия в мемуарах» два тома под общим названием «Охранка»¹. В сборник, подготовленный З.И.Перегудовой, вошли пять книг, ранее опубликованных за рубежом. Из них только одна (воспоминания А.В.Герасимова) была переиздана в России в 1991 г.; с остальными воспоминаниями, надлежащим образом прокомментированными, современный читатель получил возможность познакомиться впервые.

Пик широкого интереса к истории дореволюционной политической полиции, к теме провокации, к биографиям самых известных «секретных сотрудников», таких как Азеф и Малиновский, вроде бы пройден, и можно было бы ограничиться рекомендацией не пропустить двухтомник уже потому, что чтение его будет занимательным. Но содержание сборника дает кое-что существенное для ответа – с учетом новейших исследований и дискуссий – на немаловажные вопросы: о судьбе российской монархии и потенциале ее реформирования и выживания; об институциональной и иной преемственности в истории России (проблематика, которая, надо думать, актуализируется, ввиду предстоящего 90-летия событий 1917 года); об авторах воспоминаний – представителях специфического слоя дореволюционной бюрократии и их воззрениях.

Антибольшевистская направленность воспоминаний не нуждается в особом объяснении. В контексте времени их написания они представляют читателям еще одну грань происходившего тогда, в 20-е – 30-е годы XX в., заочного «диалога» двух частей России, разорванной революцией и гражданской войной. Слово «диалог» взято в кавычки не только по причине идеологической непримиримости сторон, но и потому, что окончание противоборства армий не означало прекращения насильственных действий в разных формах – вплоть до фабрикации в СССР на внутреннюю потребу мнимых «монархических» заговоров². В

¹ «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска. Т.1–2. М., 2004 (далее – «Охранка»).

² Авторы соответствующих глав в книге «Государственная безопасность России: История и современность» (М., 2004) почему-то умалчивают о хорошо известных фальсифицированных делах конца 20-х – начала 30-х годов, таких как «Академическое дело», дело «Промпартии» и ряд других (документальные их комплексы опубликованы), а также о направленных против эмигрантских группировок акциях за рубежом – похищениях руководителей РОВС генералов А.П.Кутепова и Е.К.Миллера и др. См.: Русская военная эмиграция 20-х–40-х годов. Документы и материалы. М., 1998. Т.1. Кн. 1, 2.; Шварев Н. Охота

связи с этим нельзя не пожалеть о том, что при публикации воспоминаний А.Т.Васильева опущены главы о ВЧК, как «не мемуарные». Сравнение с охранкой большевистских спецслужб – тема, не только важная для авторов воспоминаний, но и научно значимая, отказываться от такого материала не стоило. Не исключены же из сборника поверхностные и тенденциозные, по справедливой оценке составителя, главы в тех же воспоминаниях Васильева о евреях и сектантах (но и комментарии к этим главам должны были быть более развернутыми, не в виде только отсылок к научным трудам).

Мемуары – один из самых востребованных читателем литературных жанров. Как и другие источники, мемуары мемуарам рознь, ценность их неодинакова. Вместе с тем читатель, не являющийся специалистом-историком, нередко познает историю именно по более «очеловеченным», чем научные труды, воспоминаниям участников и очевидцев событий прошлого. Это читательское предпочтение может служить основанием для включения мемуаров с целью специального анализа в один историографический ряд с исследованиями.

К тому же сами мемуаристы иногда претендуют на роль историков. Авторы «Охранки» А.П.Мартынов, П.П.Заварзин (автор двух включенных в сборник книг), А.В.Герасимов и А.Т.Васильев, решившие поведать о ее тайнах, выступали в роли историографов ведомства, которому они верно служили до оборвавшей их карьеру Февральской революции. А так как в сфере пристального внимания дореволюционных «органов» находилось многое, читатель вправе ожидать, что через восприятие «охранников», людей профессионально наблюдательных, увидит существенную часть российской действительности начала XX века. Предупредим заранее: кое-что из весьма важного в жизни России авторами обходится, и не только по праву мемуаристов, но и умышленно. Оправдывают они ожидания, изображая «кухню» своей профессии, сообщая сведения, расширяющие представление о ней сверх уже известного по другим источникам и обширной литературе³. Нас же мемуары интересуют в первую очередь в концептуальном плане, в том числе отбором и интерпретацией фактов.

за генералами // *Родина*. 2006. №3 и др.

³ См.: Лурье Ф.М. *Полицейские и провокаторы. Политический сыск в России. 1649–1917*. СПб., 1992; Рууд Ч., Степанов С. *Политический сыск при царях*. М., 1993; Перегудова З.И. *Политический сыск России (1880–1917)*. М., 2000; *Государственная безопасность России...*; и др.

Раньше, чем перейти к анализу книги, понадобится сделать некоторое отступление, без чего будет непонятен смысл употребленного в названии и в тексте нашей статьи определения «ведомственная» история. Сам по себе выбор в качестве предмета исследования истории какого-либо, условно говоря, ведомства (учреждения, организации, партии, социальной группы и т.д.) не включает в себе ничего предосудительного, любая структурная единица общества и государства заслуживает специальной концентрации исследовательского внимания. В этом есть как свои преимущества, так и издержки. В старой России выпускались книги по истории воинских частей, государственных учреждений, общественных организаций, в СССР по почину М.Горького было поставлено на поток написание историй фабрик и заводов.

Необозримо количество биографий. Могут возразить: если речь идет об организации, а не об отдельной личности, при чем же тут биографическая литература? Увлеченность автора своим героем простительна и понятна. Но если автор считает первостепенной задачей «защиту» оболюбленного им исторического деятеля от неизбежного суда современников и потомков и тратит силы главным образом на борьбу с его «очернением», то это по существу та же защита «чести мундира», неотъемлемый признак ведомственной истории. Одевание исторического персонажа в белые одежды неминуемо ведет к превращению биографии в житие – жанр не научный. Дело в настрое автора или на объективное исследование, или на «обслуживание», идет ли речь о Ленине, Николае II или о ком-то другом.

В наши дни это видоизмененный «принцип партийности» (то есть принадлежности к «ведомству» с его отдельными интересами), в советское время объявлявшийся высшим выражением научной объективности. У каждого современного приверженца этого принципа своя партийность, своя ангажированность, и не имеет значения, делается это по предписанию того или иного «ЦК» или добровольно. Позволю себе проиллюстрировать эту тенденцию несколькими примерами из собственного опыта соприкосновения с ней в разных обличьях.

Эпизод №1, самый давний. Приехав вместе с коллегами-музейщиками в командировку по «комплектованию» в советский еще Баку, я увидел не в библиотеке, а в одной семье коренного местного жителя книгу-альбом, изданную к юбилею знаменитой фирмы братьев Нобель, владевшей до революции бакинскими нефтепромыслами. Оказалось, что администрация фирмы вручала такие книги особо заслуженным рабочим и служащим. В то время нас никто бы не осудил за то, что мы

не проявили интереса к такому изданию. Но мы им заинтересовались. Пришлось, правда, долго уговаривать обладателей книги расстаться с семейной реликвией и передать ее в музей.

Разумеется, книги вроде этой были «заказными» сочинениями. Следует все же заметить, что, открывая составителям книги доступ к архиву фирмы, заказчики вовсе не требовали от них сочинять некий дифирамб во славу хозяев. Так что, несмотря на то что «классовая борьба» и многое другое там не освещалось, сравнение с советскими образчиками истории фабрик и заводов, которыми нас часто одаривали на посещаемых по музейным делам предприятиях, не всегда оказывалось в пользу последних, скроенных по одной колодке (были, само собой, и исключения).

Эпизод №2. В 1994 году я опубликовал статью «Страницы жизни генерала Джунковского»⁴ – московского губернатора, затем товарища министра внутренних дел (ввиду такого его должностного положения, не прошли мимо фигуры Джунковского и мемуаристы – авторы сборника «Охранка», о чем будет сказано дальше). В статье реконструировалась реальная биография Джунковского, поскольку она обросла рядом легенд. В конце статьи сообщалось, что в 1937 г. бывшего губернатора арестовали по доносу двух дворников и расстреляли. Увы, в напечатанном виде по моему недосмотру концовка выглядела так: «Поводом для повторного обвинения 72-летнего Джунковского в контрреволюционной деятельности послужил донос двух... *нет, не дворян, а дворников*» (выделена вставка, сделанная редактором)⁵.

Получилось, что Джунковскому было бы приятнее расстаться с жизнью, если бы на него «настучали» дворяне. Об этом редактор, «украшая» таким образом статью без ведома автора, не подумал. В чем же смысл вставки? Можно предположить, с большой долей вероятности, что обращение историка к биографии дворянина (кстати, не имевшего никаких земельных владений) было понято редактором как прославление дворянского сословия. Историки, согласно такому представлению, обязательно должны быть раскреплены по «ведомствам». Если звезда КПСС закатилась, то наступило время сочинять оды дворянству, купечеству и т.д. В 90-е годы такой взгляд, можно сказать, носился в воздухе, сусальное изображение дореволюционной России и особенно дво-

⁴ Розенталь И.С. Страницы жизни генерала Джунковского // Кентавр. 1994. № 1. С.90–103.

⁵ Там же. С.103.

рянства в целом как вечного носителя неких идеальных свойств, больше никому не присущих, усиленно внедрялось в общественное сознание средствами массовой информации.

Эпизод №3 – пример «приватизации» исторического деятеля (Ю.О.Мартова): объявляется недопустимым приводить чьи-либо о нем высказывания, если они не вполне положительные. «По словам Троцкого, этот "даровитый писатель, изобретательный политик, проницательный ум... был гораздо выше того идейного течения, которое он возглавлял. Но его мысли не хватало мужества, его проницательности не доставало воли"; "каждое большое событие застигало (его) врасплох и повергало в растерянность"»⁶. Эта характеристика, утверждает критик, тенденциозна (и первая часть?); автор статьи (Розенталь) с ней, «повидимому, согласился»; «право автора – соглашаться с конъюнктурным выводом авторитетного для него политика, но право историка – требовать дополнительной аргументации этого вывода, потому что "авторитет" не есть доказательство истинности того или иного суждения»; в энциклопедии «не должны превалировать суждения политиков радикального толка, каким, несомненно, был Троцкий»⁷.

Историком критик считает только себя. Вся его «критика» – результат чтения между строк. Есть ли в авторском тексте хотя бы намек на «согласие» с Троцким? Из чего следует, что Троцкий для Розенталя «авторитетный политик»? И куда полагалось вставлять «дополнительную аргументацию»? Какой подсчет обнаружил, что в книге «превалируют» суждения политиков радикального толка? Наконец, разве сам Мартов не радикальный политик? Приведенный пассаж критик повторил в последующих своих сочинениях еще, по крайней мере, три раза, не изменив ни слова. Но инкриминируемая цитата произвольно расширена, в ней появилась фраза, которой нет ни в энциклопедии (но дается ссылка на нее), ни в «Моей жизни» Троцкого: «В конце концов Мартов стал самым изощренным, самым тонким, самым неуловимым, самым

⁶ Розенталь И. Мартов // *Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С.343–344.*

⁷ Урилов И.Х. Ю.О.Мартов. *Политик и историк. М., 1997. С.38, 98–100.* – Приводимые в энциклопедии слова Троцкого цитировались по книге «Моя жизнь», написанной им после высылки из СССР и впервые опубликованной в 1930 г. в Берлине (См.: Троцкий Л. *Моя жизнь: Опыт автобиографии. М., 1991. С.165*). Следовательно, как бы к данной характеристике ни относиться, это вовсе не «конъюнктурный вывод», Мартов скончался еще в 1923 г.

проницательным политиком тупоумной, пошлой и трусливой мелкобуржуазной интеллигенции»⁸.

Приходится напомнить прописные истины. Многократное воспроизведение собственных текстов не делает их более убедительными. Статья для энциклопедии отличается от обычной тем, что в ней факты сообщаются без аргументации. Цитировать можно кого угодно, это не означает ни согласия, ни несогласия с мнением цитируемого лица. В энциклопедическую статью подобные высказывания включаются для того, чтобы дать читателю представление о том, как воспринимали героя статьи современники, причем не только единомышленники.

Возможно, отступление покажется слишком длинным, но обзор трех вариантов «ведомственности» (их, разумеется, больше) дает исходную позицию для выявления своеобразия такого же подхода у авторов сборника «Охранка». На первое место составитель сборника обоснованно поставил воспоминания А.П.Мартынова, им и будет далее уделено наибольшее внимание. Самый молодой из четырех авторов, начальник в 1906–1912 гг. Саратовского и в 1912–1917 гг. Московского охранных отделений, он работал над воспоминаниями позже своих коллег, в 1933–1938 гг., и был с некоторыми их книгами знаком. Он проштудировал также опубликованный в СССР семитомный сборник материалов Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства с показаниями руководителей охранного ведомства⁹. Читал он и книгу Б.И.Николаевского об Азефе. «Поэтому, может быть», пишет З.И.Перегудова, воспоминания Мартынова «более продуманны, а порой более откровенны в оценках, симпатиях и антипатиях», чем другие вошедшие в сборник воспоминания¹⁰.

Выделяет их и поставленная Мартыновым цель, характерная для обычных мемуаров: выяснить «основные причины неудовлетворительного функционирования российской политической полиции». С первых же строк Мартынов заявляет, что необходимым условием для пишущих

⁸ Урилов И.Х. *От какого наследства следует отказаться // Меньшевики и меньшевизм. Сб. статей. М., 1998. С.13; Он же. Введение // Мартнов Ю.О. Избранное. М., 2000. С.ХI–ХII; Он же. История российской социал-демократии (меньшевизма). Ч.2. Историография. М., 2001. С.37–38.*

⁹ *Этот ценный сборник документов, выдержки из которого Мартынов приводит в приложении к своей книге, он почему-то именуется, «с позволения сказать, "трудом"» (Мартынов А.П. Моя служба в отдельном корпусе жандармов // «Охранка». Т.1. С.393).*

¹⁰ Перегудова З.И. *«Охранка» глазами охранников // «Охранка». Т.1. С.17.*

«воспоминания» (кавычки автора) и обдумывающих их пригодность для историка является правдивость. Не в пример бывшим деятелям того же ведомства, «часто и невольно» предпочитавшим радужные краски, он постарается обойтись без «буколки», извращающей верную картину прошлого, и даст правдивую картину своей деятельности и деятельности «охранки» в целом¹¹. Все это для того, чтобы помочь своим рассказом «тем, кто будет в новой возрожденной и опрокинувшей большевиков России организовывать дело внутреннего осведомления для будущего национального русского правительства»¹². Правдивость подчинена, таким образом, сверхзадаче, утилитарной, но вместе с тем имеющей в глазах автора-эмигранта, не потерявшего еще надежды на реванш, особый, высокий смысл.

На первый взгляд, у Мартынова нет ни нарочитой идеализации полицейского ведомства, ни замалчивания его недостатков. И все же «ведомственность» налицо. Она проявляется на сей раз в том, что нежелательный автору поворот в развитии политических событий (событий Февральской революции, кратким описанием которых Мартынов завершает воспоминания) объясняется неиспользованием в должной мере потенциала государственного аппарата и, в частности, данного ведомства. Революция, свергнувшая монархию, пишет он, возникла из «простого солдатского бунта в Петербурге», и «в любой стране такой бунт солдат, не желающих идти на фронт, был бы быстро подавлен, и очень быстро. В императорской России 1917 года с бунтом не управились».

По Мартынову, финал мог быть иным, будь «охранка» на высоте, а главное, если бы были осуществлены его, Мартынова, рекомендации. Главноначальствующему Москвы генералу Мрозовскому он советовал взять с 1 марта всю власть в тылу в свои руки и объявить осаду взбунтовавшегося Петроградского гарнизона, а для этого ненадежных солдат в Москве отправить по домам и опереться на солдат надежных, а также на юнкеров, кадет и полицию. «Генерал выслушал, но от выполнения задачи, вследствие ее громадности, уклонился»¹³. Из-за чего, собственно, возник солдатский бунт, что ему предшествовало и почему генерал, как и все прочие участники совещания, счел предложения Мартынова неосуществимыми, автор воспоминаний не пишет.

¹¹ Мартынов А.П. Указ. соч. С.29.

¹² Там же. С.170.

¹³ Там же. С.392.

Взгляды Мартынова можно рассматривать в свете выводов, к которым пришел в эмиграции С.Е.Трубецкой, сын философа и либерального публициста Евгения Трубецкого. Из наблюдений в России и за границей он вывел своего рода закономерность. До революции дети в той среде, в какой он воспитывался и рос, были политически и мировоззренчески левее своих родителей, в эмиграции – наоборот, дети были правее, консервативнее, умереннее, и часто намного¹⁴. Как общее правило, это верно и понятно, но нет правил без исключений. Лидер праволиберального Союза 17 октября А.И.Гучков заявлял, что был, остался и умрет монархистом и что он намеревался лишь «оздоровить» монархию¹⁵, а дочь его Виктория стала коммунисткой. Вступил в Коммунистическую партию Великобритании и вернулся в СССР сын царского министра П.Д.Святополк-Мирского литературный критик Дмитрий Мирский, прозванный «товарищем князем» (что не спасло его от ареста и гибели в сталинском лагере)¹⁶. Известны и другие примеры «полевения» эмигрантов по сравнению с их родителями, пусть и не всегда такие крайние.

Полковник Мартынов также был «белой вороной», но еще до революции. Его «нестандартность» выразилась в выборе профессии, в желании стать не просто военным, но жандармским офицером. Его отец, издатель и фрондирующий либерал, озабоченный «общей пользой», «согласно общему укладу тогдашней интеллигенции ...тянул влево»¹⁷. Сын объясняет свой странный по тогдашним понятиям выбор так: «"Бесы" Достоевского и Лесков твердо определили мое тяготение к государственности, порядку и отвращение к нашей все отрицавшей интеллигенции. Это настроение кристаллизовалось во мне с годами, и переход со службы в строю в Отдельный корпус жандармов не вызывал во мне каких-либо сомнений»¹⁸. Вряд ли чтение антинигилистических романов было решающим побудительным мотивом, к тому же Мартынов пошел по стопам старшего брата, но примечателен сам факт влечения к делу, традиционно не вызывавшему в обществе уважения. «Я поставил себе задачей быть лучшим из розыскных деятелей... Я был настоящим фана-

¹⁴ Трубецкой С.Е. *Минувшее. М., 1991. С.56–59.*

¹⁵ Александр Иванович Гучков рассказывает... *Воспоминания Председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С.24.*

¹⁶ Красавченко Т. Мирский // *Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С.419–422.*

¹⁷ Мартынов А.П. *Указ. соч. С.298–299.*

¹⁸ Там же. С.302.

тиком служебного долга», «энтузиастом политического розыска», – пишет Мартынов¹⁹.

Казалось бы, преданность этой профессии равнозначна преданности той политической системе, в которую входило ведомство, призванное систему охранять. Но в случае с Мартыновым, и не только с ним, это не совсем так. Когда стало ясно, что монархия пала, он легко от нее отрекся, подобно большинству монархистов – военных, чиновников и даже деятелей правомонархических партий. В мемуарах руководители охраны предпочли обойти эти факты своих биографий молчанием, но их поведение в феврале–марте 1917 г. зафиксировали другие сохранившиеся источники, включая исходившие от них самих. Начальник Петроградского охранного отделения А.Т.Васильев заверял новую власть, что он «не ретроград, не реакционер, а убежденный ныне сторонник и нового правительства, и нового строя», что он «отрекся и от того времени, и от того режима»²⁰. А Мартынов писал тогда же в рапорте комиссару Временного правительства в Москве от своего имени и от имени своих подчиненных (рапорт, полностью процитированный З.И.Перегудовой, сохранился в архиве): «...Идти против общего желания бессмысленно, вредно... Невероятное ослепление, в котором находилась старая власть, не умевшая слушать тех предостерегающих докладов, которые ей неоднократно делали, указывавших и на падение престижа династии, и на всеобщее негодование, ставило в невозможное положение службу при этом режиме»²¹.

В рапорте Мартынов не сводил причины Февральской революции к нежеланию солдат-бунтовщиков воевать и признавал, что негодование

¹⁹ Там же. С.186, 324.

²⁰ Падение царского режима. Т.1. Л., 1925. С.432.

²¹ Перегудова З.И. «Охранка» глазами охранников. С.19. – Подобно Мартынову и Васильеву, отрекался от монархии другой московский деятель, председатель Русского монархического союза С.Кельцев, обращаясь 4 марта 1917 г. в тот же адрес и сообщая о самоупразднении союза: «Да благословит Господь новое правительство, да поможет излечить ему внутреннюю разруху государства, созданную прежним правительством, единодушно осужденным в преддверии настоящих великих народных дней в заключительных февральских беседах Русского монархического союза, силою вещей прозревшего вместе со всей страной...» и т.д. (Февральская революция 1917 года: Сборник документов и материалов / Сост. О.А.Шашкова. М., 1996. С.303). См. подробнее: Репников А.В. Монархисты после крушения самодержавия // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005. С.463–475.

против власти было всеобщим. Самое удивительное – революционный взрыв предвидели не все деятели охранки. От Васильева, последнего директора Департамента полиции, который находился в эпицентре событий, в Петрограде, «предостерегающие доклады» наверх не поступали. Больше того, в октябре 1916 г., будучи представлен императрице, он заверил ее, что «революция совершенно невозможна в России. Конечно, есть среди населения нервное напряжение из-за продолжающейся войны и тяжелого бремени, которое она вызвала, но народ доверяет Царю и не думает о восстании»²². Странный, мягко говоря, «прогноз» Васильева заставляет усомниться в правильности той оценки его «заслуг», какую дает Мартынов²³.

Между тем в тот самый момент, когда Васильев успокаивал, вернее вводил в заблуждение (правда, не он один), императрицу, осенью 1916 г., полковник Заварзин узнал, причем не от полицейских информаторов, а от случайного попутчика в поезде, как широко распространились слухи о близком конце правления Николая II. На краю империи, в Батуме, откуда ехал этот попутчик-коммерсант, «в клубе почти открыто порицали Царя и Царицу, а один тип даже сказал: "Не стоит о них и говорить! Они скоро уйдут, Царь отречется, а на его место будет Алексей с регентом Михаилом Александровичем"»²⁴. А находившийся в отставке генерал Герасимов, узнав от хорошего знакомого – высокопоставленного военного, что с этой целью готовится заговор (причем «с большими подробностями»), и сознавая, что его долг сообщить известные ему факты новым руководителям политической полиции, этого не сделал, так как вполне сочувствовал заговорщикам²⁵.

Что касается роли революционных партий в Февральской революции, то она была, по Мартынову, такова: «Нельзя отрицать эту роль и значение, если их рассматривать в плоскости длительной, годами веденной разрушительной, я сказал бы, нигилистической пропаганды. Если же рассматривать роль подполья в смысле непосредственного фактора, приведшего к революции, – она была ничтожна». Это подполье – разрозненные разные «бюро», «местные группы» и отдельные партийцы – не могло ничего организовать. В доказательство этого вывода он ссылается на предшествующие страницы воспоминаний, где

²² Васильев А.Т. *Охрана: русская секретная полиция // «Охранка». Т.2. С.462.*

²³ Мартынов А.П. *Указ. соч. С.91–92, 378–379.*

²⁴ Заварзин П.П. *Жандармы и революционеры // «Охранка». Т.2. С.114.*

²⁵ Герасимов А.В. *На лезвии с террористами // «Охранка». Т.2. С.336–337.*

подробно описывается борьба с подпольем до 1909 г. и почти полностью отсутствуют упоминания о такой борьбе далее – «просто потому, что мне не на чем остановить внимание!»²⁶

Проверить подобные утверждения не трудно, сами революционеры тогда не скрывали, что были немощны. Так, Организационный комитет меньшевиков признавал: «Революция застала наши организации разбитыми и расплывленными при полном отсутствии связи между городами и промышленными центрами»²⁷. То же самое можно сказать о большевиках, эсерах и других радикальных организациях. О большевиках – организаторах свержения самодержавия – никто давно не пишет. Их место в широко представленных на книжном рынке конспирологических версиях Февраля 1917 г. заняли масоны, что в то время не находило общего признания и среди монархистов, и В.М.Пуришкевич, например, тогда утверждал, что «революция не была заговором группы лиц... Оскорбленный, изверившийся в царскую власть народ заставил ее уйти»²⁸.

От заключительного аккорда воспоминаний вернемся к введению. Выступая в роли исследователя причин конечной неудачи русской политической полиции, Мартынов начинает не с описания детства или юности, и даже не с начала своей службы, а с организации в 1826 г. III отделения и Отдельного корпуса жандармов. Этот исторический экскурс невелик по объему, но многое дает для понимания текста и особенно подтекста его мемуаров.

Основываясь, естественно, не на личных воспоминаниях, Мартынов критикует Николая I и графа Бенкендорфа за то, что они «парили в облаках сентиментальной непрактичности»; пишет об их «маниловщине»; о том, что «в разных правительственных мероприятиях того времени было много нежизненной и идеалистической подкладки»²⁹. Знаменитая история с носовым платком императора, которым тот предложил будто бы Бенкендорфу «утирать слезы несчастным», – в ответ на просьбу пояснить, чем он должен заниматься как шеф жандармов, – абсолютно недостоверный и анекдотический слух. Тем не менее, пишет Мартынов,

²⁶ Мартынов А.П. Указ. соч. С.389–390.

²⁷ Меньшевики в 1917 году. Т.1. М., 1994. С.149.

²⁸ См.: «27-го февраля мы могли стать гражданами...» Тюремные записи В.М.Пуришкевича. Декабрь 1917 – март 1918 г. // Исторический архив. 1996. №5–6. С.123; Розенталь И.С. «Жидомасонский заговор»: из истории восприятия мифа // Россия XXI. 2001. №2; и др.

²⁹ Мартынов А.П. Указ. соч. С.30, 32.

если, согласно итальянской поговорке, это и неправда, то хорошо придумано.

Вероятно, так оно и есть, но вот имелись ли в России тогда и позже «несчастные»? Судя по всему, в том числе по описанию Февральской революции, это Мартынова совершенно не интересует, как и его коллег. Современные исследователи истории III отделения, не довольствуясь констатацией того, что мы имеем дело с вымыслом, обращают внимание на глубинную суть легенды. Она отразила патернализм самодержавия. В условиях, когда закон не защищал простого человека от произвола, III отделение выглядело органом высочайшей опеки подданных, ежегодно туда поступало до 5 тысяч просьб и жалоб³⁰. Но и в наши дни можно иными способами игнорировать, подобно Мартынову, социальные корни «крамолы»³¹.

В отношении охранников к трогательной истории с царским платком имелись нюансы. Симпатичный Мартынову Васильев и в этом пункте с ним расходится. Легенду он излагает как доподлинный факт и даже расширенно цитирует слова, якобы сказанные Николаем I: «Пусть Ваша совесть и совесть Ваших подчиненных всегда будет незапятнанной, как этот платок!», а от себя заключает, припомаживая «охранку» (несмотря на то, что ему, прокурору, эта структура не была такой «родной», как Мартынову): «Политическая полиция в царской России начиная с этого времени всегда действовала в соответствии с высокими словами правителя...»³².

Развенчав легенду, Мартынов невольно присоединился к общему негативному мнению о жандармах – «утирателях слез», как саркастически выразился однажды А.Ф.Кони. К концу XIX в. исчезли и отдельные жандармские штаб-офицеры, способные вызвать к себе уважение и добрые чувства, таких Кони еще встречал в провинции. Легенда входила

³⁰ Сидорова М. Бенкендорф // *Историк и художник*. 2004. №1. С.175; Щербакова Е.И. *Под государевым присмотром. III отделение собственной его императорского величества канцелярии (1826–1880 гг.) // Государственная безопасность России... С.107.*

³¹ Например, доказывая, что качество жизни «среднестатистического» россиянина до революции повышалось, только народ этого почему-то не сознавал – так же, как сочувствовавшие «униженным и оскорбленным» писатели-классики. Как верно замечает В.П.Булдаков, взгляд на народ на основе всецело канцелярской статистики является производным от низкопоклонства перед государственностью, выдаваемого порой за социальную историю». См.: Булдаков В. *Россия или мифы о ней? // Родина*. 2006. №8. С.7–9.

³² Васильев А.Т. *Указ. соч.* С.511.

ла теперь в совокупность монархической мифологии. Но использовалась она по-разному. Генерал Джунковский также счел нужным сослаться на «священный завет милосердия» в первом своем приказе по корпусу жандармов от 6 февраля 1913 г. – напутствии своим новым подчиненным³³, хотя, возможно, и ему было известно, что это не более чем миф. В отличие от Васильева он вовсе не думал, что политическая полиция всегда следовала «высоким словам правителя», и намеревался осуществить ее реформирование. Описывая начало своей деятельности, он добросовестно привел без каких-либо комментариев иронические сомнения, высказанные в прессе по поводу его приказа, – отрывок из статьи журналиста газеты «Утро России» Н.Лопатина, показатель – один из множества – неважной репутации политической полиции: «Мы слушали его песню и поражались. Из такого места и такие мотивы раздаются... Кто бы мог ожидать от птицы в голубых перьях настоящего соловьиного рокота?.. Мы, обыватели, пытаемся угадать, кто кого раньше переделает на свой лад: жандармы своего начальника или начальник – жандармов».

Мартынов же полагал, что все его ведомство нуждается совсем в иной «переделке» – в том, чтобы окончательно избавиться от «идеологии». Под идеологией он подразумевает этические ограничения, только мешающие делу. При Николае I и Бенкендорфе, с осуждением пишет он, правительственная власть была озабочена высокими, «идеологическими» принципами, и даже в получении секретных сведений, всегда добываемых «без особой морали, а просто подкупом», она делала ставку на «честных людей», которые будто бы сами придут и все скажут, так что поощрять их надо по преимуществу чинами, орденами и благодарностью. Главной гарантией успеха, по мнению первого шефа жандармов, была «моральная сила». Картина, нарисованная Мартыновым, не во всем достоверна, III отделение использовало и платных агентов. Современники видели, что «выгоды правительства часто основаны на нравственных непристойностях». Не сочетается с «особой моралью» и расширение как раз с того времени практики перлюстрации частной переписки (нелишне напомнить – противозаконной).

Материал для критики III отделения Мартынов черпал в значительной мере из советских документальных публикаций, соглашаясь с тем, что писали «большевистские историки» о невысоком профессиональном уровне политической полиции при Николае I и Александре II. Их

³³ Джунковский В.Ф. *Воспоминания*. Т.2. М., 1997. С.124–125.

выводы подтверждаются свидетельствами современников. Приведем только одно и тоже напоминающее анекдот – из воспоминаний П.А.Вяземского. Некий агент III отделения, выполнявший в начале 1830-х годов филерские обязанности по наблюдению за А.И.Тургеневым, пожаловался, что устал следить за наблюдаемым, который колесит по Москве из конца в конец, так что чуть ли не все жалование агента уходит на разъезды. В итоге этот агент попросил, чтобы друг Тургенева (в нем угадывается сам Вяземский) помогал ему (!) составлять ежедневные «репортиники» «о выездах и действиях» Тургенева. В этих «репортинках» фигурировали известные лица, которых посещал Тургенев, включая митрополита Филарета, и, наряду с ними, во множестве дамы и девицы разного пошиба...³⁴

О политической полиции к концу царствования Александра II Мартынов пишет, что она была более ничтожной, чем ничтожная по силе и вооружению общая полиция, и приводит слова Льва Тихомирова, в то время народовольца: «...Трудно себе представить более дрянную политическую полицию, чем была тогда»³⁵.

Можно ожидать, что за таким описанием первого этапа истории политического сыска последует изображение достигнутого затем в этой области прогресса. Но, миновав давно прошедшее, Мартынов на других страницах воспоминаний отзывается о многих деятелях политической полиции уже своего времени, особенно вышестоящих, и о том, как они руководили борьбой с врагами режима, также критически. По сравнению с «совершенно наивной и беспомощной» полицией XIX в. дело было поставлено «несколько лучше»³⁶, но, по мнению Мартынова, его коллеги в большинстве своем не были настоящими профессионалами. И в своих подчиненных по приезду в 1913 г. на новое место службы в Москву он не обнаружил «никакого горения, никакого душевного влечения к делу», это были не столько офицеры, сколько отбывающие служебные часы чиновники³⁷. Из начальников безоговорочно положительной оценки удостоен лишь М.И.Трусович: «...Ни до него, ни тем более после него такого директора Департамента полиции российское прави-

³⁴ Вяземский П.А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. М., 1988. С.364–65.

³⁵ Мартынов А.П. Указ. соч. С.36.

³⁶ Там же. С.202.

³⁷ Там же. С.324.

тельство не имело» (но, например, мнение о Трусевиче А.В.Герасимова противоположно³⁸).

Как бы ни были субъективны оценки тех или иных лиц, правоту Мартынова в целом подтверждают современные исследователи, основываясь на архивной документации. Проводившиеся тогда проверки уровня компетентности и профессионализма кадров политического сыска обнаружили, что, несмотря на все усилия по повышению этого уровня (усложнение правил приема офицеров в Корпус жандармов, специальные курсы при штабе Корпуса, составление учебных пособий и т.д.), не менее половины жандармов не отвечало предъявляемым им требованиям. Накануне Первой мировой войны почти треть руководителей политического сыска была уволена³⁹.

О том, почему «охранка» не справилась с главной своей задачей, с защитой монархического строя, размышляли многие. В числе первых попытался ответить на этот вопрос С.Г.Сватиков, комиссар Временного правительства по ликвидации заграничной агентуры Департамента полиции. Главная причина, писал он, в том, что «боязнь за неприкосновенность личности [монарха] и за жизнь правящих, боязнь террора преобладала над боязнью за старый порядок»⁴⁰. Мартынов, Герасимов и другие, конечно, не думали, что уделяли чрезмерное внимание борьбе с террористами. На указанный выше главный вопрос они отвечали по-своему, и тревожить тень Бенкендорфа понадобилось Мартынову как раз для этого. В его объяснении есть резон, во всяком случае, оно глубже, чем приводимые им слова известного британского разведчика Брюса Локкарта, утверждавшего, что руководящую роль в царской полиции «играли тупицы и продувные жулики, причем первые были несомненно в большинстве...».

Причина в другом, – пишет Мартынов, наличие «тупиц» не отрицающей, – в том, что вся государственная система была основана на «нерассуждающей» дисциплине и дворянских предрассудках. Главный из них впитался в кровь и плоть едва ли не каждого дворянина и дожил чуть ли не до революции: дворянину неприлично заниматься «делами», «торговлей» и всем, что требует постоянного, непрерывного, усидчиво-

³⁸ Там же. С.107. Ср.: Герасимов А.В. Указ. соч. С.233–234.

³⁹ Перегудова З.И. Политическая полиция России накануне и в годы революционных потрясений // Государственная безопасность России... С.292–306.

⁴⁰ Сватиков С. Русский политический сыск за границу (по документам Парижского архива заграничной агентуры Департамента полиции). Ростов-на-Дону, 1918. С.70.

го и тяжелого труда, физического и даже умственного, в том числе «черной работой» политической полиции. «Работа и служба каждого чина политической полиции требует прежде всего изучения порученного ему дела. Русский же дворянин того времени, да еще офицер по образованию, не был склонен к чему-либо систематическому»⁴¹. В близкую ему сферу деятельности Мартынов переносит известное противопоставление «обломовых» «штольцам», доказывая тем самым, как много еще оставалось даже в системе функционирования государственного аппарата и его «святая святых» – охранки – от нравов дореформенной России.

Под «черной работой» Мартынов подразумевает прежде всего вербовку агентуры и работу с ней. От секретных сотрудников поступала, по его словам, со всех концов империи лавина сведений, в том числе «весьма часто» фантастических, и многие из сотрудников официально объявлялись не заслуживающими доверия. «Хорошая агентура, – пишет он, – не фунт хлеба». Поэтому его возмущает пренебрежительное и непрофессиональное, как он считает, замечание директора Департамента полиции В.А.Брюн де Сент-Ипполита: «В ваших розыскных делах всегда трудно разобраться, где провокация, где ее нет!»⁴²

С Мартыновым солидарен его предшественник в должности начальника Московского охранного отделения П.П.Заварзин: «...Общественное мнение в части своей, до дворцов включительно, оценивало службу жандармов не только весьма своеобразно, но даже относилось к ней отрицательно»; представителей высшей бюрократии «вплоть до министров, генералов и адмиралов включительно» отличали «поверхностность, донкихотство и традиции, основанные на различных отвлеченных понятиях, не отвечавшие более действительной обстановке государственной жизни», эти деятели были «по большей части людьми политически невежественными, совершенно неспособными составить себе представление о значении революционно-оппозиционного движения в России и о необходимости с ним энергично и целесообразно бороться попутно с разумной эволюцией сверху»⁴³.

Мартынов уточнял: это особенно те лица из стоявших у власти, которые прислушивались к голосу общественного мнения, к печати, литературе и обывательскому злопыхательству. Главным проявлением несо-

⁴¹ Мартынов А.П. Указ. соч. С.33, 35.

⁴² Там же. С.143, 213, 217.

⁴³ Заварзин П.П. Указ. соч. С.22, 37.

ответствия этих лиц занимаемому положению Мартынов считает фактическое их согласие с оппозиционным (обывательским) толкованием понятия «провокация», согласно которому провокаторы – это все, кто информирует правительство о враждебных ему действиях и лицах. Между тем без такого осведомления политический розыск немислим в любой стране. Аналогичным образом высказывается руководитель Азефа А.В.Герасимов, он пишет о злоупотреблении словом «провокация», тогда как «провокатором является тот, кто сначала подбивает людей на те или иные революционные действия, а затем предает их полиции», Азеф же якобы ничего подобного не делал⁴⁴.

Ведомственный подход выливается здесь в апологетику ведомства, вразрез с изначальным обещанием нарисовать правдивую картину его деятельности. Поэтому стоит задержаться на этом «споре о словах». Тем более что он продолжается в исторической литературе, есть историки, полагающие, что во имя отказа от прежнего принципа «презумпции виновности» государства следует согласиться с руководителями охранки⁴⁵. Мартынов же повторяет в воспоминаниях то, что говорили после Февральской революции его коллеги, допрошенные в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Он пишет, что сам никогда не прибегал к действительно провокационным приемам и не знает о применении их другими руководителями политического розыска⁴⁶.

Так ли это? Поскольку Мартынов и другие охранники считают себя оклеветанными, ограничима показаниями из их же среды. Единодушие деятелей охранного ведомства кажущееся: они не обнаружили его в полной мере ни перед лицом Чрезвычайной следственной комиссии, ни в позднейших, написанных в эмиграции, то есть неподцензурных, мемуарах. Убедительные доказательства провоцирования Департаментом полиции еврейских погромов приводились еще до 1917 г., они подтверждаются новыми публикациями⁴⁷, хотя приходится встречать в литера-

⁴⁴ Герасимов А.В. Указ. соч. С.285.

⁴⁵ См. возражения: Шевырин В.М. Б.И.Николаевский и «герой» его книги // Николаевский Б. История одного предателя. М., 1991. С.20. Тютюкин С.В. Вокруг современных дискуссий об Азефе // Отечественная история. 1992. №5. С.181–183;

⁴⁶ Мартынов А.П. Указ. соч. С.217–219.

⁴⁷ См., например, публикацию письма бывшего директора Департамента полиции А.А.Лопухина П.А.Столытину (июнь 1906 г.): Из истории правительственных провокаций. Опыт исторического расследования / Публ. Ф.Лурье // Вестник Еврейского университета

туре и утверждения, что это-де всего лишь самодеятельность отдельных охранников. Мартынов высмеивает показания Джунковского в Чрезвычайной следственной комиссии по поводу «моды» охранников создавать мнимые тайные типографии, но, как видно из других мемуаров в этом же сборнике, Джунковский ничего не придумал⁴⁸.

Признавал наличие провокации генерал П.Г.Курлов, он писал, что директор Департамента полиции Трусевич, несмотря на грозные циркуляры о недопущении провокации, был ее «бессознательным попустителем», так как, оценивая работу розыскных офицеров по количеству сообщаемых сведений о революционном движении, тем самым толкал их на фабрикацию преступлений⁴⁹. И даже Васильев, говоря, что «подлинная провокация» никогда властью не поощрялась, а, напротив, сурово наказывалась, тем самым косвенно соответствующие факты признает⁵⁰. Это далеко не все из того, что рассказали сами деятели охранного ведомства в опровержение той защиты «чести мундира», образчики которой представлены в сборнике «Охранка».

Если рассуждать всецело с точки зрения технологии розыска, то главное заключается в следующем. Департамент полиции вменял секретным сотрудникам в обязанность стремиться занять в революционной организации возможно более видное положение и «не уклоняться от активной работы». Это требование вступало в явное противоречие с предупреждением не переходить «весьма тонкую черту», отделяющую осведомительную деятельность от провокации: объем получаемой агентом информации находился в прямой зависимости от степени его участия, в том числе руководящего, в революционном движении, которое, таким образом, поощрялось и оплачивалось правительством. Отсюда ясно, что остаться только осведомителем было невозможно, не говоря уже о том, что бездействие навлекло бы на агента подозрения революционеров.

Следовательно, не приходится говорить о какой-то исключительности поведения Азефа и Малиновского. Исключительным было то, что им удалось проникнуть на самый «верх» революционных партий, где, несмотря на появлявшиеся подозрения, они пользовались доверием

в Москве. 1993. №4. С.168–179.

⁴⁸ *Мартынов А.П. Указ. соч. С.404–405. Ср.: Васильев А.Т. Указ. соч. С.365–366; Герасимов А.В. Указ. соч. С.160.*

⁴⁹ *Курлов П.Г. Гибель императорской России. М., 1992. С.86–87.*

⁵⁰ *Васильев А.Т. Указ. соч. С.364–365, 386.*

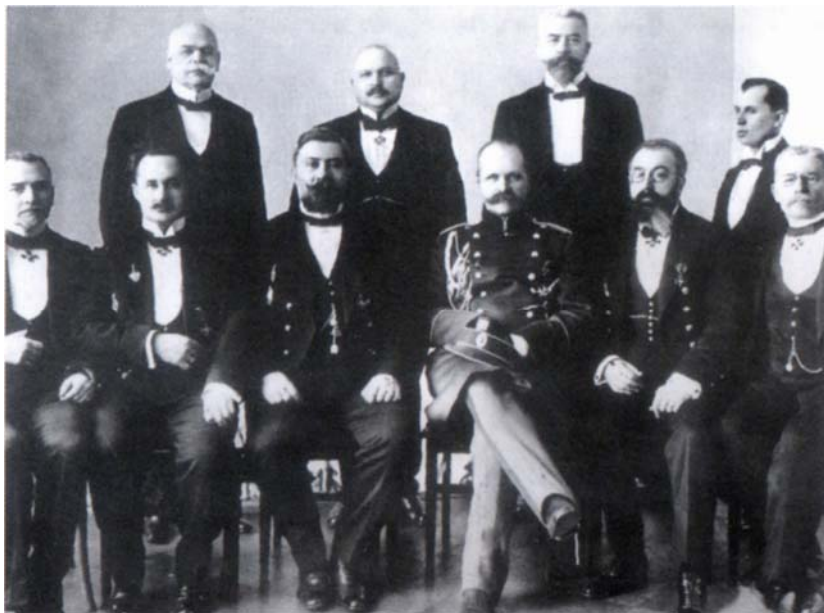
других партийных лидеров. Но это как раз и не вызывало возражений у их полицейских наставников, более того, расценивалось как большая удача⁵¹.

В итоге «выходом» из сходных в указанном смысле коллизий в первом случае явилось разоблачение в 1908–1909 гг. Азефа Бурцевым, в другом – отказ в 1914 г. Малиновского от звания депутата IV Государственной думы по требованию Джунковского. Оба раза с потерями для обеих сторон, что лишний раз подтверждает факт двойной игры агентов-революционеров. С одной стороны, «охранка» лишилась не просто ценных, но незаменимых осведомителей, с другой, – партия эсеров была деморализована, а большевики потеряли лучшего своего думского оратора, умело произносившего с трибуны Думы революционные по сути своей речи, что и было, как считал Джунковский, во-первых, прямой провокацией и, во-вторых, создавало угрозу скандала и компрометации Думы как государственного института.

Охранники-мемуаристы (впрочем, исследователи тоже) не обращают внимания на связь между двумя этими эпизодами. Между тем превентивный характер решения, принятого в отношении Малиновского, свидетельствовал о стремлении Джунковского извлечь урок из дела Азефа. Тогда Столыпин вынужден был отвечать на запрос в Думе, но, выгораживая – с подачи Герасимова – «охранку» и разоблаченного провокатора как якобы честного слугу правительства, мало кого убедил... Повторение конфуза и хотел предотвратить Джунковский. Для него (так же как для Столыпина) «представительный строй» был явлением необратимым, Основные законы 1906 г. не подлежали пересмотру. Тогда как имелись среди чиновников высшего ранга и деятели, допускавшие возможность возвращения к положению до Манифеста 17 октября, что означало бы упразднение Думы (по крайней мере как законодательного органа) и избавление от докучной для министров необходимости отвечать с думской трибуны на запросы депутатов. Усиленно домогался этого Н.А.Маклаков, министр внутренних дел после гибели Столыпина и непосредственный начальник Джунковского, сохранявший влияние на царя и после отставки, до самого конца существования монархии⁵².

⁵¹ См.: Розенталь И.С. *Провокатор Роман Малиновский: судьба и время*. М., 1996. С.15–20.

⁵² См.: *Донесения Л.К.Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории*. 1999. №7. С.7–8; Мальшева О.Г. *Становление парламентаризма в России в начале XX в. // Представительная власть в*

Руководители и чиновники Департамента полиции.

Слева направо: сидят П.К.Лерхе, С.Е.Виссарионов, С.П.Белецкий, В.Ф.Джунковский, К.Д.Кафафов, С.А.Пятницкий; стоят делопроизводители. 1913 г.

Мемуары охранников, таким образом, подтверждают, что вопрос о провокации не был терминологическим спором. Он упирался в проблему взаимоотношений власти с обществом, с общественным мнением, с Государственной думой. Иные представители власти предпочитали лишь негодовать по поводу «лживой и злостной травли» полицейского ведомства, «быть может, и далеко несовершенного, но все-таки единственного, на котором держится наш порядок и спокойствие» (это слова дворцового коменданта В.А.Дедюлина, сказанные в связи с тем, что после убийства Столыпина в 1911 г. расследовать действия (и бездействие) тех, кто отвечал за его и царя безопасность в Киеве, было поручено

России: История и современность. М., 2004. С.299–304; Розенталь И.С., Демин В.А. Николай II // Государственная дума России: Энциклопедия: В 2-х томах. Том 1. Государственная дума Российской империи. (1906–1917гг.). М., 2006. С.430–431; и др.

комиссии во главе с Трусевичем, – отсюда возмущение общественности: «охрана... сама себя ревизует»⁵³). Авторы воспоминаний, как видим, полностью от «самокритики» не отказываются, но критику «со стороны» также не принимают и пытаются выяснить, что делалось правительством, по их мнению, «не так». Кое-что добавляют они и в фактическом плане.

Таково содержание бесед Мартынова с секретным сотрудником Московского охранного отделения И.Я.Дриллихом (агенту, как это было принято в охранке, присвоили по контрасту с внешностью жгучего брюнета «нежный» псевдоним «Блондинка»). Дриллих, журналист, работавший в самой распространенной в России газете «Русское слово», осведомлял Мартынова о происходившем в редакции газеты «и о всем том, что обсуждалось, критиковалось и взвешивалось на редакционных весах». От Дриллиха Мартынов узнавал об общественном настроении Москвы, так как те, кто входил в редакцию «Русского слова», это настроение учитывали и были вместе с тем его «делателями». Узнавал также о суждениях лидеров кадетской партии, Военно-промышленного комитета и других общественных группировок, в которые был вхож агент. Только благодаря «Блондинке», охранка узнала о проводившихся конспиративно весной 1914 г. так называемых «коноваловских совещаниях» (по имени либерального фабриканта и члена IV Государственной думы А.И.Коновалова), на которых либералы, социал-демократы и представители беспартийной интеллигенции пытались договориться о координации своих действий, чтобы предотвратить возможный откат власти назад⁵⁴.

⁵³ Тайна убийства Столыпина. М., 2003. С.686.

⁵⁴ См. об этом: Розенталь И.С. Москва на перепутье: Власть и общество в 1905–1914 гг. М., 2004. С.178–187. – П.Е.Щеголев, публикуя сразу после Февральской революции и массового разоблачения агентов охраны одну из записок Дриллиха (о лицах, собиравшихся в Ясной Поляне после смерти Льва Толстого), отметил, что эта записка «по литературности изложения и толковости действительно выделялась из многого множества ординарнейших агентурных записок и обратила внимание Департамента полиции». (Щеголев П.Е. Охранники, агенты, палачи. М., 1992. С.102). Вместе с тем позднее было установлено, что Дриллих преувеличивал степень оппозиционности кадет, сообщая нередко недостоверные и фантастические сведения (Аврех А.Я. Документы департамента полиции как источник по изучению либерально-оппозиционного движения в годы Первой мировой войны // История СССР. 1987. №6. С. 39–48). Очевидно, делалось это, чтобы набить

Дриллх склонен был не только сообщать факты, но и выдвигать идеи, полезные, как ему представлялось, правительству. На этот раз мысли «Блондинки» вращались вокруг способов правительственного влияния на общественное мнение через прессу. Он полагал, что политика высших государственных лиц в этой области свидетельствует об их отсталости. Они «застыли в своем допотопном византизме, а время-то другое настало. Надо поспевать за временем!»

По мнению Дриллеха, этот «византизм», несозвучный новому времени и европейским стандартам, выражался в том, что они не продвинулись дальше организации проправительственной газеты, но кто, вопрошал он, будет верить такой газете? Действительно, самое значительное из подобных изданий – газета «Россия», превратившаяся в 1906 г. по инициативе Столыпина в негласно им руководимый правительственный официоз, – не пользовалось популярностью. Редактор консервативных «Московских ведомостей» Лев Тихомиров отметил в дневнике, что «Россия» «абсолютно нечитаема» розничными покупателями, и даже оскорбился, когда Столыпин поинтересовался, не пишет ли Тихомиров для этой газеты: «...Как не стыдно думать о таком вздоре...»⁵⁵. Правда, официозом считали и газету А.С.Суворина «Новое время», однако сам он от такой репутации своего детища всячески открепивался и даже позволял себе не помещать иные материалы, выражавшие позицию монарха⁵⁶. Да и «Россия» после смерти Столыпина была закрыта. Инспирировавший закрытие князь Мещерский считал, что лучше восстанавить прежнюю завесу государственной тайны, чем возбуждать насмешки над авторами правительственной газеты и тем самым делать смешным правительство.

Дриллх предлагал «сделать так, чтобы желательные правительству взгляды были исподволь высказаны теми публицистами, которые сейчас создают общественное мнение и настраивают публику оппозиционно». Каждого из таких известных публицистов «надо приблизить, приручить, а кое-где и просто купить!» Для этого «надо знать его слабые места и на них-то и действовать». Указав на «слабое место» фактического главного

себе цену в угоду заказчикам информации.

⁵⁵ Из дневника Л.Тихомирова // Красный архив. 1935. №5 (72). С.133. Об истории столыпинского официоза и о его сотрудниках см. подробнее: Лихоманов А.В. Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905–1907 гг. СПб., 1997.

⁵⁶ Суворин А. Дневник. М., 1992. С.404–405, 416, 417–418.

редактора «Русского слова» Власа Дорошевича – снобизм человека, поднявшегося с литературных задворков, Дриллик предлагал, действуя «по-европейски», привлекать его какими-нибудь отличиями. На другого журналиста, «прожигателя жизни» Кольшко, нужно действовать деньгами и «не скаредничать». Самому Сытину пообещать привилегию на издание учебников – «вот Сытин и у вас в кармане!» И т.д.

Еще в декабре 1905 г. о желательности «купить газеты» говорили Витте и великий князь Николай Николаевич. Тогда они пришли к выводу, что время упущено, между тем газеты «потеряли всякую меру» в критике правительства и «большинство серьезных органов уже купить нельзя»⁵⁷. Черносотенные издания существовали на средства правительства, но «ручными» они не стали, и тиражи их были незначительными. Так что Дриллик пытался сделать следующий шаг.

О том, верно ли изобразил он журналистов и издателя «Русского слова», готовы ли они были продаться и имелся ли хоть какой-то шанс осуществить эти неординарные предложения, или это не более, чем «прекраснодушные мечтания» полицейского агента, речи здесь нет. Предложения Дриллика характеризуют прежде всего его самого. Но известно, что они заинтересовали вице-директора Департамента полиции, а затем председателя Главного комитета по делам печати С.Е.Виссарионова. «Впрочем, ничего реального из этих бесед не последовало», – не без сожаления завершает свой рассказ Мартынов⁵⁸. Новейший вариант «взаимодействия» с общественностью не состоялся.

Возможно, одной из причин тому было, как выражается Мартынов, «скопидомство», о чем он пишет неоднократно, главным образом, рассуждая об агентуре: «Охали и кряхтели, когда платили Азефу 500 рублей в месяц», «широким размахом в ассигновке денежных средств на усиление политического розыска Департамент полиции не отличался»⁵⁹. Впервые обнародовал сведения о расходах на политический сыск С.Г.Сватиков: в 1916 г. было израсходовано 3 млн. руб., из них 1/10 – на заграничный сыск⁶⁰. Для сравнения: в течение 6 месяцев 1906 года в 31 губернии расходы на секретную агентуру составили 69,6 тыс. руб.⁶¹

⁵⁷ Дневник Г.О.Рауха // Красный архив. 1926. №6 (19). С.90.

⁵⁸ Мартынов А.П. Указ. соч. С.308–311.

⁵⁹ Там же. С.384.

⁶⁰ Сватиков С. Указ. соч. С.7.

⁶¹ Перегудова З.И. Политическая полиция России... С.261.

Но обычные осведомители и в самом деле получали немного, 20–50 руб. в месяц.

Это, пишет Васильев, доказывает, что материальная заинтересованность не являлась главным мотивом их предательства; чаще срабатывало обещание освободить от наказания, играла также роль слабохарактерность тех, кто попадал на удочку беседовавших с ними охранников⁶². Мартынов ставил на первое место как раз подкуп.

Первая мировая война должна была бы возродить интерес к идее Дриллиха. Департамент полиции принял закулисное участие в издании газеты «Русская воля», в которой сотрудничали некоторые патриотически настроенные писатели, но многие из приглашенных, не только Короленко, Блок и Горький, но и оборонец Плеханов, отказались, а согласившиеся (Леонид Андреев, Куприн, Бунин и другие) сделали это, разумеется, не за деньги⁶³. Как только раскрылось, что к изданию причастен Департамент полиции, газета пришла в упадок.

На фотографии, вынесенной на обложку 1-го тома сборника, изображены рядом Мартынов и Джунковский. Вероятно, это сделано с определенным умыслом: ведь в воспоминаниях первого больше всего достается второму. В Джунковском Мартынов видит человека не на своем месте – и в качестве московского губернатора (между прочим, Николай II счел восьмилетнее губернаторство Джунковского «примерным и блестящим»), и в качестве товарища министра внутренних дел. Он обвиняет его, «наивного администратора», в «либеральничании», в заигрывании с общественностью, в том, что он «не любил Корпуса жандармов», да и вообще это был «круглый и полированный дурень». Доклады Мартынова Джунковскому «имели характер манной каши, даваемой расслабленному больному, не могущему переварить более грубой пищи». И т.д. – в том же уничижительном духе⁶⁴. Пишет Мартынов и о «флюидах неприязни», видимо, обоюдных; вообще это слово он употребляет часто.

Нет необходимости вдаваться здесь в выяснение того, справедливо ли оценивал Мартынов ум и способности Джунковского. Заметим лишь,

⁶² Васильев А.Т. Указ. соч. С.358–359.

⁶³ Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка // Литературное наследство. 1982. Т.95. С.52–54; Чубинский М.П. Год революции (1917) (Из дневника) // Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С.228.

⁶⁴ Мартынов А.П. Указ. соч. С.160, 315–316, 327–348.

что не менее, если не более резко высказался на сей счет еще один мемуарист из высших чинов Министерства внутренних дел, исполнявший одно время обязанности директора Департамента полиции, К.Д.Кафафов⁶⁵. Интересно, что при этом Кафафов отдает должное трудолюбию Джунковского, тогда как Джунковский пишет о Кафафове, что «ему вполне доверял», так как тот был «человеком весьма порядочным», но «не особенно любил работать»...⁶⁶ Стоит также заметить, что оба к моменту назначения на высшие должности не имели дела с политическим розыском.

О Джунковском сохранились разнообразные отзывы, преобладают среди них положительные. Отзывы всецело негативные, или, скорее, выпады и инсинуации, принадлежат главным образом современникам из лагеря крайне правых. Либералом он, конечно, не был и диалог с обществом понимал ограниченно, как и Столыпин, но многие из знавших Джунковского ценили его за высокие человеческие качества⁶⁷. Если же попробовать понять Мартынова и Кафафова, то, по-видимому, для них – специалистов, проходивших последовательно все ступени служебной лестницы, – генерал-майор Свиты Его императорского Величества Джунковский олицетворял иную часть предреволюционной бюрократии, слой сановников, обязанных своим карьерным продвижением, как полагали они с большим или меньшим основанием, прежде всего придворным связям, а не личным дарованиям. Это несовпадение служебных биографий и ощущение недооцененности, о чем они пишут неоднократно, создавало определенный эмоциональный фон их повествования.

Известно, что, несмотря на придворные связи и расположение царя и членов его семьи (кроме царицы), Джунковский был уволен после того, как передал царю докладную записку о похождениях Распутина. Опровержение этого факта у Мартынова не выдерживает критики, так как он неправильно датирует докладную записку 1914 годом, на самом же деле все это происходило в 1915 г. После отставки Джунковский попросил

⁶⁵ Кафафов К.Д. *Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. №5. С.80–84 и др.*

⁶⁶ Джунковский В.Ф. *Указ. соч. Т.2. С.128.*

⁶⁷ См. подробнее: Пушкарева И., Перегудова З. В.Ф.Джунковский и его воспоминания // Джунковский В.Ф. *Указ. соч. Т.1; Розенталь И.С. Москва на перепутье... С.55–60, 64–67, 69–71.*

направить его в действующую армию; этот факт тоже комментируется иронически – на низшую для генерала должность командира бригады! – однако к 1917 г. он командовал корпусом. Возможно, на отношение эмиграции к Джунковскому повлияло и то обстоятельство, что генерал, вышедший в отставку накануне октябрьского переворота (по нездоровью и чтобы «не участвовать в развале армии»), в гражданскую войну не сражался на стороне белых и остался в советской России.

С обстоятельными воспоминаниями Джунковского Мартынов не мог быть знаком, они увидели свет лишь в 1997 г. Сравнительный анализ мемуаров обоих в сопоставлении с другими источниками показывает, что в ряде случаев Мартынов искажает истину. Если суммировать все, что сказано Мартыновым о конкретных действиях своего шефа по существу, то неожиданно выясняется, что разногласий между ними не было. Так, Мартынов пишет об органическом своем отвращении к людям вроде Распутина, не отрицает он, что, как и Джунковский, был против избрания Малиновского депутатом Государственной думы (правда, потому прежде всего, что лишился тогда ценного агента в Москве)⁶⁸. Но совпадение их взглядов по другим вопросам он замалчивает. С удовлетворением сообщается, что Департамент полиции в 1914 г. уничтожил районные охранные отделения⁶⁹; между тем это произошло по инициативе Джунковского, о чем Мартынов не пишет, чтобы не упоминать генерала в положительном ключе (целесообразность этой меры мы здесь не рассматриваем⁷⁰).

⁶⁸ Мартынов утверждает, что Джунковский «подтасовал» рассказ об удалении Малиновского из Думы: «миссию уговора» Малиновского осуществил по поручению Джунковского он, Мартынов, в Москве, куда приехал для этого Малиновский, а не начальник Петербургского охранного отделения генерал Попов (Мартынов А.П. Указ. соч. С.405–407). По всей вероятности, имело место то и другое. Свидетельство Джунковского полностью подтверждается показаниями П.К.Попова о двух его – вместе с ротмистром В.Г.Ивановым – встречах в 1914 г. с Малиновским в Петербурге, где этот вопрос был окончательно решен (Дело провокатора Малиновского. М., 1992. С.151–152, 172–173; Розенталь И.С. Провокатор Роман Малиновский... С.146–147).

⁶⁹ Мартынов А.П. Указ. соч. С.219–220.

⁷⁰ З.И.Перегудова считает эту реорганизацию, осуществленную в 1913–1914 гг. Джунковским, мерой ошибочной. По убеждению же самого Джунковского, многочисленные районные охранные отделения в тех губерниях, где революционное движение было уже подавлено, превращались в рассадники провокации (См.: Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т.1.

Известно, что А.И.Гучков, считавший первостепенной задачей восстановление военной мощи России после поражения в русско-японской войне, обратил внимание на слежку жандармов за армейскими офицерами. Это, утверждал он, подрывает престиж офицерского корпуса и тем самым ослабляет вооруженные силы⁷¹. Мартынов также считал ошибочным насаждение жандармами агентуры из солдат. Между тем Джунковский, вступив в должность шефа корпуса жандармов, упразднил эту агентуру, как источник провокации, заручившись поддержкой главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа великого князя Николая Николаевича (военный министр Сухоминов, который «не любил задумываться и углубляться в дело», проявил обычное свое равнодушие, но не мог не подчиниться)⁷².

Соображения, которыми руководствовался Джунковский, не были всецело этическими. Свое решение он мотивировал, во-первых, тем, что использование жандармскими офицерами агентов из числа нижних чинов развращает войска и расшатывает дисциплину, – мотив, близкий тому, который отстаивал Гучков и поддерживали генералы, – и, во-вторых, бесспорным провоцированием жандармами волнений в Туркестанском военном округе в 1912 г. (восстание солдат-саперов в ташкентских лагерях). Тем не менее Мартынов и здесь не счел нужным отметить, что решение, принятое Джунковским, отвечало и его взглядам. Можно сказать, исходя из последующих событий, что ошибались оба, но оба имели в виду армию довоенную, не прогнозируя ее разложение и революционизирование во время Первой мировой войны.

Пристрастность Мартынова обнаруживается и в другом случае. В дневнике министра народного просвещения в правительстве Витте графа И.И.Толстого описывается скандал в саратовском сельскохозяйственном училище: местный жандармский поручик организовал проверку политической благонадежности преподавателей через агентов-учеников, эти ученики жаловались поручику на учителей, которые ставили им единицы якобы за то, что они «любят царя» и т.д. Хотя Толстой называет сообщение анекдотом, но не в смысле полного неправдоподобия, ревизия, пишет он, открыла «возмутительную картину жандармской провокации». Сомнение вызывает лишь реакция – согласно Тол-

С.217–218; Перегудова З.И. «Охранка» глазами охранников... С.10–11).

⁷¹ Александр Иванович Гучков рассказывает... С.94–99.

⁷² Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т.2. С.178–181.

стому – Столыпина: «Мне стыдно служить в такой помойной яме, как Министерство внутренних дел»⁷³. Что безусловно, так это то, что позже, в 1913 г., подобная же история в петербургской частной гимназии Витмер побудила Джунковского покончить с такой практикой⁷⁴. Однако Мартынов и здесь промолчал, никак не выразив свое отношение и к самой практике, и к решению Джунковского.

Итак, «специалист подобен флюсу...»? Но в качестве окончательного вывода этот заведомый трюизм недостаточен. Да, симпатии и антипатии занимают в воспоминаниях, как занимали и в реальной жизни, изрядное место. Мемуаристы вспоминают застарелые обиды, сводят задним числом счеы. Общее желание показать в лучшем свете ведомство, в котором они служили, или же его нереализованные (не по их вине!) потенции выливается нередко в самовозвеличение. Было бы опрометчиво принимать на веру все содержащиеся в мемуарах оценки, в том числе персональные. Но они отражают – пусть даже не с зеркальной точностью – состояние правящего слоя накануне 1917 года.

Имелись, разумеется, в этой среде разные оттенки монархизма, и, как явствует из сказанного об авторах воспоминаний, преданность монархии даже у них, руководителей охранявшей режим тайной полиции, нельзя считать безоговорочной. Не была совершенно однородной и критикуемая в мемуарах центральная и местная администрация. Генерал А.И.Деникин, назначавший в годы гражданской войны на контролируемой им территории губернаторами преимущественно тех, кто занимал эти должности до Февраля 1917 г., отметил, правда, что их психология, мировоззрение, навыки, привычки остались прежними – «для них все было в прошлом»⁷⁵. Но для одних дорогим прошлым была Россия до 1905 года, для других – «думская монархия».

Среди высших бюрократов И.И.Толстой, решительный противник продолжения политики государственного антисемитизма, был исключением, но и это свидетельствует о неоднородности правящей элиты. Во взглядах мемуаристов-охранников по этой части больших различий нет,

⁷³ Толстой И.И. *Дневник. 1906–1916*. СПб., 1997. С.4–5. – К политике Столыпина в целом и к его личности Толстой относился отрицательно, хотя и признавал, что тот, будучи «решительным, энергичным и крайне самоуверенным», «по-своему любил Россию» (См.: Там же. С.374).

⁷⁴ Джунковский В.Ф. *Указ. соч.* Т.2. С.177–178.

⁷⁵ Деникин А.И. *Очерки русской смуты // Вопросы истории.* 1994. №4. С.81.

хотя и выделяется Васильев, заявляющий, не заботясь о логике и последовательности, что, во-первых, притеснения евреев в России – вымысел левой прессы и, во-вторых, их все-таки притесняли, «но, к сожалению, не так эффективно, как следовало».

Изображенные в мемуарах противоречия внутри правящего слоя были отчасти порождением архаической системы отбора на государственные должности. Кроме того, что об этом пишет Мартынов, имеется много аналогичных свидетельств современников. Вот одно из них – запись в дневнике В.М.Голицына, бывшего московского губернатора и городского головы, чей либерализм нельзя приписать неосведомленности и предвзятости. В России, констатировал он, нет чувства «служения делу по долгу и притом не иначе, как во всеоружии знания этого дела», служаг «либо из честолюбия, то есть почестей, либо из-за вознаграждения», причем «честолюбие, как оно у нас понимается, не есть ли только тщеславие?». «...Из плохенького офицера или адъютанта делают губернатора, из корпусного командира – министра»⁷⁶.

Можно также вспомнить событие, имевшее громкий резонанс: 28 мая 1908 г. на заседании Думы Гучков выступил против традиции назначения на высшие должности в армии великих князей («во главе главных отраслей военного дела стоят безответственные люди, которые окружены безответственными помощниками»). Гучков призвал их отказаться «от некоторых земных благ и некоторых радостей тщеславия», связанных «с теми постами, которые они занимают». Николай II возмутился тем, что Гучков вынес все это «на публику», огласив «синодик» (поминальный список). Практическое же решение проблемы, наличие которой царь не отрицал, свелось к полумере: начальники главных военных управлений, те же великие князья, стали именоваться генерал-инспекторами, правда, с несколько ограниченными полномочиями⁷⁷.

Щеголя эрудицией, Мартынов цитирует Оскара Уайльда: «Опыт есть сумма сделанных ошибок». Из анализа охранниками их опыта на-

⁷⁶ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф.75. Т.30. Л.446 об.–447. См. подробнее: Розенталь И.С. Москва на перепутье... С.43–46.

⁷⁷ Александр Иванович Гучков рассказывает... С.53–55. – Автору настоящей статьи приходилось уже писать о Гучкове. Из сообщаемых здесь и ранее фактов, однако, не следует, что Гучков был «авантюристом», «министром-капиталистом», «слишком переоценил роль своей личности» и т.д. – эти слова автору не принадлежат (См.: Политический журнал. 2006. №37–38. С.90).

прашивается еще один вывод. Желая показать, что «охранка» не была таким уж монстром, что в отличие от органов ВЧК она действовала в рамках закона, не обладала карательными функциями, не выносила и не приводила в исполнение смертные приговоры (это действительно так), мемуаристы склонны сожалеть об ограниченности своих возможностей в предреволюционный период. Отсюда критика не только действительно обветшалого в государственном устройстве царской России, но одновременно и в известном противоречии с этим тяготение (там, где говорится о Джунковском, и в других местах) к идеальной с их точки зрения системе власти, более авторитарной, чем дореволюционная. Этот идеал не сформулирован, но ясно, что мемуаристов устроила бы власть, способная не считаться с общественным мнением, или вообще перекрыть каналы его выражения, или как минимум подчинить их себе.

Ведомственность приводит в данном случае к тому, что под пером мемуаристов ненавистная им большевистская диктатура невольно превращается если не в образец, то в предмет потаенной зависти, в чем прямо они никогда бы не признались. Ведь решающим преимуществом, обеспечившим победу красных в гражданской войне, явилось то, что, полностью отрешившись от каких-либо моральных «предрассудков» в политике, они, по словам современного историка, «обеспечили гораздо большее государственное насилие по отношению к своим врагам, населению в целом, чем их противники»⁷⁸.

Террористический аппарат ВЧК действовал фактически бесконтрольно. Ни с какой общественностью он не считался. 19 декабря 1918 г. ЦК РКП(б) запретил критику ЧК в прессе – в прессе коммунистической, так как прессу других партий, да и беспартийную, уже ликвидировали. Причем свои системообразующие черты «органы» сохраняли и после гражданской войны, на протяжении всей советской эпохи⁷⁹. Нельзя не заметить смыслового сходства между раздраженными филиппиками мемуаристов-охранников против «заигрывания» с доре-

⁷⁸ *Леонов С.В. Государственная безопасность Советской республики в пору Октябрьской революции и гражданской войны (1917–1922 гг.) // Государственная безопасность России... С.339. – Согласно приводимым здесь приблизительным оценкам, общее число жертв ВЧК составило от 140 тыс. до 250 тыс. человек, а переполненные тюрьмы были забиты, по признанию Ф.Э.Дзержинского, главным образом рабочими и крестьянами (См.: Там же. С.414, 357).*

⁷⁹ *Леонов С.В. Указ. соч. С.376, 422–424.*

волюционной общественностью, против «обывательского злопахательства» и словами В.И.Ленина о ЧК: «Когда я гляжу на деятельность ЧК и сопоставляю ее с нападками, я говорю: это обывательские толки, ничего не стоящие»⁸⁰.

Между тем деятели охранки, согласно Мартынову, накануне Февраля 1917 г. были стеснены в своих действиях. В верхах, пишет он с досадой, тогда различали революционные и оппозиционные силы (подразумевается – не нужно было их различать). Лидеры последних рассматривались как «персона грата», «воздействие на них» охранка не могла осуществлять самостоятельно, «верхи же нашего министерства (внутренних дел. – *И.П.*) были скованы взаимодействием разных факторов, имеющих решающее значение, из которых перенесение распорядительных функций из рук центрального правительства в военные руки Ставки сыграло главную, все тормозящую роль!»⁸¹ (Николай II здесь не назван, но во главе Ставки находился с 1915 г. именно он как верховный главнокомандующий.)

Зависть на подсознательном уровне могла порождаться и тем, что в отличие от Красной армии, где в период гражданской войны служили 73 тыс. «военспецов» (хотя и ненадежных, изменявших и подвергавшихся чекистским, то есть часто неоправданным, репрессиям) – против 100 тыс. генералов и офицеров в составе белых армий, – в систему ВЧК старые кадры попадали в ограниченных масштабах и использовались лишь на технических должностях (шифровальщиков, перлюстраторов) и в роли консультантов; они не могли быть даже лекторами на курсах для чекистов. После не слишком продолжительных споров и колебаний руководство ЧК стало активно заимствовать старый опыт, в том числе практику вербовки «секретных сотрудников» на основе инструкций охранки, неотделимую от применения провокационных методов⁸². Но на подбор чекистских кадров это не повлияло.

Дело, по-видимому, в том, что мировоззрение носителей этого опыта, специалистов политического сыска старой школы не имело точек соприкосновения с доктриной и традициями большевизма, без чего их использование наравне с новыми кадрами было невозможно. Не говоря уже о неподходящем «классовом происхождении», у подавляющего

⁸⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.37. С.173.

⁸¹ Мартынов А.П. Указ. соч. С.390–392.

⁸² Леонов С.В. Указ. соч. С.352–354.

большинства этих специалистов отсутствовало то «революционное чутье», которым руководствовались чекисты, осуществляя беспрецедентный «красный террор». Поэтому деятели царского политического розыска не имели шансов влиться в новую правящую элиту и подлежали уничтожению независимо от их конкретных деяний после 1917 года. Неизвестно, на чем основывается Заварзин, утверждая, что в живых осталось менее десяти процентов жандармских офицеров, но вряд ли он сильно ошибался⁸³.

Критерий подбора чекистских кадров сформулировал Дзержинский: «Если приходится выбирать между безусловно нашим человеком, но не совсем способным, и не совсем нашим, но очень способным, – у нас в ЧК необходимо оставить первого»⁸⁴. Следовательно, профессионализм этих кадров был неизмеримо ниже, чем качество основной части дореволюционных кадров охраны, не соответствовавшее, как мы видели, тогдашним требованиям. Достаточно сказать, что до 80% чекистов имели начальное образование или не имели никакого, среднее имели 19,1% и высшее – 1,3%. Историк ВЧК С.В.Леонов, выясняя причины красного террора, указывая на обстановку взаимного ожесточения в гражданской войне и стремление большевиков во что бы то ни стало удержаться у власти, обращает внимание также на профессиональную неподготовленность, малограмотность основной массы сотрудников ЧК, и этот фактор, наряду с прочими, явился причиной массовых, «слепых» репрессий⁸⁵.

Тем не менее в первые годы советской власти современники, хорошо знавшие, кто служит в ЧК, не отказывались от сравнений по аналогии. «Чрезвычайки» напоминали даже коммунистам и некоторым чекистам отколовшуюся «от нашей партийной семьи» «касту прежних жандар-

⁸³ Заварзин П.П. Указ. соч. С.9. – Заварзин пишет, что начало репрессиям положило Временное правительство, но потом оно одумалось. Однако его утверждение, будто С.Г.Сватиков «после уничтожения им всех организаций заграничного розыска разыскивал по Парижу уволенных жандармов и упрашивал их вновь наладить секретную агентуру в большевистской среде», не согласуется с взглядами Сватикова и с тем, что известно о его деятельности (См.: Заварзин П.П. Работа тайной полиции // «Охранка». Т.1. С.421. Ср.: Маркедонов С.М. С.Г.Сватиков – историк и общественный деятель. Ростов-на-Дону, 1999).

⁸⁴ Леонов С.В. Указ. соч. С.350.

⁸⁵ Там же. С.360.

мов» и «прежнюю охранку», а другие шли еще дальше, видя в произволе ЧК одно из проявлений вырождения диктатуры пролетариата и РКП, превращавшейся «в противно-замкнутую и отвратительно-самодержавную касту»⁸⁶. Таковы были впечатления тех, в чьих глазах охранка оставалась символом «проклятого прошлого».

Понятно, что мемуаристы-охранники не согласились бы и с частичным уподоблением ЧК охранке. Но, изучая революционную трансформацию России, нельзя пренебречь впечатлениями ни с той, ни с другой стороны. Ибо так или иначе переживалось реальное, хотя и не прямолинейное движение от идеализма в политике (авторы рассматриваемых мемуаров его преувеличивали) к прагматизму, от романтического доктринерства к соображениям «удобства» властвования и подчинения, без «излишеств» – этических и правовых. При этом главная особенность взгляда наших мемуаристов – отождествление ведомственного интереса с интересами государства, противопоставленного обществу.

⁸⁶ Там же. С.418; *Неизвестная Россия. XX век. М., 1992. С.13–16.*

Ходячее выражение о том, что жизнь ученого заключается в его произведениях, следует сильно ограничить.

Георг Кристоф Лихтенберг

**Так как каждый человек может
сойти с ума, то я не вижу
оснований, почему это не может
случиться и с целой мировой
системой.**

Георг Кристоф Лихтенберг

Илья Смирнов

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПРОВАЛ

РЕДАКЦИОННАЯ ПОЧТА

«The Russian history» textbook by G.A.Eliseev, S.V.Alekseev and D.M.Volodikhin was published in 2006 and was allowed to educational institutions by the Russian Federation Ministry of education (already renewed, reorganized ministry). On behalf of all Russian science the ministry has certified with the state seal those amazing discoveries that lie in wait of young readers right from the first page of the textbook's first chapter and onwards. And the ministry has approved the remarkable methodology offered by the authors of the textbook instead of the bleak «positivism». Previously the creative freedom was restrained by requirement of some arguments and evidence, substantiation or at least the precise definition of terms. Now these remnants of the totalitarian regime are dismantled. Aveskhan of Macedonia congratulates the authors of the textbook and their ministerial patrons with the victory they secured.

Новый учебник истории для среднего профессионального образования¹ замечательный с первых же строчек.

«Языковеды установили, что разделение индоевропейского языка на отдельные ветви (индоиранскую или арийскую, славянскую, германскую и т.д.) произошло в начале III тысячелетия до н.э.»

На той же самой странице, несколькими строчками ниже, читаем:

«Выделение древних славян из индоевропейского единства произошло во II–I тысячелетиях до н.э.»

Полторы тысячи лет сюда, полторы обратно – какая разница? Стоит ли размениваться на такие мелочи, если главный исторический факт зафиксирован на титульном листе:

«Допущено Министерством образования и науки Российской Федерации...»

Министерство утвердило –
Значит, так оно и было!

Славяне являлись на планете два раза. Сперва – в начале III тысячелетия. *«Осмотрелись они, оклемались...»* Бронзовый век не понравился. Решили дематериализоваться, временно растворившись в индоевропейских массах. Может, просто паспорта поменяли, будто не славяне вовсе, а какие-нибудь хетты. И только к концу II тысячелетия решили, что пришло время выходить из подполья, обстановка благоприятствует, и явились снова под своим славным именем...

Хотя с именем тоже не просто. Авторы сообщают, что в древности оно звучало как «словене». Поэтому... *«во II в. греческий географ Птолемей впервые упоминает их под собственным именем ("ставаны")»*. II век нашей эры и II тысячелетие до, опять же, не совсем одно и то же, да и «ставаны» похожи на «словен» примерно как Птолемей на Прометей. Но авторы учебника с легкостью разрешают загадку. Птолемей, конечно, запоздал, *«однако до этого они (славяне) были уже известны, но только как "венеды"»*.

А теперь остановимся на секунду и зададимся вопросом: каким образом С.В.Алексееву с соавторами удалось получить от древних греков информацию о том, что под «венедями» подразумевались именно те, кто в то время не имел никакого определенного имени?

Тут ученость не для среднего ума.

¹ Алексеев С.В., Володикин Д.М., Елисеев Г.А. Отечественная история. М.: Форум: Инфра-М, 2006.

Может быть, кому-то покажется, что рецензент излишне патетичен и поэтичен (маленький стихотворный экспромт на вечную тему «*что есть истина*»). Но я всего лишь стараюсь соответствовать тому высокому уровню (научному и литературному), который задает рецензируемый учебник.

Вот для сравнения натуральная из него цитата.

«Средневековье было далеко от идеала всеобщего мира (?? – А.М.), впрочем, к нему не приблизилось и наше время. Однако все же между христианскими странами отношения строились на несколько иных началах. Правила справедливой войны, например, подразумевали сохранение независимости побежденного государства (?! – А.М.) и заключение справедливого (? – А.М.) мира. Давно отошло в прошлое в Европе уничтожение целых городов и тем более стран с истреблением или вводом в рабство их населения...» (С.72).

Что за «правила» предписывали средневековым правителям сохранение независимости побежденного государства (например, Англии от Вильгельма Завоевателя) и запрещали уничтожение городов (не только неприятельских, но порою даже собственных) – опять же, мудрость неизъяснимая. И такой мудростью проникнут весь учебник.

Называется: «*цивилизационный подход*». И внедряется у нас с начала 90-х годов в общем подарочном наборе «реформ» как некая новая методология для историков. «*Немарксистская, ох, немарксистская*». Автор этих строк уже имел сомнительное удовольствие рецензировать «*цивилизационные*» учебные пособия. И пришел ко вполне определенному выводу². Некоторым он показался слишком резким. Почему мракобесие? При чем здесь Т.Д.Лысенко? Может быть, в погоне за модой коллеги просто немного увлеклись, а вы их обижаете такими грубыми сравнениями.

Даже для серьезных историков, весьма далеких от вышеупомянутого «*подхода*», характерен примирительный тон: да, конечно, внятного определения «*цивилизации*» до сих пор не предложено, сколько их было – бог весть, потому что нет никаких критериев для разграничения, «*возможны всякие спекуляции вплоть до сведения любого этноса к цивилизации*», и «*если в последней четверти XX в. многие исследователи развивающихся и постсоциалистических стран рассчитывали, что цивилизационная методология позволит им избежать отставания в теории*

² См.: Смирнов И. Либерастия. Гл.12. <http://www.screen.ru/Smirnov/12.htm>
<http://www.tuad.nsk.ru/~history/Author/Russ/S/Smirniv/liber/glava12.html>

от зарубежных коллег, то в XXI в. с подобными иллюзиями приходится расставаться». Казалось бы, приговор. Но дальше, как ни в чем не бывало: «это не значит, что цивилизационное направление изучения истории не имеет права на существование и его не нужно развивать»³.

«Развивать» – что? Иллюзии? Спекуляции?

А вот то самое, что достойно представляет учебник Алексева, Володихина и Елисеева «*Отечественная история*». Здесь «подход» заявлен с предельной откровенностью. Чего стесняться-то перед «*учреждениями среднего специального образования*»?

«...Идеал – высшая ценность цивилизации (иначе говоря, «сверхценность»). И любая цивилизация существует, только пока верна ему (?? – А.М.) Устойчивая преданность народа высшему идеалу цивилизации называется Традицией... Когда она ослабевает, происходит крушение цивилизации. Подобного рода идеал – во-первых, высшая истина, открытая цивилизации (?? – А.М.), и, во-вторых, программа, по которой она строится и перестраивается, нечто вроде архитектурного плана, рассчитанного на множество столетий» (С.4).

Кем «рассчитанного»? Какое отношение к науке имеет этот самодеятельный оккультизм?

Далее трепотня, то есть, извините, «дискурс», плавно перетекает к родным березкам. Оказывается, «жизненный цикл» цивилизации «рассчитан» таинственными архитекторами (то ли мадам Блаватской, то ли инопланетянами) на 1000–1200 лет. Соответственно, в России этот цикл начинается с принятия христианства. А заканчивается... монголо-татарским нашествием в середине XIII века. Но не огорчайтесь раньше времени: «*последняя треть того же века открыла историю Второй Русской цивилизации, новорожденной*». А может быть, и не открывала? Может, и не открывала, соглашаются авторы. Это уж как кому сподручнее, так он и карты перетасует. Хотите – можете считать, что продолжалась та Первая Русская цивилизация, которая от князя Владимира. Но «*вне зависимости от того, кто прав в данном споре (в каком «споре»?* о чем?! – А.М.), *погибла она в огне гражданской войны, последовавшей за революционными событиями 1917 г.*» (С.5).

А дальше-то что? Дальше у нас был «*межцивилизационный промежуток*» (С.405), «*красная Империя, безбожная и лишенная здоровых корней*» (С.363), после чего, «*в соответствии с гипотезами некоторых*

³ Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М.: Восточная литература, 2006. С.45.

историков, начала медленно подниматься Третья Русская цивилизация. Совершенно новая» (С.5).

Политический заказ на изъятие из истории того, что в данный момент неуютно начальству, исполнен с исключительным усердием. В «*межцивилизационный промежуток*» пытаются спихнуть не просто отдельных «врагов народа», партии или социальные группы, но целую эпоху, которая, оказывается, не заслуживает элементарного уважения. И внимания тоже не заслуживает. Поменьше рассказывать о XX веке – сознательная установка, провозглашенная во введении, рядом с основными принципами «*цивилизационной теории*» (С.6). И в одной из рекламных публикаций, сопровождавших презентацию нового учебника, авторам прямо ставится в заслугу то, что «*значительно сокращен объем, отданный советскому периоду*»⁴. В прежних пособиях он занимал непропорционально много места – а что значат 70 лет по сравнению с тысячелетием?

Тонко подмечено. Если довести плодотворную идею до логического завершения, тогда 9/10 объема в учебнике истории любой страны должно приходиться на первобытнообщинный строй.

А вот как это выглядит на практике уже сегодня. Проблеме «*софийности*» – составляет ли эта самая «*софийность*» четвертую ипостась Бога или не составляет? – уделено в полтора раза больше места, чем итогам Второй мировой войны (С.360, 404). Игнатию Брянчанинову – в пять раз больше, чем С.П.Королеву и Ю.А.Гагарину вместе взятым (С.316–317, 411).

На фоне такого отношения к подвигам, действительно составившим славу России, красивые слова о патриотизме – мы, дескать, «*писали эту книгу, склонив головы перед величием нашего Отечества*» и пр. (С.7), – звучат как особо циничная издевка. И важен ведь не только объем – много или мало? – но и что написано. И в каком тоне. О некоторых персонажах – с таким рекламным пафосом, как будто их в Думу выдвигают. О других – бюрократической скороговоркой, чтобы поскорее отделаться (о том же Юрии Гагарине, например). Наконец, о третьих – так, что волей-неволей вспоминается басня Крылова. Догадаетесь, какая (вопрос к Единому Экзаммену). Жертвами «*цивилизационного подхода*», местами переходящего в трамвайное хамство, стали не только деятели советской эпохи («*психически не совсем нормальный большевик Ф.Э.Дзержинский*» (С.366), но и классики отечественной культуры,

⁴ Федоров К. Бои за прошлое России <http://www.apn.ru/opinions/print9952.htm>

даже некоторые цари. «Суть» петровских преобразований состояла, оказывается, в том, что *«Петр I выломал одну из стен русского дома»* (С.264). Вариант: *«пробоина в днище русского корабля»* (С.267). Что конкретно ломал хулиган П.А.Романов – пол или стену, – так и останется неясным для учащихся средних специальных учебных заведений. Зато они усвоят главное: при Петре Россия страдала от *«избытка европейскости»*. Вместо *«старой, наработанной системы... воздвигся нежизнеспособный фантом»*. И еще происходило *«утеснение гуманитарного знания»* (С.277). Интересно было бы знать, какие конкретно события скрываются за последней формулировкой? Тайна сия велика есть.

Особую неприязнь у сочинителей учебника вызывают их коллеги на ниве просвещения. Н.И.Новиков, например. Что должно знать подрастающее поколение о замечательном книгоиздателе XVIII столетия? Что он был *«склонен к политическому интриганству»* (С.302). Неукоснительному разоблачению подвергаются всевозможные *«еретики»*, начиная с Л.Н.Толстого, у которого не жизнь и творчество, а сплошные *«будто бы»* (С.344), и далее в глубь истории.

«Во второй половине XIV в. на северную Русь обрушивается туча ереси... Сторонников этого антихристианского учения именуют стригольниками. По всей видимости, в стригольнической ереси проявились остатки русского язычества» (С.156). *«В митрополиты Московские был поставлен Зосима, склонный к "ереси жидовствующих"». Суть ереси состояла в уклонении от православия в иудейское учение каббалистики и тайную науку чернокнижия. Однако через несколько лет религиозные пристрастия митрополита, а также его пьянство вызвали всеобщее возмущение в Церкви... В 1504 г. церковный собор осудил ересь жидовствующих... Главнейшие еретики отправались на костер...»* (С.160).

Сочинитель этого конкретного фрагмента – доцент Д.М.Володихин. Преподает источниковедение. Вроде бы должен понимать, что такое «критика источника». Простенький, для первокурсника вопрос: откуда поступила информация, что стригольники не христиане, а *«остатки язычества»*? Со слов тех, кто отправлял еретиков на казнь?

Дипломированные историки XXI века оправдывают костры инквизиции, повторяя на голубом глазу тогдашние обвинения. С таким же успехом можно использовать речи Вышинского как источник достоверных сведений об «антипартийной оппозиции».

Факт: при дворе Ивана III сформировался кружок образованных вольнодумцев во главе с дьяком Федором Курицыным. Они были осуждены и казнены за «*уклонение в иудаизм*». Конечно, с точки зрения современного цивилизованного человека «*уклонение*» в иудаизм или буддизм (равно как и в «*антипартийную оппозицию*») не содержит в себе ничего аморального или преступного. Другое дело – средневековое правосознание. Для него «*отречение от Христа*» и впрямь страшнее государственной измены. Но у нас есть серьезные основания полагать, что далекие предтечи нынешней интеллигенции оказались жертвами не религиозной распри, а заведомой клеветы своих политических противников («*иосифлян*»). Исследовав «*Лаодикийское послание*» – «*по существу, единственный полноценный памятник*», оставшийся от Ф.Курицына и его товарищей, – профессор А.Л.Юрганов пришел к выводу, что в этом источнике речь идет об апостоле Павле, а «*весь пафос послания – в торжестве христианства*»⁵.

Авторам учебника «*Отечественная история*» такие тонкости неинтересны. Их «*цивилизационная*» методология точь-в-точь как в старом анекдоте. «Ну и что, что не было? Мое дело сказать».

А язык-то русский как хорош у самозванных защитников «*высокоразвитой культуры*» Отечества. Церковь «*вынуждена была констатировать отлучение графа Толстого*» (С.344). «*Констатировать отлучение...*» Или: «*в отсутствие императора демонстранты-забастовщики, направленные к Зимнему дворцу доселе проправительственным "Собранием русских фабрично-заводских рабочих" (лидер – Г.Гапон), вступили в столкновение с войсками и полицией*» (С.350). Можно ли извлечь из этого текста сколько-нибудь внятное представление о событиях 9 января 1905 года? Наверное, да. Что демонстранты напали на «*войска и полицию*».

Можно долго развлекать читателей отдельными перлами «*цивилизационного подхода*» к российской истории. Оказывается, не только П.А.Столыпин «*погиб в результате эсеровского теракта*» (С.354), но и Е.Азеф был убит эсерами (С.348). Азефа, надо полагать, просто перепутали с Гапоном. Что касается убийства Столыпина в киевском театре, то его убийца, авантюрист Д.Г.Богров, в ранней юности действительно примыкал к эсерам. Но потом ему стали ближе анархисты. А еще ближе – полиция, в которой он состоял секретным сотрудником и от которой

⁵ Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, Институт «Открытое общество», 1998. С.258.

как раз и получил пропуск в партер, где мог беспрепятственно подойти к премьер-министру с оружием в руках⁶. Но если рассказывать об этом всерьез, то, не ровен час, пострадает ореол святости вокруг последнего русского императора...

Забавно и то, как авторы противоречат сами себе, и не только в деталях, но и в основных положениях своей, извините за выражение, историсофии. Только что нас пытались убедить, что «цивилизации» – это подразделения, на которые поделили человечество неведомые «архитекторы». Россия направо, Европа налево – кругом марш! И вдруг на с.49 тем же словом обозначается определенный уровень развития, противопоставляемый «варварству». Существовала ли русская цивилизация при княгине Ольге? – таким вопросом задаются авторы, и сами на него отвечают: нет, Ольга только «заложила фундамент». Ведь при ней «на Руси... не сложилось еще полноценного единого государства» (С.50).

Скажу по секрету, что в Древней Греции никакого «полноценного единого государства» не сложилось вообще. Фидий и Пифагор прозябали в «варварстве».

Как отмечают авторы во введении, «наша работа целиком и полностью принадлежит академической научной традиции» (С.6). Как говорится, сам себя не польешь – завянешь. Чтобы оценить научную достоверность этой «традиции», нужно написать книгу, как минимум, сопоставимого объема – 450 страниц. А скорее всего, много большего, потому что размашистые обобщения и «высшие истины», взятые авторами с потолка, придется опровергать по пунктам, ссылаясь на конкретные источники и литературу. Стоит ли тратить на это время? Ведь очередное достижение «образовательных реформ» только замаскировано под учебник истории (и замаскировано очень небрежно). А на самом деле относится совсем к другому жанру. И по стилю, и по уровню аргументации это политический агитпроп.

Гриф Министерства образования и науки РФ на листовке объемом в 450 страниц не оплошность, не невежество и не коррупция, а большая серьезная политика.

«Цивилизационный подход» в разных модификациях, от либеральной «мультикультурности» до крайних форм черносотенного мракобесия,

⁶ См.: Рууд Ч.А., Степанов С.А. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М.: Мысль, 1993. Гл.9. <http://dn-knigi.lib.ru/JUDAICA/BogrStol.htm>; Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьба реформ в России. М.: Издательство политической литературы, 1991. Гл.VII.

насаждается вместо истории не потому, что он обоснован, а потому, что удобен. Удобен для решения социально-политических задач.

«Станислав Белковский: На мой взгляд, православный проект сегодня оптимален, и, более того, он является единственным способом выживания России как цивилизации, отдельность которой как цивилизации признавали многие философы»⁷.

Заметьте: теперь уже и религия не самостоятельная ценность, а «проект», «способ». По-моему, для верующего христианина сама постановка вопроса – то, что его веру используют для чего-то постороннего, – должна быть оскорбительна. Но православной общественности сподручнее обижаться на Мадонну.

Все это было бы смешно ... Очередной учебник, который можно зачитывать вслух в веселой компании за рюмкой чая. Очередное министерское *«допущено»*. Очередной фельетон Авесхана Македонского (пора уже сборник издавать: «15 лет модернизации российского образования»). Но главные выводы, которые можно сделать, ознакомившись с новым учебником, к сожалению, веселыми не назовешь. Бог с ними, с министерскими чиновниками. Они делают свое *«реформаторское»* дело последовательно и методично с 1992 г. Но еще несколько лет тому назад можно было надеяться на академическую экспертизу – что она окажется честнее ведомственной. И на старые университеты как на оплоты нормальной, традиционной, «позитивистской» науки. А теперь смотрите выходные данные. Один из авторов, он же составитель *«Отечественной истории»*, – с истфака МГУ, причем не культуролог–политолог, а преподаватель кафедры источниковедения. Рецензенты – историки, доцент и профессор того же Московского Государственного Университета имени Ломоносова.

Пожалуй, на такой исторический факультет МГУ уже можно принимать по результатам Единого Гэ. Хуже не будет.

Авесхан Македонский

⁷ Радио «Свобода». 08-08-04. Корпорация православного действия и «новейшее средневековье». Программу ведет Дмитрий Волчек. Принимает участие президент Института национальной стратегии Станислав Белковский.

<http://www.svoboda.org/ll/polit/0804/ll.080804-1.asp>

Наши авторы

Фридман Леонид Абрамович

доктор экономических наук, профессор,
руководитель Лаборатории по комплексному изучению
Центральной Азии и Кавказа
Института стран Азии и Африки при МГУ

Найдыш Вячеслав Михайлович

доктор философских наук, профессор,
академик Академии гуманитарных наук,
зав. кафедрой онтологии и теории познания
Российского университета дружбы народов

Белова Ольга Владиславовна

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

Петрухин Владимир Яковлевич

доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

Розенталь Исаак Соломонович

доктор исторических наук, профессор,
главный специалист Российского государственного архива
социально-политической истории

Смирнов Илья Викторович

историк, постоянный рецензент учебной литературы
по общественным наукам в газете «Первое сентября»

Our authors

Fridman Leonid Abramovich

D.Sci. in economics, Professor, the chief of the Laboratory for interdisciplinary studies of Central Asia and Caucasus, the Institute of Asian and African Countries at Moscow State University

Naydysh Viatcheslav Mikhailovich

D.Sci., Philosopher, Professor, Head of the Department of Ontology and Epistemology, Russia Peoples' Friendship University

Belova Ol'ga Alexandrovna

Ph.D., philologist, senior research assistant of the Institute of Slavic Studies, RAS

Petrukhin Vladimir Yakovlevich

D.Sci., historian, Professor, leading specialist of the Institute of Slavic Studies, RAS

Rosental Isaak Solomonovich

D.Sci., historian, Professor, head specialist of Russian Record Office of Social-Political History

Smirnov Il'ya Victorovich

historian, permanent reviewer of textbooks on social sciences in «September, One» newspaper

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2006 г.

Теория и практика политических игр

- Кургинян С. Е.*
Бдительность. №1. С.4
- Кургинян С. Е.*
Карикатуры. Новый поворот исламской темы и его значение для современной политики. №2. С.4
- Кургинян С. Е.*
Нарастает ли давление на Россию? №3. С.4
- Кургинян С. Е.*
Отставка генпрокурора: «техническое решение» или начало крупных политических трансформаций? №4. С.4, №5.С.4
- Кургинян С. Е.*
Игра с огнем. Системная аналитика событий, произошедших в мире и стране с середины сентября 2006 года. №6. С.4

Геоглобалистика

- Дегоев В. В.*
«Губернизация» против этнократизма (о некоторых методологических подходах к северокавказским проблемам). №3. С.56
- Добаев И. П.*
Тенденции в развитии исламского движения на юге России. №2. С.54
- Неклесса А. И.*
Локомотив постмодерна, или «территория тьмы». Заметки на полях статьи профессора Джованни Арриги. №2. С.38
- Фридман Л. А.*
Китай, Россия и США. Разные расчеты – разные результаты. №6. С.66

Грани катастрофы

- Неклесса А. И.*
Несостоявшаяся революция. Гегемония номенклатурного класса предопределила провал второй модернизации России – постиндустриальной. №5. С.68
- Смирнов И. В.*
Полумглисты. №2. С.74

Европейские параллели

- Майзульс М. Р.*
Увидеть невидимое: визионер и теолог в Средние века. №5. С.118

Мальков В. Л.

Прибалтийский узел. 1939–1940 гг. (По материалам американских архивов). №3. С.122

Марына В. В.

К истории советско-чехословацких отношений 1938–1940 гг. (По страницам дневника И.М.Майского). №3. С.84

Пути духовных исканий

Ивахненко Е. Н.

Интеллектуальные споры XVII века: «грекофилы» и «латынчики». №1. С.86

Каравашкин А. В.

Библейские тематические ключи: пределы верификации №1. С.64

Соболев А. В.

О русской философии права (школа П.И.Новгородцева) №4. С.112

Шаповалов В. Ф.

Миф о «тевтонском пленении». №4. С.140

Ресурсы нации

Горохов А. Ю., Игнатъев А. В.

Недостающий компонент несуществующей стратегии. №5. С.98

Ярлыки и мифы

Белова О. В., Петрухин В. Я.

История в свете «фольклорной» мифологии: от язычества к христианству. №1. С.110

Белова О. В., Петрухин В. Я.

«Исторический» портрет на фоне «фольклорного» пейзажа. №6. С.122

Каравашкин А. В.

Власть мучителя. Конвенциональные модели тирании в русской истории: XI–XVII вв. №4. С.62

Найдыш В. М.

Предмет философии мифологии и ее становление в России. №6. С.106

Страницы истории

Левандовский А. А.

Взрывная сила «Судебных уставов». №3. С.66

Маркович Я. С.

Поэт поэтов. №2. С.94

*Розенталь И. С.
Рано или поздно? Заметки на полях известных страниц истории.
№1. С.136*

*Розенталь И. С.
О царской охране и «ведомственной» истории. №6. С.146*

Россия в мире

*Мяло К. Г.
На круги своя: перед вызовом глобализации. №5. С.82, №6. С.92
Рассел Д.
«Соловьи, соловьи...». №4. С.156*

Актуальный архив

*Ненароков А. П.
В.С.Войтинский – Гарви и гарвятам. Письма 1933–1939 гг.:
о времени, событиях и политиках. №2. С.130, №3. С.152
Печатнов В. О.
Как Сцилард писал Сталину. №1. С.168
Репников А. В.
«...Все идет к перевороту». №5. С.160*

Редакционная почта

*Аблова Н. Е.
О новых подходах к изучению и преподаванию внешней политики
России. №1. С.188
Новиков А. М.
О роли науки в современном обществе. №2. С.172
Смирнов И. В.
Цивилизационный провал. №6. С.182*

The List of All Published Materials in 2006

Theory and Practice of the Political Games

Kurginyan S.
Vigilance. №1. P.4

Kurginyan S.
Cartoons: a New Twist of the Islamic Topic and its Significance for the Contemporary Politics. №2. P.4

Kurginyan S.
Does Pressure on Russia Increase? №3. P.4

Kurginyan S.
The Prosecutor General's Resignation: a «Technical Solution» or the Outset of Major Political Transformations? №4. P.4, №5. P.4

Kurginyan S.
Playing with the Fire. The Systemic Analysis of Events that Occurred in the World and in Russia Since Mid-October, 2006. №6. P.4

Geopolitics and International Policy Issues

Degeev V.
«Provincization» against Ethnocratism (about Some Methodological Approaches to North Caucasian Problems). №3. P.56

Dobaev I.
Trends in Development of the Islamic Movement in the South of Russia. №2. P.54

Fridman L.
China, Russia and the USA: Different Calculations Bring about Different Results. №6. P.70

Neklessa A.
Postmodern Locomotive or the «Realm of Darkness». №2. P.38

The Faces of Catastrophe

Neklessa A.
The Frustrated Revolution. The Hegemony of Nomenklatura Class has Foredoomed the Failure of the Second, Post-Industrial Modernization of Russia. №5. P.68

Smirnov I.
The Twilight People. №.2. P.74

European Parallels

Mal'kov V.
The Baltic Knot (1939–1940). The Documents from the U.S. Diplomatic Archives. №3. P.122

Mar'ina V.
New Pages of the Soviet Czechoslovakian Relations in 1938-1940 (on the Basis of I.M.Maiski's Diary). №3. P.84

Mayzul's M.
To Gain a Sight of the Invisible: the Medieval Visionary and Theologian. №5. P.118

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Ivakhnenko E.
Intellectual Disputes of the 17-th Age: «Greekophiles» and «Latinphiles». №1. P.86

Karavashkin A.
Biblical Thematic Keys: Limits of Verification. №1. P.64

Shapovalov V.
The Myth of «the Teutonic Captivity». №4. P.140

Sobolev A.
On the Russian Philosophy of Law (P.I.Novgorodtsev's School). №4. P.112

Resources of Nation

Gorokhov A., Ignat'ev A. *The Lacking Component of the Non-existent Strategy. №5. P.98*

Labels and Myths

Belova O., Petrukhin V.
History in the Light of «Folklore» Mythology: from Paganism to Cristianity. №1. P.110

Belova O., Petrukhin V.
The «Historical» Portrait against the «Folklore» Landscape Background. №6. P.122

Karavashkin A.
The Tormentor's Power. Conventional Models of Tyranny in the Russian History: 11-th to 17-th Century. №4. P.62

Naydysh V.
The Subject of the Philosophy of Mythology and Emergence of the Discipline in Russia. №6. P.106

Pages of History

Levandovski A. *The Blasting Power of «Judicial Statutes». №3. P.66*

Markovich I. *The Poet of Poets. №.2. P.94*

Rosental I. *Was Early or Late? The Notes on the Margins of Well-Known Pages of History. №1. P.136*

Rosental I. *On «the Czarist Okhranka» and «the Departamental» History. №6. P.146*

Russia in the World

Russell J.

«Solov'i, Solov'i...». №4. P.156

Mialo K.

Back to the Perennial Natural Circle: in the Face of the Globalization Challenge. №5. P.82, №6. P.92

Topical Archive

Nenarokov A.

V.S.Voitinski to Harvey and his Offsprings. Letters, 1933–1939: on the Time, Events and on Politicians. №2. P.130, №3. P.152

Pechatnov V.

Szilard Writing to Stalin. №1. P.168

Repnikov A.

«.....Everything is Heading to a Coup». №5. P.160

Readers' Letters

Ablova N.

On New Approaches to Research and Teaching of Russia's Foreign Policy. №1. P.188

Novikov A.

On the Role of Science in the Contemporary Society. №2. P.172

Smirnov I.

The Civilizational Failure. №6. P.182

Учредитель
«Экспериментальный творческий центр»

Главный редактор

С.Е.Кургинян

Редколлегия:

Бялый Ю.В. (зам. гл. ред.),
Мамиконян Е.Р. (зам. гл. ред.),
Каравашкин А.В.,
Куриленкова А.А.,
Петрова И.Н.

Перепечатка допускается
по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются

Позиция редакции не всегда совпадает с мнением авторов

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года

Регистрационное свидетельство 011074

Юридический адрес редакции:

123001, Москва, Вспольный пер.,18

Редакция располагается по адресу:

Москва, Садовая-Кудринская, 22

телефон (495)291-74-79

факс (495)694-17-54

E-mail russia21@ecc.ru

<http://www.russia-21.ru>

© «Россия XXI» 2006

Цена свободная

ISSN 0869—8503

**Подписка на газеты и журналы по Москве
через Интернет: www.GAZETY.ru**

Подписано в печать 12.12.2006. Формат 60x88 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная I. Объем 12,5 печ. л.

Тираж 2000 экз. Заказ

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ».

140010 Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-кт, 403.

Тел. 554-21-86

6. 2006 november-december

S o c i a l , P o l i t i c a l a n d

Theory and Practice of the Political Games

Sergey Kurginyan

Playing with the Fire. The Systemic Analysis of Events that Occurred in the World and in Russia Since Mid-October, 2006 _____ **4**

Geopolitics and International Policy Issues

Leonid Fridman

China, Russia and the USA. Different Calculations Bring about Different Results _____ **66**

Russia in the World

Kseniya Myalo

Back to the Perennial Natural Circle: in the Face of the Globalization Challenge (the continuation) _____ **92**

Labels and Myths

Viatcheslav Naydysh

The Subject of the Philosophy
of Mythology and Emergence
of the Discipline in Russia _____ **106**

Ol'ga Belova, Vladimir Petrukhin

The «Historical» Portrait
against the «Folklore»
Landscape Background _____ **122**

Pages of History

Isaak Rosental

On «the Czarist Okhranka» and
«the Departamental» History _ **146**

Readers' Letters

Il'ya Smirnov

The Civilizational Failure _____ **182**